

Nademonogatari

Аннотация

Когда-то девушка по имени Сэнгоку Надэко была богом. С тех пор прошло много времени, и теперь она всеми силами пытается исполнить свою мечту, пока в один прекрасный день её не возвращают с небес на землю. Столкнувшись с суровой реальностью, Сэнгоку Надэко с помощью Ононоки Ёцуги, маленькой девочки-сикигами, призывает в мир живых четыре копии себя, четыре альтер эго.

Однако стоило «другим Надэко» появиться, как они разбежались кто куда...

Эти современные странности! Странности! Странности!

Юные сердца не в силах уследить даже за собой.

Ничья Надэко

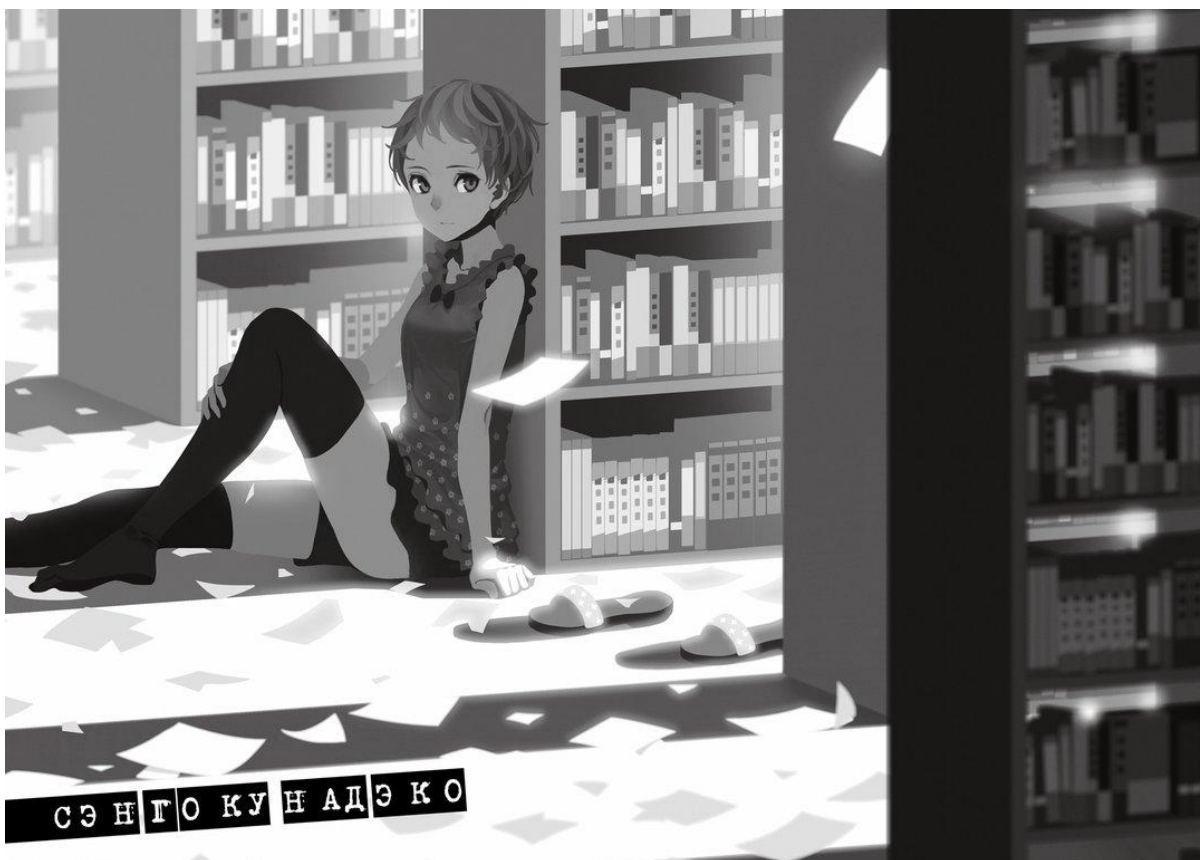

ЭПИЗОД
НУЛЕВОЙ

НИЧЬЯ НАДЭКО

BOOKBOX DESIGN
VEIA

ILLUSTRATION
VOFAN

СЭНГОКУНАДЭКО

Если бы история жизни Сэнгоку Надэко стала сюжетом манги-сериала, на данный момент длиной в пятнадцать томов, и я бы за один присест проглотила всё выпущенное, то однозначно бы решила, что тамошняя главная героиня — ни то ни сё: ни характера, ни бесхарактерности, — именно такое неясное послевкусие осталось бы у меня после чтения, это точно.

Вот героиня утверждает в четвёртом томе одно, а в восьмом уже отрицает, и наоборот; её цели меняются так быстро, что опомниться не успеваешь; поступки идут поперёк словам; вот она говорит в первом лице, а вот и в третьем; даже её образ меняется раз за разом, и всё для того, чтобы сделать её же сексапильнее и подстегнуть продажи; «коронные фразы» тоже не отличаются постоянством; одно её увлечение от случая к случаю противоречит другому, а что она только ни делает с мальчиком, в которого влюбилась и который стал для неё всем!

К сожалению, подобная участь ждёт любое произведение, которое выходит достаточно долго: с целостностью будут проблемы; наверно, только истинные фанаты продолжат трепетно относиться к однажды полюбившейся истории и персонажам, несмотря на все противоречия, в то время как внимательный читатель не может быть доволен таким положением дел и мириться с тем, что ему предлагают. Поэтому я отчасти солидарна с мнением автора, задумавшего этим томом подвести итог истории своей героини, пока её характер окончательно не разбавился мелочью.

Нет, я говорю не как «внимательный читатель», а как Сэнгоку Надэко собственной персоной, и это мне кажется, будто временами я была не я, а кто-то совершенно другой. Не могу представить, что давешняя, тогдашняя, бывшая и прежняя я — один и тот же человек.

Не могу, хоть тресни.

Их образы смутные... как послеобраз¹.

«Неужели всё это моих рук дело?» — спрашиваю я себя, когда перебираю картины прошлого и пытаюсь подвергнуть случившееся тщательному анализу, и, как бы возмутительно и безответственно это ни выглядело, с трудом верю, что безобидная девочка вроде меня могла принести так много бед — просто мороз по коже!

Очевидно, что те «я» действовали без моего разрешения.

Но это уже, конечно, выглядит обычным эскапизмом.

А бегство от реальности — дорогое удовольствие.

Я понимаю, что перекладывать ответственность на чужие плечи аморально.

Чтобы защитить себя нынешнего, человек может относиться к бывшему себе как к незнакомцу, отрешившись от поступков прошлого, но это, по сути, означает лишь одно: презирать себя. А я после недавних событий теперь искренне считаю, что нужно дорожить теми личностями, какие входили в моё «я», точно так же как и мной сегодняшней.

И всё же нельзя сказать, будто мой характер развалился от времени; якобы чем дольше я жила... чем дольше «выпускалась манга», тем сильнее он терял цельность и выразительность.

Взять любой момент из моей жизни — и сразу поймёшь, что всё у меня одно да потому: нет-нет да и проявится моё непостоянство: слова расходятся с делом. Я пытаюсь со всеми поладить, подстроиться незаметно, хитро свести концы с концами в выдуманных про себя историях, но получается неуклюже, постоянно что-то не вяжется, и я лихорадочно, всеми правдами и неправдами, выкручиваюсь и выдумываю что-то новое, — это замкнутый круг.

Таких людей ещё называют подпевалами².

Или — да, паиньками и душеньками, как бы горько это ни звучало.

Прекрасно пойму тех, кто скажет: «Завязывай с этой тягомотиной! Кому интересна история, где главная роль отведена — даже не важно, что героине с невыразительным характером, — самому непопулярному персонажу?» Да, на мне висит проклятие непопулярности, но, вспоминая прошлое, я понимаю, что этого было не избежать.

Неизбежное проклятие.

Возможно, такие сильные переживания только лишний раз показывают моё желание уйти от реальности; по правде сказать, заглядывая в лицо прошлой себе, я думаю, что ни капли не изменилась с той поры, когда ещё ходила под змеиным проклятием, или с той, когда сама их накладывала.

Заглядывая в лицо прошлой себе... Глядя на себя со стороны...

Я думаю, что так и не смогла ни измениться, ни повзрослеть.

Тем не менее, заглянув в свой внутренний мир, я не вижу там прежнюю себя. Точно так же человек, при взгляде на своё отражение в зеркале, видит только того, кем он является сейчас. Однако сложно спорить с тем фактом, что я могу быть совершенно разной, когда остаюсь наедине с собой или с кем-то другим.

Вот заладила: всё я да я!

Как будто у меня расстройство множественной личности!

Что ж, много их или нет, но личность есть индивидуальность, а иметь хоть какие-то характерные черты, позволяющие отличить тебя от другого, — уже большое дело. Другой вопрос: есть ли они у меня?.. Наверно, по всему свету не сыскать человека, которому бы так же сильно не подходило выражение «иметь характер», как мне.

Ох-ох-ох.

Кстати о невыразительных характерах: совсем недавно я подружилась с той, кто, пожалуй, любому даст фору, — Ононоки Ёцуги-тян.

С девочкой-куклой, Ононоки Ёцуги.

Эта странность в облике человекоподобной куклы запросто попадает под влияние окружающих; характер у неё меняется в зависимости от того, с кем она общается, но я так понимаю, что это просто заложено в её природе.

В манге таких персонажей ни за что не встретишь.

Подозреваю, что авторам хватает таланта прописывать своих героев как следует.

Что до самой Ононоки Ёцуги, так её и вовсе не беспокоила такая мелочь, как иметь или не иметь характер, однако как-то раз она сказала мне...

Как-то раз... В смысле, в один из тех моментов, когда Ононоки Ёцуги была непохожа на саму себя и подражала кому-то другому... Так вот, она сказала следующее:

— Представь человека, который постоянно придерживается одной линии поведения, когда бы, где и с кем ни находился, — разве тебе не кажется это странным? По-моему, существуй он на самом деле, его следовало бы изолировать, как опасный элемент, представляющий угрозу для общества. Любой человек, не говоря уже о богах, время от времени бывает как в хорошем, так и в плохом настроении. И в те дни, когда он не в духе, его манера речи может быть грубой. Если ты, например, позвонишь такому человеку, подняв его из постели и оторвав ото сна, то он, скорее всего, будет разговаривать с тобой невежливо. Кому угодно может нездоровиться что в ясную, что в дождливую погоду, и от этого он будет меняться в лице. Какой-нибудь старый человек, дожив до рождения своего внука или внучки, может наконец простить своего заклятого врага, чего ни за что не мог бы позволить себе раньше. И, наверно, любой захочет возместить причинённый ущерб сразу после того, как очень серьёзно напортачит. По сути, у всех людей есть чувства, хотя бывает и так, что некоторые их не испытывают. Однако даже они не могут всегда оставаться безэмоциональными. Хотя человек, на которого выплёскиваются все эти эмоции, тоже может быть не в настроении. Если он ничего не хочет выслушивать, для него и народная мудрость прозвучит как полный бред. Одного только искренне жаль: всё, о чём я сейчас говорил, не может послужить оправданием нашему с тобой изменчивому поведению; мы просто должны примириться со всем, что у нас внутри, и нести это бремя на своих плечах.

«Мы», — подытожила тогда эта девочка-странность, поставив меня в один ряд с собой, а нынешняя я, кстати, почти не ощущает себя человеком.

Так что её обобщение звучит разумно.

Но хоть я и сравниваю внаглую свои прожитые годы с томами сериализованной манги, а работу о пятнадцати годах моей жизни на самом деле не опубликовали бы даже в виде ваншота: она бы пополнила ряды ненапечатанных историй³.

Давешняя...

Тогдашняя...

Бывшая...

Прежняя...

И нынешняя я... никогда бы не увидели свет. Они, в лице одной-единственной Сэнгоку Надэко, так бы и не узнали, с чего всё началось, и, следовательно, не нашли свой конец.

Примечания

1. Когда яркий объект исчезает из поля зрения, его след какое-то время ещё остаётся на сетчатке глаз. Этот след и называют послеобразом. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2. У выражения «*хаппо-бидзин*» есть два значения: первое имеет оттенок презрения и означает человека, старающегося любому угодить, быть дружелюбным со всеми и подстраиваться под других людей, а второе используется для описания красивой женщины со всех сторон без каких-либо недостатков.

3. Ваншот — самостоятельный выпуск манги, представленный в полном объёме без каких-либо продолжений (чаще всего для конкурсов). Нередко бывало и так, что популярные сериализованные работы, например «Берсерк», начинались с ваншотов.

— Береги... кх!.. гись!

Я так долго провела в четырёх стенах, что, оказавшись в кои-то веки на улице, позабыла, с какой осторожностью нужно ходить по дорогам: на повороте меня едва не сшиб велосипедист, когда я в спешке выскочила из-за угла; он успел вывернуть руль набок и с такой силой дал по тормозам, что заднее колесо его велосипеда взметнулось высоко в небо, куда следом он подтянул и переднее... Нет, как-то это слишком преувеличенно — высоко в небо! — велосипед чуть не задел меня по макушке! Тяжёлая груда металла практически чиркнула меня по голове и пролетела дальше, — я как будто поучаствовала в цирковом номере, где циркач решил добавить зрителю остроты ощущений... Если бы у меня перед глазами, как раньше, висела чёлка, то я бы, считай, пропустила представление целиком.

Это такие моменты называют критическими?

Реально, я была на волосок от опасности!

Однако опасность обошла лишь меня: велосипедист попытался изящно, мощным силовым движением вверх, избежать столкновения, изобразив некое подобие акробатического трюка, но уйти целым ему не удалось.

Получилось какое-то одностороннее ДТП.

Приземление вышло крайне неудачным: этот ездок, вместе со своим железным конём, опрокинулся набок и стремительно проскользил по асфальту, словно шайба по столу для аэрохоккея, после чего со страшным стуком врезался в отбойник.

Прямо вмазался. Впечатался со всей дури.

Я стала свидетелем страшной аварии и почему-то испытала дежавю.

Как будто всё это было знакомо.

Вроде я была очевидцем чего-то похожего да ещё и в том же самом месте в конце октября прошлого года...

Я не понимала, обманывали меня ощущения или нет, но не могла безучастно смотреть на велосипедиста, который, врезавшись в отбойник, лежал на дороге без движения и которого — ну и ну! — я узнала в лицо.

Точно.

Это же Осино Оги-сан!

— Вы... вы не ушиблись? — задыхаясь от волнения, спросила я, подбежав к ней поближе. Может, Оги-сан уже и попадала раньше в такую аварию, но это не значит, что ей и сейчас повезёт избежать травм... Стоп, но тогда она и в прошлый раз должна была что-нибудь себе сломать, — такой удар!

По-моему, пора вызывать скорую помощь: девушка не двигается... У меня нет своего мобильного, так что придётся без спроса воспользоваться телефоном Оги-сан, но где же она его держит: во внутреннем отделении своего смоляного пиджака? в боковом кармане таких же смоляных брюк?

А... Что? Как это?

На ней мужская школьная форма?!

— Порядок! — с небольшим опозданием ответила на мой вопрос Оги-сан и (что, пожалуй, было ожидаемо) резко, словно под ней разжалась пружина, поднялась корпусом и села ровно, когда я нагнулась посмотреть, что с ней.

На губах девушки застыла постная улыбка.

Я подумала, надо бы и мне сохранить лицо; хорошо ещё испугалась не так сильно, как в прошлый раз, потому что отчасти была готова к её выходке.

— А-а, Сэнгоку-тян! *Рад* с тобой познакомиться! Меня зовут Осино Оги!

— ...Но мы ведь уже встречались, — настойчиво возразила я, и в то же время напористость Оги-сан заставила меня отпрянуть; как-то не верилось, что человек (кстати, давно уже мне не выпадал шанс поговорить с живым человеком. Онооки-тян и Цукихи-тян я в расчёт не беру: они не живые люди в привычном понимании) может оставаться таким бодрым после аварии.

Настойчивость, как ни крути, важная черта характера.

Обидно, когда человек забывает, что вы уже знакомы, и при повторной встрече здоровается с тобой так, как будто видит впервые... М-м? А в прошлый раз, кажется, всё было наоборот? Тогда я не знала Оги-сан, а Оги-сан вроде бы знала меня...

— Я ничего не знаю... Это ты всё знаешь, Сэнгоку-тян.

— ...

— Нет-нет, я не какой-нибудь *забывчивый детектив*, — ты не подумай... У нас с ней даже волосы вон прямо противоположных цветов!¹ Хах-ха-а, я реально, без шуток, никогда раньше тебя *не видел*, Сэнгоку-тян, — это наша первая встреча.

Оги-сан поднялась на ноги и отряхнула от пыли форму, проведя несколько раз ладонями по штанинам брюк, рукавам и полам пиджака... На ней была мужская форма. Реально, без шуток.

Но кто, как не парень, может её носить?

Ну так Осино Оги и есть парень, точно! Он учится во втором классе старшей школы Наоэцу... вроде бы.

Нет, я уверена в этом!

Осино Оги.

Он племянник Осино Меме-сана, специалиста по сверхъестественным явлениям... Оги-сан рассказал мне об этом в прошлом году, когда мы с ним также чуть не столкнулись.

Ну вот, я же помню... И он тоже должен помнить нашу встречу.

Хотя сам почему-то притворяется, что никогда раньше не видел меня, — не понятно. Ну да ладно, не хочу даже разбираться, в чём причина.

У меня и времени-то в обрез.

Точнее, его вообще нет. А сколько ни дай сверху — всё равно будет мало.

Я в спешке выскочила из-за угла на перекрёстке — а до этого ещё и из своей комнаты, в которой долгое время сидела сычом, — не просто так.

— Сама-то не поранилась, Сэнгоку-тян?

— А, нет... Я в порядке, Оги-сан.

— Хах-ха-а! «Оги-сан»! Оставим формальности! Можешь называть меня братиком Оги, как своего близкого друга!

«Хах-ха-а!» — посмеялся он ещё раз.

Где это видано, чтобы среднеклассница называла братиком парня из старшей школы, с которым «только что познакомилась»? Найдите мне такую девочку: я хочу на неё посмотреть!

— А-а? — удивился Оги-сан. — Но ты же называла так А-бла-бла-ги-сэмпая, разве нет?

— ...

— Шутка! Извини, запнулся! Так куда спешишь, Сэнгоку-тян? В школу?

Я была благодарна Оги-сану за быструю смену темы, но всё равно чувствовала себя неловко из-за его ухмылки на лице и смеха с придыханием, — по этим признакам казалось, что он спрашивает, уже зная ответ наперёд.

Не хотелось говорить с ним по душам.

Но и другой его вопрос тоже был малоприятен.

Я уже больше шести месяцев не ходила в школу.

И вообще, на мне даже не было школьной формы: я выбежала на улицу в домашнем свитшоте, трениках и сандалиях, — как можно, глядя на меня, подумать, будто я спешу на занятия? Разве по мне не видно, что случилась какая-то беда?

Что у меня срочное дело?

Если бы на моей макушке стоял проблесковый маячок, то он бы сейчас всю мигал красным!

Ох, как я этого не хотела, но пришлось выйти на улицу и заставить своё хилое тельце, не выносящее солнечного света ещё больше, чем сами вампиры, через не могу тащиться под палящими лучами солнца, так мало того, меня ещё чуть не сбил насмерть этот опасный велосипед, — я столько всего натерпелась, что уж кому, как не мне, казалось бы, не выпасть на время из реальности и не начать молотить чепуху.

Вот только из реальности выпал Оги-сан, раз спрашивает очевидную глупость.

— Как... как ваш велосипед?.. Не сломался, надеюсь? — поинтересовалась я, стараясь говорить почётче и вразумительно.

Мой голос немного дрожал, и я чуть-чуть заикалась, — сказывалось волнение оттого, что я давно не разговаривала с живым человеком вообще и с «до этого незнакомым со мной» Оги-саном в частности, но по сути, я просто плохо умею общаться с людьми: уровень навыка очень низкий.

Он ползёт где-то по земле. Прямо как змейка.

Раньше я была до того нелюдимой, что специально отрачивала длинную чёлку, чтобы она при случае могла полностью закрыть лицо. За это Осино Меме-сан даже прозвал меня Стесняшкой.

Стесняшка...

«Какое неподходящее прозвище ко мне прицепилось», — думаю я теперь.

По идее, даже «Нелюдимка» и «Стесняшка» рисуют в голове образ какой-то милой девочки, в то время как на самом деле я была «Угрюмой растеряшкой», которая не знала, что ей делать, и оттого ходила подавленной.

Осино Меме-сан ещё пощадил меня, не став говорить правду в глаза... но от его племянника, чувствую, пощады не жди.

— М-м? Да нет, не сломался. ВМХы славятся своей неубиваемостью. *Так же как и я.* Подбросить до школы-то? — предложил Оги-сан, на этот раз не став менять тему, но и я больше не собиралась поддерживать с ним беседу, отвечая на разные провокационные вопросы. Если Оги-сан не ранен, а его велосипед цел и невредим, тогда у меня нет причин задерживаться.

Не знаю почему, но есть ощущение, что ничего хорошего меня не ждёт, если я не поспешу от него прочь, а останусь поболтать.

В прошлом году, как раз после простой болтовни с Оги-саном, случилось много чего ужасного... Хотя ответственность за те «много» и эти «чего» полностью лежит на мне.

Это я виновата в том, что в моей жизни произошла такая резкая перемена.

Сейчас меня тоже многое что беспокоит, но это уже другие «много» и «что».

Под «много» я подразумеваю личные угрызения совести, а под «что» — сомнения лично в Оги-сане: он кажется подозрительным.

Подозрительным... и *странным*.

— Покорнейший сесибон, за предложение, но я иду, не в школу. Ладно, мне пора бежать... — попрощалась я с Оги-саном, стараясь говорить ровно и чётко, так что даже расставила больше запятых, чем было нужно (ещё щегольнула перед ним словом «сесибон», — такому на уроках родного языка точно не научат, а я вот знаю! Вообще, мой словарный запас значительно расширился с прошлогодней встречи с Оги-саном), — попрощалась с ним с ошибками, но не придавала им большого значения и уже развернулась, чтобы спешно покинуть это место (аварии), как вдруг...

— Правда? — остановил меня Оги-сан. — Я был так уверен, что ты направляешься именно в школу! А то, понимаешь, несколько минут назад проехал мимо *Сэнгоку-тян в школьной форме*, — съязвил он и надменно усмехнулся... Что?!

— О!.. Оги-сан!

— Ай, зачем так кричать? Прямо оглушила!

— Пожалуйста, отвезите меня *к той мне!* Я как раз себя разыскиваю!

Примечания

1. Речь идёт об Окитэгами Кёко, героине цикла лайт-новел «Забывчивый детектив» авторства Нисио Исина. По сюжету она страдает от редкого заболевания: каждое утро девушка забывает, что происходило с ней вчера, поэтому все дела вынуждена раскрывать за одни сутки. У Окитэгами Кёко, в отличие от Осино Оги с её/его как смоль чёрными волосами, ослепительно белые волосы.

Правило 10 000 часов.

По-моему, его вывели в ходе какого-то исследования: оказалось, что все люди до единого, которых принято считать величайшими мастерами своего дела, усердно трудились не менее 10 000 часов, прежде чем достигли высокого уровня¹.

Остаётся только надеяться, что справедливо и обратное: если усердно заниматься любым делом не менее 10 000 часов, можно овладеть величайшим мастерством; но стоит лишь задуматься, до чего огромно это число — 10 000! — как сразу теряешь всякую надежду.

Отчаиваешься, потому что осознаёшь, насколько призрачна надежда на успех.

Всё-таки в сутках только 24 часа.

Давайте округлим до 25, чтобы было легче считать. Тогда получится, что 100 часов набираются за полные 4 суток, 1 000 часов — за 40 суток и 10 000 часов — за 400 суток.

Если вычесть час, который мы надбавили, то суток выйдет ещё больше, а поскольку в году 365 суток, то 10 000 часов, грубо говоря, составят примерно год.

«Ну и ну! Всего годик усердного труда — и я стану величайшим мастером! Да это же раз плюнуть!» — подумают некоторые, но я уже успела хлебнуть горя и поняла, что жизнь не такая идеальная и безмятежная, поэтому не грезила подобными мечтами. По сути, я шла по узкой и жалкой тропе существования и к пятнадцати с небольшим годам влачила уже какую-то человекоподобную жизнь (я говорю «подобную» не потому, что хочу унижить себя в глазах читателей. Просто в моей жизни был один период, когда я не была человеком).

Я и в среднюю школу-то ходила только до середины второго класса. Никогда не относилась к учёбе добросовестно. Да, прилежно посещала занятия, вела себя тихо, но учиться не старалась: сдаётся мне, я была трудной ученицей. Наверно, поэтому на меня тогда и повесили такую же трудную работу, — не будет же учитель напрягать прилежного ученика?

Когда я вспоминаю те события...

То мне порой кажется, что классрук Сасаябу должен разделить как минимум половину моей вины за всё, что случилось... Не соучастники ли мы с ним? Однако я рассуждаю о прошлом, отстраняясь от самой себя, будто те события меня и вовсе не касаются, а так делать нехорошо.

Но это в сторону, сейчас о другом: в жизни человека помимо труда есть ещё и повседневный быт. Людям необходимо спать и есть. Ходить в туалет, принимать ванну, переодеваться, стричься и делать кучу других разных дел. В постоянном труде жить нельзя, иначе это не жизнь.

Да, быт зиждется на труде.

Но нормальный труд напрямую зависит от качества быта.

А значит, полагаются такие часы, когда человек не должен трудиться.

Все рабочие люди бóльшую половину дня посвящают повседневному быту. Даже если кто-то решит прыгнуть выше головы и без перерыва отработать свыше 12 часов, а на следующие сутки свалится, то ничего от этого не выиграет: день вылетит в трубу.

Сколько человек ни подбирает оптимальную продолжительность рабочего дня, а самая эффективная — не более 8 часов плюс час перерыва.

Вот он, предел.

8 часов. 1/3 суток.

То есть надо ранее высчитанный 1 год умножить на 3, — тогда-то уравнение окажется правильным и получатся искомые 10 000 часов... Итого: 3 года.

3 года?..

Не думаю, что это прям уму непостижимо как долго, но, если постараться, осуществить свою мечту, по-моему, вполне возможно; 3 года — это обозримое будущее, и хотя я верю, что любую цель реально достичь, что судьба, несмотря на скоротечность времени, не выкинет коленце и не пригрозит: «Даже и не надейся!» — но срок всё равно кажется немного сомнительным.

Любого, кто пойдёт на такую авантюру, ожидают, чего греха таить, три года скучной, размеренной жизни.

Хорошо сказать «я буду трудиться не покладая рук!», однако за громкими словами скрывается неприятная изнанка: когда мы стараемся хорошо делать что-то одно, всё остальное проходит мимо нас.

Отдавая предпочтение чему-то одному, что кажется важным, человек отказывается от чего-то другого, что тоже может быть важным.

Взять, к примеру, меня.

Я вот... хочу стать мангакой.

«Уа-а, призналась!» — застеснялась бы какая-нибудь девочка, но не я.

Честное слово, хочу!

Стесняшка уже не стесняется.

Скорее, она светится счастьем — и всё у неё написано на лице!

Это один дядя-мошенник подбил — нет, убедил меня стать мангакой. Я понимаю, что он обманул насчёт таланта, но мне ни капли не жалко тратить свои силы на шлифовку того, чего нет.

Я получаю настоящее удовольствие от рисования манги, несмотря на всю тяжесть и монотонность этой работы.

Как только передо мной замаячила эта мечта, я ухватила за неё и проглотила целиком. Словно змейка — добычу.

Однако решение посвятить большую половину повседневной жизни усердному рисованию манги автоматически означало полностью отказаться от посещения средней школы, тогда как среднее образование в нашей стране является обязательным.

Пока все сидят на уроках, я уединяюсь в своей комнате и учусь рисовать, — только и слышно, как по бумаге скрипит карандаш.

Рисую, рисую и ещё раз рисую, засучив рукава.

Хотя мне пришлось отказаться не только от уроков в школе.

Все мои сверстники гуляют и веселятся с друзьями, ссорятся, мирятся — словом, учатся жить в этом маленьком обществе под названием школа и оттачивают навыки общения и взаимодействия с другими людьми, в то время как я оттачиваю только художественные.

Следовать правилу 10 000 часов и посвятить их упорному труду рисования манги — значит бросить другой труд: учёбу в школе. Я совру, если скажу, что меня не тревожили вопросы: что будет, если я так и продолжу прогуливать уроки? отлынивать от своей роли школьницы?

Все ребята отшлифуют свои социальные навыки, а мои покроются вековой ржавчиной.

И вообще, если отлынивать от чего-то одного на протяжении 10 000 часов, есть опасность войти во вкус и точно так же начать лениться в других вещах.

Ну а если представить, что вложенные усилия не принесут плоды, то, как вариант, можно попробовать реализоваться в каком-нибудь другом близком к манге виде искусства, — в этом и есть секрет успеха в жизни (в умении перестраиваться и выполнять разную работу)... Вот только рассуждай не рассуждай, а мне не светит проверить правдоподобность правила 10 000 часов: у меня нет столько времени.

Даже одной трети его.

Потому что в конце концов мне сказали... Потому что сегодня утром родители в конце концов мне сказали: «Ну нельзя же вечно заниматься этими глупостями! Закончи среднюю школу и иди работать!»

Примечания

1. Эту формулу успеха вывел Малкольм Гладуэлл в своей книге «Гении и аутсайдеры. Почему одним всё, а другим ничего?».

— Вот, значит, как. Папа и мама, до безобразия избаловавшие своего единственного ребёнка безумной родительской любовью, — нет, не раскачались и выпалили наконец, а только разнежнивались и объяснили своей глупой дочери, что она занимается глупостями... Надо поприветствовать их желание взяться за свою дочь. И тебя тоже поздравить по этому поводу, Сэнгоку Надэко, — безэмоционально заключила Ононоки-тян, выслушав мои жалобы. Даже бровью не повела, не моргнула, а на лице её не дрогнул ни один мускул — её мимика не выдавала никаких эмоций вообще, но кроме того Ононоки-тян застыла в одной позе: я попросила её по дружбе послужить мне моделью.

Мы сидели у меня в комнате: Ононоки-тян позировала, забравшись на стол, а я зарисовывала её в скетчбук формата А3... Я сидела здесь почти круглыми сутками, потому что вела замкнутый образ жизни.

Ононоки-тян залетала ко мне в комнату через окно.

Она навещала меня по четыре раза на неделе... хотя не столько навещала, сколько, по сути, приходила грузить жалобами.

Да, сегодняшний день — исключение: это Ононоки-тян обычно жалуется мне, а не наоборот. На кого же она жалуется, спросите вы? Да на Арааги Цукихи-тян.

Других жалоб от неё не услышишь: всё только по поводу Цукихи.

Давайте вкратце поясню: Ононоки-тян, Ононоки Ёцуги-тян в настоящее время, по её словам, работает под прикрытием в доме Арааги.

Её основная задача, которую нужно держать ото всех в тайне, — наблюдение за Цукихи-тян, за Арааги Цукихи-тян.

...Представляю, какая нервная работа.

Что за изверг заставил её делать это?

Ну так вот, один раз мне пришлось помочь Ононоки-тян с её задачей, и с тех пор она, то есть Ононоки-тян, повадилась залетать ко мне в гости.

По четыре раза в неделю.

Так она убивает всю атмосферу затворничества!

«Мне кажется, я схожу с ума, когда долго нахожусь в доме Арааги», — объясняет свои посещения Ононоки-тян.

Поначалу я не обрадовалась её визитам — она навевалась передохнуть от работы в мою комнату, в которой я заперлась от внешнего мира, словно в крепости, — но потом поняла, что Ононоки-тян приносит больше пользы, чем неудобств.

Она же всё-таки соглашается побыть моделью для эскизов, когда я её прошу.

Ононоки-тян — кукла-странность и может запросто застыть в любой позе, даже подражать «Мыслителю» или «Венере Милосской». Она без проблем проводит в одном положении, не шелохнувшись, несколько часов и не устаёт, а всё потому, что кукла.

Кстати, в тот раз, когда Ононоки-тян изображала «Венеру Милосскую», она оказала невероятную услугу, вытащив обе свои руки. Кто ещё способен такое вытворить, если не кукла-странность? Это было устрашающее (я впервые увидела, как кто-то вытаскивает себе руки, и очень испугалась) сходство с подлинником.

Но её умения на позах не заканчиваются.

Ононоки-тян способна слепить из своей фигуры что угодно, выборочно раздувая или как-то иначе видоизменяя части тела. Уменьшать их меньше обычного она не может, зато увеличивать — как только захочет, — благодаря ей я учусь делать эскизы всевозможных пропорций тела.

Боже, да она универсальный натурщик!

«Чёрт возьми, никогда не думал, что настанет тот день, когда я буду пользоваться *Unlimited Rulebook* („Безграничным сводом правил“) в мирных целях», — возмущалась Ононоки-тян, но в её голосе было не так много недовольства, сколько она хотела вложить. Если у неё и имелся какой-то недостаток, так это неизменное безэмоциональное, как у куклы, выражение лица, но я не могла требовать от неё ещё и игры эмоций, — это уже бессовестно.

Даже если научусь рисовать правильные пропорции тела и правдоподобную одежду (а Ононоки-тян, к слову, всегда была в платье с оборками, которое трудно изобразить), это ещё не значит, что я стану мангакой, тем не менее визиты Ононоки-тян стали для меня большим благом.

Очень большим благом: до этого я в основном налегала только на технику рисования лиц.

Однако можно ли ждать человечности от того же *ёкая*?

В ответ на свою жалобу я получила довольно язвительное замечание. Ну, она же кукла: всё человеческое ей, разумеется, чуждо, сострадания не жди.

— Родители не называли меня глупой, — поправила я Ононоки-тян, — только сказали, что занимаюсь глупостями.

С одной стороны, разница здесь небольшая — чего, казалось бы, поправлять? — но с другой — обидная, хотя и без слов ясно, что я глупая, — это неоспоримый факт.

— Нет, серьёзно, задумайся, — отозвалась Ононоки-тян на моё замечание. — Я не считаю, что твои старания бессмысленны или что ты глупая и занимаешься глупостями, но нельзя гоняться за мечтой, по сути дела ничего не отдавая взамен. Нужно как-то отблагодарить родителей за возможность добиваться своей цели. Пойти на уступки, возместить вложенные в тебя средства. Поэтому они ставят одним условием окончание средней школы, тем более

когда среднее образование является обязательным, — это кажется им естественным... Или ты собираешься, нигде не учась и не работая, сидеть на иждивении до двадцати?¹

«Тогда так и останешься избалованной девчонкой в надежде, что родители будут вечно потакать твоим слабостям», — досказала Ононоки-тян монотонным голосом.

Я не нашлась, что ответить.

Она права.

Вообще-то, я и не думала сидеть на иждивении родителей до двадцати лет — это надо совсем потерять совесть, — однако соглашусь, что с головой ушла в стремление к мечте, не предвидя и не предчувствуя будущих шагов жизни.

Пора признаться самой себе.

Что я смотрела в будущее с закрытыми глазами.

Если говорить без обиняков, меня поглотил рисовальный запой. Я представляла себя крутым, несгибаемым человеком, который противостоит соблазну посещать школу, равнодушен к радостям от общения с друзьями и стоически посвящает всю свою жизнь рисованию манги.

Но не задумывалась, во что обходится родителям моя «крутизна».

Где же тут стоицизм — я тупо веселюсь за чужой счёт.

Всё верно: я по-прежнему веду себя как избалованная девочка, потому что боюсь смотреть в лицо реальности.

— Судя по тому, что тебя ещё не выгнали из дома, — предполагала Ононоки-тян, — твои папа с мамой, я бы сказал, уж больно мягкотелые. Слабохарактерные. Неужели им не жалко? Не жалко, что их единственная дочь выросла ни на что не годной?

С этим я тоже вынуждена согласиться, хотя можно было бы и не произносить такие обидные вещи вслух.

Но правда: я ни на что не годная.

Единственная дочь — и ни на что не годная.

— Собственно, ты же можешь объединить два дела сразу: работу и стремление стать мангакой. Почему бы тебе не уехать в столицу и не устроиться ассистентом у другого мангаки: и деньги будешь зарабатывать, и упражняться в рисовании? — предложила Ононоки-тян²; удивительно: обычно она такая острая на язык, а тут вдруг задумалась о моём будущем. Это каким безнадёжным человеком надо быть, если о тебе начинает беспокоиться странность? — К тому же *твоя* правило 10 000 часов, — продолжала она, — кажется мне откровенной выдумкой³. Если у человека имеется талант, он может проявиться и сразу, безо всякой необходимости его развивать. А кому-то, как мне, наоборот, даже 3 лет мало: требуется 100 лет, чтобы стать *ёкаем*⁴.

— Думаю, информация о том, сколько лет требуется для превращения в ёкая, мне ничем не поможет...

А правило 100 лет она взяла из своего *Unlimited Rulebook* («Безграничного свода правил»)?

Что ж, наверно, нельзя всех стричь под одну гребёнку.

Все люди разные, как ни крути.

— Ну да, — согласилась Ононоки-тян. — С другой стороны, бывают и такие, как ты: мигом рассчитала и — бац! — уже стала богом.

— Это был не расчёт, а просчёт...

Его последствия я испытываю на себе до сих пор и, возможно, даже нахожусь на пороге совершения ещё большего просчёта.

Ононоки-тян предложила реалистичный план: уйти из дома и начать самостоятельную жизнь, устроившись ассистентом мангаки, но он хорошо звучит только в теории: на практике же чем дальше я зайду, тем менее выполнимым...

И более нереальным он окажется.

Чуть раньше я объясняла, что не хожу в школу, чтобы добиться своей мечты, но настоящая причина звучит не так круто. Я не столько *не хочу*, сколько *не могу* туда ходить.

Особенно после того, что устроила в классе.

После того как навела там шороху.

Как человек, который не способен ни поднять, ни поддержать командный дух, я совершенно точно не смогу тянуть лямку ассистента мангаки, — там надо работать в группе; да для меня хоть неполная, хоть какая занятость — работа в коллективе вообще, боюсь, непосильная задача.

Я лишний человек, отчуждённый от общества.

Последнее время всё яснее и яснее кажется, что я ошиблась с выбором и подалась совершенно не туда... По ходу, если гнаться за мечтой в надежде, что всё как-то само собой получится, можно не только не приблизиться, но и отдалиться от неё.

Ну, судя по моему положению, так оно и есть.

По правде, поступить в старшую школу для меня тоже нереально. Мои оценки и в лучшие времена оставляли желать лучшего, а после пропуска в шесть с лишним месяцев упадут ниже некуда.

Нагнать такой разрыв невозможно.

Мало того что я отстаю от всех на один круг, так ещё и бегу в обратном направлении.

Зная отзывчивость и доброту Сасаябу (плюс учитель наверняка чувствует себя виноватым после всего), я думаю, он бы как-нибудь помог мне с аттестацией, но даже это не даст никаких гарантий, что я сумею поступить в старшую школу.

Что же ждёт меня дальше?

— Куда податься? Важный вопрос. И в то же время неприятный. Трудно сказать, будет ли человек в будущем заниматься тем, во что вкладывает свои силы сейчас? В конце концов, это чистая лотерея: либо пан, либо пропал, — философствовала Ононоки-тян. — Взять, к примеру, тебя нынешнюю: я — позирую, ты — рисуешь эскиз, но разве мангаке так жизненно необходимо владеть приёмом объёмно-пространственного изображения фигуры человека? Нет, конечно.

Верно. Этот приём характерен для живописи.

Ононоки-тян права: жизненно необходимым его точно не назовёшь, хотя сказать, что он вообще никогда мне не пригодится, тоже, наверно, нельзя... Иногда я сомневаюсь: на том ли делаю упор? не лучше ли, к примеру, пойти в библиотеку и направить свои силы на поиск идей для интересных сюжетов?

Куда податься?

Если человек ошибся с выбором специальности, то сдать тест на хорошую отметку у него ни за что не получится, как бы отчаянно он ни зубрил экзамены...

— А вот мой объект наблюдения, Арараги Цукихи, до безумного быстро входит в курс любого дела, — ей спорится почти всё, за что бы ни взялась. По-моему, она даже не смогла бы «промазать с выбором специальности»: любой тест сдала бы на отлично, даже если б отвечала наугад... Чем дольше за ней слежу, тем сильнее она бесит, — безэмоционально взбесилась Ононоки-тян.

Как я тебя понимаю!

Как — я — тебя — понимаю!

Кстати говоря, Цукихи-тян в своём репертуаре и тоже частенько заглядывает к своей подружке-хикикомори (только она, в отличие от Ононоки-тян, заходит как положено: через входную дверь. Хотите — верьте, хотите — нет, но даже Цукихи-тян хватает здравого смысла, чтобы не ломиться ко мне через окно), и когда заглядывает, то помогает работать с рукописью. Это время не прошло для Цукихи-тян даром: у неё уже получается лучше, чем у меня, за что я теперь поглядываю на неё косо.

— Иногда до того мучительно жить, что вешаешь нос, — с кем не бывает? — заметила я.

Любого рано или поздно настигают неизбежные сомнения: на то ли трачу свои силы?

Так может, в такие моменты надо не останавливаться, а наоборот, продолжать упорно следовать своей мечте? Всё-таки есть же успешные люди, которые говорят: «Я стала той, кто я есть, потому что не волновалась по пустякам».

Значит, успех точно так же неизбежен?

Нужно только в минуты сомнений не вешать нос, а преодолевать трудности с улыбкой на лице?

— До конца средней школы нужно добиться какого-то осязаемого результата, хоть умри, но сделай, — только так я сумею доказать отцу с матерью, что занимаюсь своим делом.

Выиграть награду в конкурсе, хоть что-то! — рассуждала я. — Думаю, у меня куда больше шансов подтянуть свои социальные навыки для работы в команде, чем научиться радоваться жизни: на всё про всё осталось меньше года.

— Вот те раз. Так ты собираешься участвовать в конкурсной гонке за наградой?

Ну а какой у меня выбор, Ононоки-тян? Хочешь пробиться в мире манги — участвуй в конкурсе.

— Сначала ты отводишь Сэндзёгахаре Хитаги время до выпускного, а теперь сама ограничена такими же временными рамками, — не иначе как ирония судьбы, — заметила Ононоки-тян.

Да уж, что посеешь, то и пожнёшь.

Давай, смейся надо мной, сколько душе угодно!

В тот момент я была *совершенно* не в себе, тем не менее это *совершенно* не снимает с меня ответственности: я должна поплатиться.

Чтобы погасить свой долг перед ней.

— Это да, участие в конкурсе — твой единственный выход, — согласилась Ононоки-тян, — однако хочу по-дружески предупредить: если ничего не добьёшься, тебя ждёт более чем грустный конец. После неудачи ты, ожидаемо, махнёшь рукой на мечту стать мангакой, но вместе с тем всё равно не сможешь ходить в старшую школу, точно так же как и на работу.

Ну, жизнь моя на этом не оборвётся, но точно зайдёт в тупик.

Подпевалу подопрут со всех сторон: все двери для неё закроются.

Ононоки-тян по-дружески описала будущее, которого я заслуживаю, — какая жестокая подруга.

Если бы у меня была хотя бы одна такая в школе, то моя школьная жизнь наверняка бы заиграла совершенно другими красками. Цукихи-тян тоже говорит только жестокую правду в глаза, но я её не считаю: мы учимся в разных школах.

— Может, ты надеешься, что если будешь «вести бой, имея в тылу водный рубеж», то твои усилия возымеют эффект, но это не более чем самоутешение, — продолжала Ононоки-тян⁵.
— Избыточный труд своего рода роскошь. Одно дело жить в условиях, в которых вкалывать можно, но не обязательно, и совсем другое в тех, где не выживешь, если не будешь вкалывать.

— Вот здесь я согласна на все сто.

Не буду даже заикаться насчёт того, есть у меня талант упорно трудиться или нет, но одно скажу точно: я обсчиталась и не смогла создать себе условия для самого труда.

Ошиблась.

Оплошала. Облажалась.

Раз уж я посвятила свою жизнь только одному занятию, то должна была всеми силами добиться своей мечты, чтобы убедить родителей в своих способностях и чтобы им не было за меня стыдно перед людьми... Отец с матерью места себе не находили после того, как я пропала без вести, а когда спустя почти полгода вернулась домой, то они благодарили бога за чудо, поэтому я думала, родители не станут волноваться из-за того, что их дочь после госпитализации сидит на попе ровно и никуда не выходит из дома.

Но недооценила их беспокойство за меня.

Я ребёнок, который ничего не понимает в чувствах других людей.

Единственная надежда родителей, а всё такая же паразитка, какой была до исчезновения: пережитое ни капли не изменило меня.

Видимо, я никогда не повзрослею.

— Тот, кто действительно хочет добиться своей мечты, — вдруг произнесла Ононоки-тян, — гонит себя вперёд, как бы родители его ни отговаривали, как бы сильно он ни заставлял их волноваться и какие бы неудобства им ни причинял. А тот, кто бросает всё, чем занимается, когда ему приказывают бросить, по-моему, ещё не созрел для серьёзного дела.

— Думаю, ты права, и я бы рада была поступить так же, но не в силах даже мысленно нарисовать, как иду наперекор отцу с матерью... У меня не пробивной характер и нет такой силы воли.

Я могу лишь представить, как бросаю мангу по приказу родителей, мысленно проклиная их. Бросаю потому, что так было приказано.

С таким скудным воображением я — того и гляди — вообще не стану мангакой... Так, хватит, нужно избавиться от негативных мыслей!

Думай позитивно!

Представь, что меньше чем за год сможешь добиться желаемых результатов!

— Если ты готова во что бы то ни стало добиться желаемого, — холодно проговорила странность, — то есть простой способ.

— А?

Простой?

Тогда говори... *во что бы то ни стало!*

— Насколько я понял из твоего рассказа, тебя мучает время, а точнее, его отсутствие, так, Сэнгоку Надэко? Ты, говоришь, хотела усиленно заниматься мангой, добросовестно накапливать знания и опыт, да вот сегодня тебя неожиданно-негаданно ошарашили и поставили перед неприятным фактом, тем самым загнав в слишком узкие временные рамки, верно?

— Н-ну... да.

В её обобщении мои слова звучат как жалкое нытье.

А это есть нытьё. Я ною! Вот как родители избаловали меня, разрешив отдохнуть от школы!

— Ты не избалованный, а испорченный ребёнок, если уж говорить по правде. Адресуй свои жалобы, что выросла ни на что не годной, своим же родителям. Скажи им: «Это всё вы виноваты, что вырастили меня такой!» — и заплачь.

— Откуда ты знаешь, что я говорю и как себя веду во время ссор с родителями, Онооки-тян?!

— Я ведь специалист, не забывай.

— Да, но в какой области!.. Как ты вообще... Я бы ни за что на свете не рассказала тебе о таком!

«Банальный переходный возраст!» — скажете вы.

Вот только моя проблема, затрагивающая также и мою семью, в том, что это был не подростковый бунт.

А родители между тем внезапно решили стать ко мне строгими, надеясь вернуть надо мной контроль...

— Так вот, способ есть. Ты ведь, короче, хотела бы дебютировать среднеклассницей?

— Ну да...

Онооки-тян выразилась так, словно я какая-то новенькая, которая собирается показать себя крутой после перехода в среднюю школу⁶, а вообще, если серьёзно, даже для среднеклассника стать мангакой не такая уж и несбыточная мечта.

Среди мангак, работающих на сёдзё-аудиторию, нередко встречаются сенсеи, дебют которых состоялся ещё до того, как им стукнуло пятнадцать, хотя они, конечно, в меньшинстве. Сёнэн-мангак, дебютировавших до двадцати лет, тоже, пожалуй, немало?⁷

— Способов даже два, — уточнила Ононоки-тян.

— Два? Есть и второй?

— Один из них я крайне не рекомендую. Но, так как чувствую себя в неоплатном долгу перед тобой, Сэнгоку Надэко, благодарность изъявляя, расскажу и о нём.

В неоплатном долгу...

Я же только выслушиваю её жалобы на Цукихи-тян... Неужели находиться в комнате Арааги Цукихи до того невыносимо, что я, просто выражая своё участие, помогаю Ононоки-тян пережить тяжёлое испытание?

Мне её так жаль.

И хотя с подобным выбором слов я не хочу соглашаться — за что «изъявлять мне благодарность»? — но в моём положении впору хвататься за любую соломинку.

Если Ононоки-тян поделится со мной, как выпутаться из трудной ситуации, то я даже готова презентовать ей за это рожок Häagen-Dazs!

— Расскажи, Ононоки-тян!

— Первый способ: перед отправкой в журнал следующей готовой рукописи приложи к ней свой фотопортрет. После этого редакция наверняка захочет работать с тобой, предложив создать для своих читателей мифологический образ красавицы-мангаки, — равнодушно проговорила Ононоки-тян (она всегда говорила равнодушно). — А можешь раскрыть свою настоящую личность и рассказать о себе на той интернет-платформе, где раньше постила мангу под псевдонимом. Уверен: твоя полная драматизма жизнь прославит те работы и расширит круг читателей.

— ...Думаешь, стоит?

— Лучше не надо. Это я просто так сказал... Ты ведь ходишь теперь с короткой, как у мальчика, стрижкой и дни напролёт просиживаешь в ужасных свитшоте и трениках, которые висят на тебе мешком, — ты словно восстала против образа «милой девочки», какой была раньше; будто специально испортила свою внешность, чтоб, я не знаю, искупить грехи? Но это можно исправить: у тебя отличные природные данные. Если обратишься к профессиональному фотографу и приложишь к рукописи снятые им промофото, то тебя примут с распростёртыми объятиями как дорогого VIP-клиента. Ты даже могла бы получить предложение от модного глянцевого журнала для девушек.

— По-моему, я пролечу со своей мечтой, если получу такое предложение.

— Сама представь: девушка работает моделью, ходит по подиуму, в то время как сама стремится стать мангакой, — да журналисты обожают такие истории.

Почему эта странность так хорошо разбирается в стратегиях работы с массмедиа?

— Думаю, не стоит совсем уж сбрасывать этот подход со счетов. Это не порочный путь. Ты придёшь к успеху не в обход и уж тем более не протиснувшись через лазейку, а ворвёшься в шоу-биз по автомагистрали, — убеждала Ононоки-тян. — Твоя миловидность — драгоценный дар: в чём смысл зарывать такое сокровище в землю? Вообрази, какая это потеря для всей страны.

Кем она меня видит, что так высоко отзывается о моей красоте?

Ещё на страну замахнулась!

— Ты не три года, а вот уже больше пятнадцати лет хорошеешь и хорошеешь день ото дня, — по твоему же правилу 10 000 часов ты давно и безоговорочно стала первой по миловидности. Первой очаровашкой. Но ты неправильно пользовалась своей сильной стороной, из-за чего в прошлом году доставила столько проблем; а вот если направить твою миловидность в правильное русло, то она послужит во благо людей и всего мира. Обрати внимание на поп-идолов. Сколько людей осчастливили и какое большое благо принесли экономике страны эти парни и девушки — пораскинь мозгами.

Уж не знаю, о каком благе для экономики идёт речь, но радость людям они точно доставляют, — тут Ононоки-тян права. Хотя не думаю, что смогу так же.

Сколько ни уговаривай меня обратить на них внимание.

Удивительно, как хорошо эта странность разбирается в культуре поп-идолов, да?

— Современное общество нуждается в такой миловидной девочке-подростке, которая через призму своего восприятия беспощадно обличает его пороки и обрисовывает погрязший в насилии мир, — по-моему, ты сможешь занять эту нишу⁸. Конечно, есть шанс, что так ты только настроишь людей против себя и вызовешь их ненависть, но мы представим тебя как хикикомори, у которой нет ни одного друга, и с помощью такого антипромоушена создадим вокруг твоей персоны атмосферу сочувствия, после чего ни один не решится критиковать твои действия. Будет не так уж и трудно в глазах людей отождествить любого, кто дерзнёт разразиться в твой адрес критикой, с самым жестоким и диким человеком. Положись на меня.

— Не ты ли предупреждала, что лучше не надо в это лезть? Давай тогда не будем заниматься моим промоушеном, хорошо?

Тем более антипромоушеном.

К тому же я не обличаю беспощадно пороки общества и не рисую погрязший в насилии мир, — откуда это вообще?

— Да, лучше не надо. Ладно, беру предложение назад. Представляю тогда второй способ, — легко отступилась Ононоки-тян.

Ну да, ты же рассказала о первом способе просто так.

И ещё с самого начала сделала замечание, что крайне не рекомендуешь его.

— А вот и нет, Сэнгоку Надэко. Из двух способов я крайне не рекомендую как раз второй. Лично мне кажется, что лучше им не пользоваться. Но раз уж ты отказалась идти путём поп-идола-мангаки, то другого выбора у тебя нет.

— А? Другого выбора нет?

— Все 10 000 часов практики ты накопишь за оставшийся год.

Кажется, я зазевалась и прослушала Ононоки-тян... Просто она проговорила точно таким же равнодушным тоном — а другого от неё и не жди, — каким рассказывала о «рекомендованном к исполнению» первом плане. Эм-м, что она сейчас сказала?

— Ты не ослышалась: все 10 000 часов практики ты накопишь за оставшийся год. А вообще, у тебя осталось примерно 10 месяцев. Все 10 000 часов практики ты накопишь за 10 месяцев.

— Н-не-не-не-не! Исключено! Нереально! Немыслимо! Невыполнимо!

Я же твердила ей, что это утопия!

Возможно ли вкалывать без сна и отдыха 24 часа в сутки и тем самым набрать 10 000 часов практики за год?! Наверно, мне нужно даже меньше года, если учесть, что я уже сколько-то занимаюсь мангой, но ведь... этого времени всё равно так мало, что впору считать его допустимой погрешностью, да?!

Если я, такая хилая и болезненная девочка, начну рисовать без отдыха по 24 часа в сутки, то где-то через пару-тройку дней точно умру от внезапной остановки сердца, — это же очевидно, разве нет?

— Вот. В том-то и суть, — заметила Ононоки-тян. — На мой взгляд, это и есть главный недочёт правила 10 000 часов. В самом утверждении, что якобы если трудиться не менее 10 000 часов, то обязательно станешь величайшим мастером своего дела, я не вижу ничего дурного: оно даёт мотивацию, делает тебя решительным. Однако в идее о том, что большой объём практики — прямой билет к осуществлению мечты, упускается важный момент: относительно часто её приверженцы становятся инвалидами. Изнуряя себя работой, чтобы накопить больше часов практики, ты стремительно отдаляешься от мечты. Перенапрягаться крайне нерационально. Во главу угла следует ставить не количество, а качество предпринимаемых усилий. Но если качество остаётся на низком уровне, то сколько ни продолжай вкалывать, а всё будет антипродуктивно... что только поспособствует антипромоушену.

Это я и сама прекрасно понимаю — что ты мне рассказываешь?

Ну да.

Может, я и преувеличила, когда сказала, что умру от внезапной остановки сердца, но если постоянно рисовать, лишая себя даже небольших перерывов, то немудрено заработать тендовагинит⁹. А с его переходом в хроническую стадию придётся забыть о мечте стать мангакой¹⁰.

От бывших спортсменов можно нередко услышать: «Я завершил свою карьеру из-за травмы» — или: «Травма заставила меня бросить спорт больших достижений», но я сойти на полпути не могу.

Хотя не то чтобы не могу, а не имею права, даже если бы и хотела.

Упорный труд, разумеется, может превратить обычного спортсмена в звезду спорта, но если на одну такую звезду приходится сотня людей, ставших инвалидами после тяжёлых тренировок, значит, с этими тренировками явно что-то не то.

— Вспомни пословицу — тебе пригодится: успех одного лежит через жертвы многих¹¹. Нет, лучше принцип *кододу*, — посоветовала Ононоки-тян¹². — Скорее всего, когда станешь мангакой, тебя ждёт такая же ожесточённая борьба. С точки зрения вероятности, для появления хита нужно заставить как можно больше мангак рисовать как можно больше манг, — тогда среди соперничающих друг с другом работ появится настоящий бестселлер.

— Да. Я слышала, что так делали в прошлом.

В нашем обществе приходится выживать в условиях жёсткой конкуренции, — от этого, кажется, никуда не деться, благо что в современном мире за исполнением прав человека следят гораздо пристальнее.

Нет ничего важнее гражданских свобод.

Правда, ещё не ясно, стану я мангакой или нет, поэтому не стоит рассуждать наперёд.

— Так что же делать? — обратилась я к Ононоки-тян. — Перенапрягаться нельзя, а набрать 10 000 часов меньше чем за год абсолютно нереально. Не выйдет. Если делать за один год то, что занимает три, — хочешь не хочешь, а придётся утроить объём практики, хотя качество точно упадёт.

— Ох-ох-ох, что я слышу? Ты же однажды была богом — забыла? Пусть у тебя и не пробивной характер, но пробиться через любую невозможную преграду тебе должно быть проще, чем стать мангакой, разве нет? — без какого-либо выражения спросила Ононоки-тян, подводя к сути второго плана. Умей она и в самом деле работать на камеру, показала бы сейчас все свои соблазнительные позы и яркие эмоции, — в этом я не сомневаюсь¹³. — Утрой не объём практики, — продолжала странность, — а число себя.

Примечания

1. Возраст совершеннолетия в Японии.

2. Как правило, над сериализованной мангой работают минимум двое: мангака и редактор журнала, в котором манга выпускается. Нередко бывает так, что мангака не справляется с

объёмом работы, — тогда он может нанять себе одного или нескольких ассистентов, чтобы самому сосредоточиться на сюжете, раскадровке и отрисовке только значимых деталей, а всю остальную работу — обвод контуров, прорисовку планов, наложение скринтонов — переложить на помощников.

3. Чтобы высказать своё недоверие, Ёцуги употребляет интересное слово «*маюцуба*», которое состоит из иероглифов «бровь» и «слюна». Оно берёт своё начало в периоде Эдо, когда в ходу было выражение «*маю ни цуба о цукэру*» (послуживать бровь). Раньше японцы верили, что слюна обладает магической силой и если смочить ей свою бровь, то можно защититься от колдовства *кицунэ* и *тануки*, которые могли обернуться человеком. Проводя слюнявым пальцем по брови, говорящий выражал своё недоверие собеседнику, считая, что его пытаются обмануть.

4. Известно, что Ёцуги является *цукумогами* — вещью, обретшей душу. Согласно японским поверьям, любой предмет, существующий как минимум сто лет, может ожить и обрести сознание, то есть стать *цукумогами*.

5. Ёцуги отсылает к стратегии командующего Хань Синя, которую тот применил во время битвы у заставы Цзинсин. Согласно 92 главе «Исторических записок» Сыма Цяня под названием «Жизнеописание Хуайинь-хоу», Хань Синь разместил 10 000 своих воинов спиной к реке, специально отрезая им путь к отступлению. Его противники — чжаосская армия, — завидев это и предчувствуя лёгкую победу, ринулись на них в атаку, оставив укрепления заставы, — так завязался долгий и ожесточённый бой. В то же время 2 000 кавалеристов Хань Синя вторглись в опустевшую заставу, посрывали знамёна врагов и водрузили свои. Когда чжаосцы увидели, что на их укреплениях развеваются ханьские знамёна, то растерялись и разбежались. После выигранного сражения многие другие военачальники удивлялись, как Хань Синь смог победить, нарушив положение из «Искусства войны» Сунь-цзы, где сказано, что «войска подобает располагать так, чтобы... реки и водоемы находились спереди и слева» (здесь и далее в этой сноске все цитаты даны в пер. Р. В. Вяткина). Хань Синь отвечал им на это, что в том же «Искусстве войны» говорится: «Бросай своих солдат в безвыходное место, и они будут жить, разместить их в гиблом месте, и они уцелеют». Таким образом, если «...поставить солдат в смертельно опасное место, там они будут биться за свою жизнь. Если же поставить их в безопасное место, они все разбегутся». В данном случае Ёцуги имеет в виду, что Сэнгоку специально «поставила себя спиной к реке», то есть лишила себя других вариантов (как, например, школы): её единственный шанс «уцелеть» — заняться «гиблым делом»: пытаться стать мангакой.

6. Если в младших классах ребёнок ничем не выделялся, а после перехода в средние резко изменил свой имидж, поведение, манеру одеваться, разговаривать, чтобы выглядеть крутым, то такие изменения описывают выражением «*тюгаку дэбю*» (дебют в средней школе). Однако Ёцуги под этим имела в виду, что Надэко хочет дебютировать (выпустить первую мангу в журнале), ещё будучи среднеклассницей.

7. Сёдзё — вид манги, рассчитанный на девушек (сёнэн — на мальчиков и юношей) в возрасте от 12 до 18 лет. Сенсей — почтительное обращение к авторам манги как к деятелям культуры. Если говорить о мангаках, которые начинали рано, то среди авторов сёдзё стоит отметить Икуэми Рё: она дебютировала в возрасте 15 лет, некоторые её работы, например «Завтра цвета розы», были отмечены престижными наградами, а среди авторов сёнэнов

заслуживает упоминания Обата Такэси, иллюстратор манги «Тетрадь смерти»: его дебют состоялся в 17 лет.

8. Скорее всего, Ёцуги отсылает к Хиросэ Киндзо (1812—1876) — японскому художнику, также известному под псевдонимом Экин. Он был (по надуманным обвинениям) изгнан из знаменитой художественной школы в японской живописи — школы Кано, — поэтому многие пути развития карьеры художника для него были закрыты. Однако в то время, когда жил и творил Хиросэ Киндзо, в обществе существовал запрос на изображение пошлости и насилия, который он успешно выполнял, чтобы прокормиться.

9. Воспаление внутренней оболочки влагалища сухожилия мышцы. Тендовагинит развивается при чрезмерном движении одних групп мышц в ходе работы, предполагающей повторяющиеся действия, например: рисование, набор текста, использование компьютерной мыши. В таком случае воспаление обычно возникает вокруг запястья.

10. Хронический тендовагинит чаще всего влияет на сухожилия сгибателей и разгибателей пальцев. Наблюдается у пианистов, мотогогонщиков и художников со стажем и проявляется болью, покалыванием и онемением пальцев кисти.

11. Ёцуги советует Надэко обратить внимание на идею, принадлежащую китайскому поэту Цао Суну (ок. 833—903), которую тот выразил в своём стихотворении «879 год». Обращаясь к повстанцу Хуан Чао, одному из вождей восстания 874—884 годов в Китае, Цао Сун пытался открыть ему глаза на бесцельность и глупость войны, однако Ёцуги предлагает, наоборот, взять этот принцип на вооружение, что успех одного (полководца) лежит через жертвы многих (солдат).

12. Магическое проклятие, встречающееся в японском фольклоре. Чтобы создать *кодoku*, древние шаманы брали разных насекомых, червей, змей и закрывали их всех в одной ёмкости, пока они не съедят друг друга и там не останется только одно животное. Биологические жидкости выжившего использовались, чтобы отравить человека и наложить тем самым на него проклятие, которое позволяло управлять жертвой, причинять ей несчастье или убивать. Также выжившее животное можно было оставить у себя как «талисман на удачу», — тогда оно приносило шаману благополучие и богатство, в обмен на которое владелец должен был кормить выжившего другими людьми, иначе животное рассердится на владельца и съест его самого.

13. Раньше Ёцуги оканчивала свои реплики фразой «*боку ва кимэ-гао дэ со итта*» (по смыслу можно перевести как «сказал я, работая на камеру»). «Кимэ-гао» — это выражение лица (эффектное, сексуальное, чувственное и т. п.), которое, вкуче с позами и жестами, принимает модель во время фотосессии, чтобы выглядеть подчёркнуто красиво.

«Ты должна утроить число себя».

«Число себя».

Я понятия не имела, о чём вообще говорит Ононоки-тян, но она даже не собиралась объяснять и продолжала гнуть свою линию:

— И если бы в итоге вас было трое, включая тебя саму... Нет, наверно, мало и ненадёжно? Лучше пятеро? Так вот, если бы в итоге вас было пятеро, то вы бы могли сменять друг друга — этакая ротация, — начала подгонять числа Ононоки-тян, видимо выводя какой-то результат у себя в голове¹.

Это было настолько непонятно, что я даже перестала рисовать эскиз и оторвалась от скетчбука.

Что, чёрт возьми, она хочет мне предложить?

Я в замешательстве.

— Смотри, я к тому, что работа мангаки — ты правильно недавно подметила — не просто совместное творчество. Устраиваясь ассистентом, ты выходишь за рамки личного и становишься частью определённого общества, членом группы.

— Д-да, в этой работе очень важна слаженность команды. Потому-то она мне и не светит: я не умею общаться с людьми...

— Пока не ясно не только, сможешь ли ты работать ассистентом, — прервала меня Ононоки-тян, — но и то, есть ли у тебя лидерские качества, чтобы руководить командой, — в будущем это станет большой проблемой. Но представь: если взять тебя нынешнюю (или даже прошлую, робкую и застенчивую девочку) и поставить в команду, состоящую из других тебя, то ты сможешь общаться внутри неё без проблем, правильно я говорю? Поэтому нужно подготовить четырёх ассистентов из тебя самой.

Я всё больше и больше не понимала её.

Стоило закрыть скетчбук, как Ононоки-тян тут же прекратила позировать, легонько соскочила со стола и...

Бесшумно приземлилась на пол.

Даже по такому простому движению можно понять, какая колоссальная сила заключена в её теле.

— Позволю себе отрекомендоваться: я специалист в этой области... Я же говорил, да? Что я не только кукла-странность, а ещё и *сикигами* своей *оммёдзи*.

— *Сикигами*...

Ну-у, это слово мне хорошо знакомо.

В смысле, оно часто встречалось в прочитанной мною манге.

Но я не совсем понимаю, что конкретно оно означает.

Ещё и какой-то «оммёдзи»... У меня нет даже общих представлений о том, кто это.

Я узнала, что Ононоки-тян — странность ещё в нашу первую встречу, но она, кстати, до сих пор даже словом не обмолвилась о том, откуда взялась, и не вдавалась в детали своей биографии. Вообще, судя по тому, как словоохотливо она рассказывает о своей работе, я не вижу никаких причин для такой секретности.

— *Сикигами* есть дух, — начала разжёвывать Ононоки-тян, — хотя с моей стороны фамиллярно представляться тебе духом: однажды ты была самым *ками* — духовной сущностью, богом, поэтому также я назову себя *фамиллярром*. Говоря простым языком, оба понятия описывают верного слугу, который выполняет хозяйскую работу. В то же время *сикигами*, в отличие от, скажем, раба вампира, имеет бóльшую свободу воли, будучи представителем своего хозяина. И если вампирский раб является родственным хозяину по крови, то *сикигами* остаётся обычной прислугой.

«В мои обязанности, — продолжала объяснять странность, — входит служить заменой ног сестрице, по совместительству моей хозяйке: она не может ходить по земле, поэтому я аккуратно перемещаю её туда, куда ей нужно», — прибавила Ононоки-тян так просто, будто в этом не было ничего сверхъестественного.

И даже после такого упрощения я не стала понимать лучше.

Вот она говорит, что я однажды была богом, а что толку? Это же не значит, что я, как и специалист, обладала знаниями о странностях... В то время моя голова была забита совершенно другими вещами.

Но «сестрица»? Которая «не может ходить по земле»?

— Я познакомлю вас, если представится возможность, — пообещала Ононоки-тян. — Думаю, сестрица быстро научит тебя уму-разуму, стоит свести вас вместе.

Я не хочу, чтобы кто-то при первой же встрече учил меня уму-разуму.

Она хоть и обращается к своей хозяйке «сестрица», но это просто выражение такое, да? Не может же у Ононоки-тян быть настоящая старшая сестра, ведь правда?²

Старшая сестра куклы — это какой-то абсурд!

— Короче, предлагаю тебе призвать *сикигами*, которые будут выполнять твои поручения, прямо как я — поручения сестрицы. Одна ты не сможешь, а впятером и трудиться, и добиться результата будет вполне возможно даже меньше чем за год, не находишь?

М-м...

Я не очень представляю, как это возможно, но кажется, понимаю, что хочет сказать Ононоки-тян... Она предлагает *призвать сикигами*, но разве такое не чистой воды фантастика?

— Если для тебя это фантастика, то стать мангакой, по-твоему, вполне реально?

Но я и впрямь так думаю.

Не надо пытаться строить из себя крутую, Ононоки-тян.

— Давай-ка посчитаем всё как следует, — сказала она, вырвала у меня из рук скетчбук и взяла «джи-пэн» из подставки для карандашей и ручек.

Зачем брать «джи-пэн»?

Я не хочу сказать, что можно довольствоваться одним пером «кабура-пэн» и горя не знать, просто...³

— До церемонии вручения аттестатов осталось 10 месяцев — примерно 300 дней, — принялась считать Ононоки-тян на бумаге. — Разделим на них 10 000 часов. Сократим дробь и получим 100 часов на 3 дня. То есть в день нужно трудиться где-то по 33 часа.

Вот здесь-то она и пролетает со своими расчётами.

Получается явно больше 9 часов.

Ононоки-тян, кстати, записывала всё быстро и размашисто. Она обращалась с пером очень умело, будто всю жизнь только им и писала, хотя новичкам трудно пользоваться «джи-пэн».

Вот только держала его не пальцами, а в кулаке, как делают маленькие дети...

— Разделим получившиеся 33 часа на группу. Всего имеем 5 человек. Согласно Закону муравья-рабочего, соотношение тружеников к бездельникам составляет 8:2⁴, то есть на 4 работающих приходится 1 отдыхающий, — надо устроить такую ротацию, когда отдыхающий меняется ежедневно. Выйдет, что реально в день работать будут только 4. Если каждый из них будет трудиться по 8 часов в день, тогда, умножив 8 на 4, мы получим 32 часа. Поскольку до 33 часов не хватает 1 часа, пускай каждый из 4 работает по 8 часов 15 минут. В итоге получатся искомые 33 часа в день. Так можно наработать 10 000 часов.

— Ха-а...

Почему-то у меня сложилось впечатление, что это больше похоже на манипуляции с числами, чем на настоящие вычисления, но вообще — да, если работать в группе из пяти человек, сменяясь так каждый день, то по идее можно успеть наработать в общей сложности 10 000 часов ещё до церемонии вручения аттестатов.

Её план, конечно, хорош на бумаге, однако реальность окажется не такой уж безоблачной: будут дни, когда кто-то не сможет работать из-за плохого самочувствия или болезни, или по причине каких-то личных проблем, но, опять же, это если говорить о других людях, а не обо

мне: до сих пор я ни дня не отлынивала, как бы себя ни чувствовала, и дальше не собираюсь. Если учесть этот фактор, то я подхожу для плана как никто другой.

Хотя если на первый план мне было сложно согласиться, то от второго — отказаться.

— Онооки-тян, я не хочу, чтобы кто-то делал мою работу вместо меня... До сих пор я перекладывала свои проблемы на чужие плечи, например на Цухики-тян или на того же Кайки-сана, поэтому и оказалась в таком плачевном положении.

— Да, — охотно согласилась она, — я тоже думаю, что в этом и есть твоя главная проблема. Наши мнения полностью сходятся. Ты сказала очень правильную вещь. В кои-то веки от тебя прозвучало что-то стоящее.

Видно, сильно сходятся.

Я даже неплохо так её раздражаю!

— Поэтому, — продолжала странность, — работать ты должна только сама. Весь труд должен лечь на твои плечи. То есть *сикигами*, которых я предлагаю призвать, должны быть тобой, Сэнгоку Надэко. Это-то я и пытаюсь растолковать с самого начала, ты слушаешь вообще? К тому же *оммёдзи*, на заре становления учения, призывали на службу именно таких *сикигами* — версии самих себя. Так вот, — Онооки-тян сделала паузу, перелистнула скетчбук на чистую страницу и вернула его мне. — Займись-ка делом и напиши здесь четыре автопортрета. Нарисуй четырёх Сэнгоку Надэко. А я затем сделаю их трёхмерными.

«Создам во плоти».

«Призову для тебя четырёх *сикигами*».

Примечания

1. Ёцуги имеет в виду ротацию питчеров — игроков, подающих мяч в бейсболе. Игры некоторых чемпионатов проходят практически ежедневно, а подачи отнимают у питчеров слишком много сил, поэтому, чтобы дать игрокам отдохнуть, питчеров принято менять от игры к игре.
2. Надэко думает, что «сестрица» в речи Ёцуги — это фамильярное обращение к женщине.
3. «Джи-пэн» — перо для рисования манги. Является самым ходовым инструментом у мангак, так как этим пером, в зависимости от нажатия, можно рисовать линии разной толщины. Волнение Надэко по поводу того, что Ёцуги взяла «джи-пэн», а не «кабура-пэн», вполне понятно. Незнакомому с особенностями «джи-пэн» трудно обращаться с этим пером, работа с ним требует предельной концентрации и осторожности: если переусердствовать, его можно сломать, в то время как «кабура-пэн», ввиду увеличенной жёсткости, может овладеть любой новичок.
4. Закон муравья-рабочего (который также известен как Закон 2-6-2) предположительно был выдвинут Мацуситой Коносукэ, основателем компании Matsushita Electric, известной своей электроникой под брендами Panasonic и некоторыми другими. Согласно этому закону, в

любой организации 20% персонала выполняют свою работу превосходно, 60% — нормально и оставшиеся 20% — плохо. Своё название закон получил после наблюдений учёных за поведением муравьёв. Выяснилось, что только 80% процентов муравьёв-рабочих занимаются полезной деятельностью, тогда как ещё 20% — лентяи.

Вот теперь стало ясно.

Что ж, в конце концов она убедила меня.

Привела убедительный довод.

Я поняла, на что так усиленно намекала Ононоки-тян... Она собралась сделать для меня нечто вроде того, что было в «Дораэмон заполонил весь дом».

«Дораэмон заполонил весь дом».

Эта глава из знаменитой манги «Дораэмон» считается первой литературной работой, предназначенной для детской аудитории, где изображается временной парадокс, — этакий глоток свежего воздуха для детской научной фантастики.

Даже тот, кто сам эту главу не читал, я думаю, так или иначе в курсе её сюжета: она успела стать такой же культовой, как эпизоды «Прощай, Дораэмон», «Воспоминания о бабушке» и «Ночь перед свадьбой Нобиты», поэтому я не буду пересказывать её вам в деталях — хотя читателю это может показаться грубым с моей стороны — и опишу вкратце: Дораэмон, с помощью машины времени, притащил с собой в настоящее из разных временных отрезков четыре разные версии себя, чтобы впятером сделать огромную кучу домашней работы, заданной Нобите-куну в школе¹.

Ну, у меня машины времени нет, поэтому я не могу притащить к себе на помощь себя же из будущего, будь то версия спустя два или четыре часа от настоящего, однако эта странность утверждает, что к моей проблеме возможен другой подход.

Посмотрим, что выйдет из её теории, а то Ононоки-тян так вцепилась в неё.

— Помнишь тот раз, — спросила она, — когда я впервые залетел к тебе в комнату? Ты тогда ещё нарисовала слизняка по моей просьбе. А я затем мастерски, как и подобает высококласному профессионалу, воспользовался Слизняком-тофу, остатки которого сохранились в твоём организме, чтобы обмануть Арааги Цукихи. Одного только я не ожидал: нарисованный тобой Слизняк-тофу, материализовавшись в трёхмерном пространстве, превратился в очень сильную странность.

— А-а... Ну да, ты рассказывала.

— Конечно, в первую очередь та неожиданность доказала, какую опасность несёт окружающим Арааги Цукихи, но также, на мой взгляд, это было свидетельством исключительной силы твоих художественных навыков. Пожалуй, можно сказать, что в тебе сокрыт огромный потенциал. Я так часто навещаю тебя и соглашаюсь позировать отчасти в благодарность за то, что ты выслушиваешь мои жалобы, и отчасти потому — нет, скорее, даже прежде всего потому, что я разглядел в тебе престранный талант.

— Престранный талант?..

То есть необыкновенный? От такой похвалы стало чуточку теплее на душе, но Ононоки-тян, к сожалению, подразумевала под этим не то, о чём я подумала.

— Существует опасность, — пугала она, — что в будущем ты сможешь писать талисманы, по силе далеко превосходящие те, которые могут создать специалисты в этой области.

— Но я не хочу писать никаких талисманов...

Один из них и так доставил много проблем.

Никогда бы не подумала, что в частых посещениях Ононоки-тян был скрытый смысл.

«Престранный» — уж не от слова ли «странность»?

И это я-то опасна?

В то время как талисманы в первую очередь несут опасность для меня?

Что же получается: я такой же объект наблюдения, как Цукихи-тян?

И оказалась в таком же, как она, ужасном положении!

— Если у какого-то монстра нет своего облика, его визуализируют, — Ононоки-тян не стала заикливаться и пошла дальше. — Это крайне важный фактор — представить неведомое явление в форме, удобной для наблюдения, — так делал и Торияма Сэкиэн², и Торияма Акира³.

Первый раз слышу, чтобы об этих двух сенсеях говорили как о равных... Хотя, если посмотреть на то влияние, которое они оказали на развитие культуры, можно сказать, что эти два медведя точно ужились бы в одной берлоге⁴.

Но причём здесь визуализация?

— Та же история с ранобэ, — продолжала Ононоки-тян. — Пока читаешь, порой не можешь нарисовать в голове, как выглядят персонажи, но, когда их изображают на обложках, читателю сразу становится легче, согласна? А если взять знаменитую охотничью шляпу Шерлока Холмса? На самом деле это была своевольность иллюстратора, однако в наши дни она стала символом этого великого детектива⁵.

Да, шляпа с двумя козырьками прежде всего ассоциируется с Шерлоком Холмсом, но мы, случаем, не отклонились от темы?

Хотя если Ононоки-тян пыталась так объяснить силу изобразительного искусства, сказать, что через образ можно донести мысль, то всё по теме. Раньше ведь истории о столкновении со сверхъестественным передавались из уст в уста — и только, поэтому иллюстрирование этих сюжетов имело колоссальное значение. В древней Японии с грамотностью была беда, не то что сейчас.

Как же это иронично — *читать и понимать* информацию, которую несёт *изображение* сверхъестественного существа, *невидимого* человеческому глазу!

— Иронично, — согласилась Ононоки-тян. — Вокалоида Хацунэ Мику вон тоже нельзя увидеть, а какая большая популярность. Не потому ли, что красота персонажа не уступает её вокалу?⁶ А теперь возьмём другой пример, обложку «Рыжей Ани»: как известно, на лицевой стороне первого издания была нарисована светловолосая девочка⁷. Оно бы, может, и ничего, если бы только книга не называлась «*Рыжая Аня*»... Это я к тому, что название — вещь важная и не должно противоречить содержанию. Как в случае с Хацунэ Мику — первый звук будущего⁸.

Смотрю, она фанатеет от Хацунэ Мику.

А про историю с первым изданием «Рыжей Ани» я даже не слышала.

И в оригинале эта книга, по-моему, называется «Аня из „Зелёных Мезонинов“»?⁹

— Ну что, давай проверим твой престранный талант, — предложила Ононоки-тян. — Хочу посмотреть, какая сила заключена в твоих руках, рисунках, иллюстрациях... Если тебе удастся написать автопортрет, который можно будет обратить в *сикигами*, тогда я представлю тебя Гаэн-сан.

И что я от этого выиграю?

Разве моё превращение в бога не дело рук той самой Гаэн-сан?

Я ни в чём не собираюсь обвинять её, тем не менее не хочу иметь с ней никаких дел, потому что, честно сказать, содрогаюсь от мысли, что она может замышлять на мой счёт.

— Вот именно: может, — разделила моё мнение Ононоки-тян. — Не обманывайся её благодарностью: совсем не обязательно, что она на самом деле её испытывает. Сама посуди: в отличие от Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, тебя так и не признали безобидной. По сути, ты ничего радикально ужасного не сделала, к тому же благодаря тебе город какое-то время жил спокойной жизнью — возможно, именно так и считает Гаэн-сан, поэтому решение о том, что с тобой делать, до сих пор висит в воздухе, — но вообще я ни капли не удивлюсь, если в конечном счёте тебя уничтожат, — такой уж порядок заведён у специалистов. Тем более ты уже не бог, а значит, рано или поздно точно объявится специалист, который воспользуется шансом и, в поисках славы и признания, без проблем и безо всякого риска уничтожит тебя, — в этом я не сомневаюсь.

Как жестоко!

Убить меня за проступки, но не во имя возмездия, не наказания ради, а чтобы добыть славу и признание, — это просто ужасно!

— Ужасно, — вторила мне Ононоки-тян. — Но если ты продемонстрируешь Гаэн-сан свой необыкновенно-престранный талант, если покажешь ей, чем можешь ответить в случае, если ситуация к тому вынудит, то эта монстроподобная (я про количество её связей, а не про то, о чём ты подумала) глава специалистов может взять тебя под крыло.

Монстроподобная специалистка?

Даже не хочу показывать ей... чем, как выразилась Ононоки-тян, могу ответить.

Почему-то кажется, что эта странность пытается обвести меня вокруг пальца. Не знаю, выиграю я что-нибудь от её предложения или нет, но терять, пожалуй, нечего.

Признаться, я и сама горела желанием проверить слова Ононоки-тян на правдивость. Трудно понять, чему можно верить, а чему — нет, из её рассказа о том «поразительном случае», когда нарисованный мною слизняк стал трёхмерной странностью такой силы, что даже Ононоки-тян не могла с ней справиться.

Опасность.

Вдруг манга, рисуя которую я буду стараться изо всех сил, как раз из-за моих стараний станет трёхмерной, ворвётся в реальность и наплодит сверхъестественных явлений — это будет очень и очень плохо. Меня тогда, по-видимому, уберут сразу, даже не задумываясь о славе или признании.

Если во мне ещё осталась та сила, можно ли как-то избавиться от неё? Если нет, хотелось бы научиться управлять ею.

Пожалуй, проверка, на которой настаивает Ононоки-тян, станет для меня лакмусовой бумажкой.

Хм-м...

— Хорошо, давай попробую... — согласилась я. — Говоришь, нужно написать четыре автопортрета?

По-моему, автопортрет — самое базовое, что есть в изобразительном искусстве, поэтому писать его не так сложно, как кажется. К тому же до того, как Ононоки-тян повадилась навещать меня, я позировала себе сама: вставала перед напольным трюмо, фотографировала своё отражение и по этим снимкам училась рисовать фигуру человека.

— Да, четыре. Только можешь их разнообразить, чтоб они отличались друг от друга? — высказала Ононоки-тян своё пожелание. — А то иначе не поймёшь, кто из новых Сэнгоку Надэко кто. Хуже только, если придётся разбираться, кто из пятерых Сэнгоку Надэко — настоящая Сэнгоку Надэко, — вот это будет большая проблема.

Это будет не просто большая проблема...

А кризис личности во плоти!

— Я не шучу: бывали случаи, когда *сикигами*, обязанные по идее служить своему *оммёдзи*, ополчались против хозяина, присваивали себе его личность и занимали его положение в обществе, — предостерегала Ононоки-тян. — Поэтому не могла бы ты каждой из четырёх *сикигами*, несмотря на то что все они — Сэнгоку Надэко, придать какую-то отличительную черту?

Отличное пожелание!

Это как когда в манге изображают близнецов и художник уделяет большое внимание деталям, чтобы читателю, несмотря на внешнее сходство персонажей, было легче отличить одного от другого, да?

Так хочется стать мангакой — аж руки чешутся!

Ещё больше мотивации!

— Ну, попробовать, что ли, не знаю, сделать им разные причёски, — гадала я. — О, точно!

Меня осенило!

Я не могу отправиться на машине времени и притащить себя из будущего, зато написать прошлую себя должно быть легче лёгкого!

До уровня Цукихи-тян мне, конечно, далеко, но я тоже «экспериментировала» с укладкой волос. Эм-м, так как для работы *требуется пятеро*, нужно нарисовать четыре причёски, отличные от моей нынешней короткой.

Я погрузилась в размышления и принялась за черновой набросок.

Первую *сикигами* сделаю с причёской...

С которой я ходила дольше всего. Самые длинные волосы, какие у меня только были.

— О, укладка с чёлкой, — заметила Ононоки-тян. — Я тебя такой не видел.

— Да. Помню, этой версии меня дали какое-то прозвище вроде «Девочка-чёлочка»...

Чтобы подразнить.

Но мне не стыдно: я говорю об этом прямо.

— Ты, Сэнгоку Надэко, отращивала чёлку, стараясь скрыть взгляд от посторонних... В те дни ты была как никогда тиха и застенчива... Давай назовём её Тихонядэко.

Тихонядэко...

В этом прозвище можно усмотреть и другой смысл: как будто я взрослая¹⁰, но что ж, Тихонядэко всё равно звучит лучше, чем Девочка-чёлочка, поэтому ладно.

Н-да-а-а...

Трудно будет показать выражение лица у персонажа, у которого чёлка полностью закрывает глаза... И это я рисую саму себя: раньше я реально скрывала свои эмоции.

Говорят, один взгляд стоит больше тысячи слов.

А эта девочка выглядит ещё страннее, чем Ононоки-тян: последняя хотя бы просто не испытывает эмоции, тогда как первая прячет их... Наверно, страшновато учиться вместе с такой в одном классе.

Я бы даже назвала её жуткой; да что вообще в ней милого?

...Наверно, если начинаешь неосознанно видеть себя в негативном свете, это первый признак самоедства.

Ладно, подправлю все огрехи, когда уже буду писать начисто.

Идём дальше.

Ко второй версии меня.

— М-м? Эту я тоже не видел... — призналась Ононоки-тян, наблюдая за тем, как я рисую второй набросок. — Волосы убраны назад ободком... Лоб открыт. Неужели ты примеряла на себя этот образ? А-а. Понятно. Это Сэнгоку Надэко той поры, когда она одевалась и вела себя вызывающе, чтобы кое к кому подкатить.

Смотрю, кто-то много знает!

Как профессионал она, должно быть, уже изучила всё моё «криминальное» прошлое!

Ну да ладно, не будем об этом... У второй Сэнгоку Надэко, в отличие от Тихонядэко, длинная чёлка подобрана ободком, обнажая лоб, — придать эмоции такому лицу куда проще.

Думаю, я не смогла бы измениться, не уберу чёлку с лица. Я поняла это только сейчас.

— Назовём её Надэкокеткой, — предложила странность.

А вот это обидно!

Чуть ли не до слёз!

— Это же та самая Сэнгоку Надэко, которая одела микрокини в одной из коротких историй, так? — искала подтверждения Ононоки-тян¹¹. — Ну значит, она не кто иная, как Надэкокетка.

Она — никто.

Не понятно только одно: какой смысл упоминать в первоисточнике короткую историю, основанную на аниме-версии, но я даже не хочу разбираться — просто смирюсь и соглашусь на Надэкокетку.

Пока я рисую её лишь в черновом варианте, однако уже сделала ей очень кокетливое выражение лица, чтобы тем самым отразить её прозвище... Чуть раньше Ононоки-тян сказала, что название — очень важная вещь и должно соответствовать содержанию, и я с ней, пожалуй, соглашусь.

Надэкокетка — эволюция Тихонядэко?

Пожалуй, пока есть шанс, надо меняться... Интересно, какое прозвище получит третья версия меня?

Я снова принялась скрипеть грифелем по бумаге.

— А. Вот эту я узнаю, — вспомнила Ононоки-тян. — Точно. Так Сэнгоку Надэко стала выглядеть после того, как Арараги Цукихи, одним взмахом ножниц, отрезала ей чёлку, которой та очень гордилась.

— Да... Только поправлю, что это уже после того, как Карэн-сан привела мою чёлку в порядок, убрав тот ужас, который оставила Цукихи-тян.

Хоть мне и пришлось поправить Ононоки-тян, но вообще эта странность знает много.

Стоп, а разве тогда она уже была в нашем городе? Нет? Тогда как же она узнала меня в рисунке?

— Да. Я часто навещался в город, чтобы развеяться, — призналась Ононоки-тян. — Но эту версию тебя я видел не здесь, а в аниме.

Кто-нибудь, уймите эту странность!

— Ты была с этой причёской, — продолжала она, — когда наломала дров в классе, да? Кстати, ты больше не можешь ходить в школу из-за тех событий?

Я бы попросила так не выражаться, хотя да, я действительно наломала дров.

Наорала на всех одноклассников, запугала их.

Произвела впечатление, которое до сих пор не изгладилось.

— Тебя разозлили словно дракона, которого погладили под горлом *против* роста его чешуи, и ты, в приступе *антипатии*, накинулась на них в ответ с гневной тирадой, — подытожила Ононоки-тян¹². — Ну что ж, такая Сэнгоку Надэко, с прямо подстриженной чёлкой, как известно, называется *Анти*-Надэко.

Да, это уже успело стать официальным прозвищем.

Я слышала, что так меня (про)звали (кто бы мог подумать, что автором этого прозвища окажется не кто иная, как Цукихи-тян!) в аудиокomentarиях к аниме¹³.

— Судя по тому, к какому периоду мы подошли, — предполагала Ононоки-тян, — я догадываюсь, какая причёска будет у четвёртой Сэнгоку Надэко.

— Да... Осталась лишь она.

Только она.

А точнее, я из той поры, когда мне поклонялись в Храме Северной Белой Змеи.

Когда мне поклонялись как божеству.

Когда я превратилась в самого что ни на есть бога. Когда я стала Змеиным Богом.

Причёска у той версии даже более авангардная, чем у Анти-Надэко. Всё-таки её дизайн подразумевает, что каждый из ста тысяч волос на голове — это змейка.

Какой ужасный дизайн персонажа.

Чокнутый.

Поскольку нарисовать все сто тысяч волос, разумеется, невозможно (на это ушло бы 10 000 часов), я воспользуюсь хитростью, к которой прибегают мангаки, и, пожалуй, только обозначу, что её волосы — змейки.

Честно признаюсь: я не пожалела, что подрядилась её рисовать, — это интересно.

Я загорелась желанием, увлеклась и с такой энергией водила карандашом по листу скетчбука, что он, казалось, и сам сейчас загорится.

— Похоже, правду говорят, что художники, которые хорошо умеют рисовать, больше предпочитают изображать разных чудовищ, чем воспевать в своих работах Красоту, — прервала молчание Ононоки-тян.

Да в общем-то я и не думала о Тихонядэко, Надэкокетке и Анти-Надэко как о символах Красоты и не собиралась рисовать их с таким подходом... Слишком сильно уничивать себя, конечно, не стоит, но и приукрашать тоже, — это очень дурной тон.

— Даже так? Ты рисовала их безо всякой идеи, без прикрас — и вон какими красивыми они получились.

Не надо об этом, Ононоки-тян, мне неприятно.

Что ж, наверно, нужно просто признать свою красоту и смириться... Но я всё равно ни за что не отправлю свою фотографию вместе с рукописью.

Всё, закончила!

Я в облике горгоны Медузы готова!

— Наречём её Богинядэко, — предложила Ононоки-тян вот уже четвёртое прозвище подряд. В итоге она всем раздала имена; эта странность прям фонтанировала идеями.

Лучше бы она с таким же энтузиазмом предлагала себя на камеру, чем, похоже, ей очень нравится заниматься.

— В принципе, — продолжала странность, — ничего страшного, если в команде будет шестеро: не хочешь взять к себе ещё DJ NADEKO?

— Знаешь, этого персонажа даже в аниме-версии нет¹⁴.

— Ну что, Ныненадэко, перепишешь мне всех четырёх начисто во весь рост? Не спеши: рисуй, сколько нужно; главное, делай на совесть. От всего сердца. От души. Когда закончишь, я препарирую твой скетчбук.

— Хорошо... Только можешь не называть меня нынешнюю Ныненадэко? — попросила я. — А то ставишь так настоящую меня в один ряд с *сикигами*.

«Понял-принял», — безразлично ответила Ононоки-тян на мою просьбу, и я принялась поверх карандашных набросков наносить штрихи чернилами. Подумав о том, что наступил переломный момент, который должен предначертать следующий год моей жизни, определить мои дальнейшие действия и направить моё будущее по уготовленному пути, я невольно ощутила радость, восторг, воодушевление и прокричала: «Ох, как нарисую сейчас! За дело!»

Примечания

1. Глава «Дораэмон заполонил весь дом» вышла в феврале 1971 г. Надэко, по сути, передала её краткое содержание, но для ясности стоит добавить, что первую версию себя Дораэмон выдернул из будущего спустя два, вторую — спустя четыре, третью — спустя шесть и четвертую — спустя восемь часов от настоящего.

2. Торияма Сэкиэн (1712—1788) — японский художник и график. Его наивысшим достижением является попытка собрать и изобразить в нескольких сериях печатных гравюр всех *ёкаев*, по поверьям участвовавших в ежегодном тайном шествии нечистой силы. Прежде всего известен книгой с картинками «Иллюстрированный ночной парад ста демонов», а также несколькими дополнениями к ней. Именно благодаря Торияме Сэкиэну сложилось представление японцев о том, как выглядят те или иные *ёкаи*. Его последователи и современные художники, обращаясь к мифологии, используют образы, нарисованные им

3. Торияма Акира (1955—н. в.) — мангака, в первую очередь известный своей мангой *Dragon Ball*. Его называют вторым после Тэдзуки Осама, основателя современной японской манги; он внёс значительный вклад в эволюцию этого вида искусства. Работы Ториямы Акиры невероятно популярны и оказывают большое влияние на многих других мангак, которые признаются, что черпали своё вдохновение в его произведениях.

4. Показывая, что Торияма Сэкиэн и Торияма Акира одинаково велики, Надэко переворачивает пословицу «*рёю нараби татадзу*», которая изначально гласит, что двое великих соперников, в равной мере претендующих на первенство, не могут сосуществовать. Ей подходит русский аналог: два медведя в одной берлоге не живут.

5. Артур Конан Дойл, оригинальный автор рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе, никогда не упоминал в своих произведениях о том, что его герой носит такую шляпу. Впервые её «надел» на Холмса Сидни Пэджет в своей иллюстрации к рассказу Дойла «Тайна Боскомской долины».

6. Хацунэ Мику — японская виртуальная певица, первый успешный и самый популярный вокалоид, релиз которого состоялся в 2007 г. Её голос синтезируется с помощью программы VOCALOID2 и более поздних версий. У вокалоидов первой эры не было аватаров, к тому же голосовые пакеты страдали от серьёзных проблем с произношением, поэтому не имели такой популярности, как пакеты следующих эр, начиная с Хацунэ Мику, которые стали звучать лучше и чище и обладать олицетворяющими их персонажами.

7. Имеется в виду первое издание в переводе на японский язык, вышедшее в 1940 г. Из-за ошибки издателя на обложке действительно нарисовали светловолосую, а не рыжую девочку.

8. Это перевод имени Хацунэ Мику: «*хацу*» — первый, «*нэ*» — звук, «*мику*» — будущее. Обычно «будущее» (未来) читается как «*мирай*», но здесь используется специальное чтение для личных имён — *нанори*.

9. Роман канадской писательницы Люси Монтгомери (1874—1942) о жизни рыжеволосой девочки-сиротки Ани Ширли в доме под названием «Зелёные Мезонины».

10. По-японски прозвище звучит как «*отонадэко*», и двоякость возникает из-за части «*отона*»: чуть раньше Ёцуги называет Надэко тихой, используя прилагательное «*отонасии*», и именно такой смысл вкладывает в придуманное прозвище. Это прилагательное произошло от слова «*отона*» (взрослый), потому что от взрослого человека принято ожидать спокойного, тихого и кроткого поведения.

11. Имеется в виду «Бассейн Надэко» — эта короткая история вышла в составе *Bakemonogatari Anime Complete Guidebook*. По сюжету Надэко притворяется, что не умеет плавать, и просит Коёми научить её. В один из выходных дней они вместе отправляются в аквапарк, где Надэко, в надежде произвести впечатление на Коёми, переодевается в микрокини — крошечное бикини, состоящее из одних тонких верёвочек и практически ничего не прикрывающее, кроме сосков и гениталий, — чем вызывает некоторый дискомфорт у других посетителей и ставит Коёми в неловкое положение.

12. В сравнении с драконом Ёцуги использует слова из древнекитайского трактата «Хань Фэй-цзы», в 12 главе которого, под названием «Трудность убеждать», рассказывается о том, как должен вести себя советник, чтобы не затрагивать «чешую дракона» императора, то есть чтобы не возбуждать на себя гнев своего начальства. Считалось, что драконы, даже приручённые, не любят, когда их трогают под горлом, и убивают любого, кто дотронется там до их чешуи.

13. Надэко, по-видимому, намекает на аудиокomentarии к третьей серии *Otorimonogatari*, — там сэйю Арааги Карэн и Арааги Цукихи, от лица своих персонажей, обсуждают данный эпизод, где Надэко как раз срывается на всех в классе. Однако на самом деле прозвище «Анти-Надэко» появляется ещё раньше в коротком рассказе «Зеркало Надэко», опубликованном в газете «Ёмиури Симбун» примерно на полгода раньше выхода аниме *Otorimonogatari* на Blu-ray и DVD, хотя об этом здесь почему-то не упоминается. В том рассказе Надэко и Цукихи обсуждают по телефону роман Роберта Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Говоря о том, что Джекил и Хайд — полные противоположности друг друга, Цукихи спрашивает у Надэко: а что, если бы та встретилась со своей противоположностью, так сказать, с Анти-Надэко? — на что Надэко отвечает, что

была бы рада встретиться с весёлой, жизнерадостной и общительной версией себя, даже если бы другой такая встреча была неприятна.

14. Впервые прозвище DJ NADEKO встречается во втором сете аудиокomentarиев к первой серии аниме *Nisemonogatari*, которую обсуждают сэйю Сэнгоку Надэко и Арараги Цукихи. В самом начале Надэко представляется от своего имени, а Цукихи обвиняет подругу в предательстве, потому что, по её мнению, «все слушатели ждали появления Диджея Надэко». Надэко говорит, что нет такого персонажа, и просит Цукихи перестать, но та отвечает, что «информация о нём висит на официальной странице сайта „Цикла историй“ в разделе „Знакомство с персонажами“, где написано: „Диджей Надэко... как бог крутит блины в ночном клубе, который располагается на территории средней школы...“», и заверяет: «Я сама хожу тусить в этот клуб каждое утро». В дальнейшем это прозвище ещё раз всплывало в аудиокomentarиях к четвёртой серии *Nekomonogatari (Shiro)*, — там Надэко умоляла Цукихи забыть о «Диджее Надэко» раз и навсегда.

— И ты, значит, «ох, как нарисовала!» всех, да, Сэнгоку-тян? Энергично и с чувством царапала пером по бумаге? Хах-ха-а! Ну и дура же ты! — весело прокомментировал мои слова Оги-сан; он так искренне радовался, чуть со смеху не лопнул: видно, в современных реалиях, пока общество переживает спад и депрессию, Оги-сану не часто — нет, крайне редко выпадает шанс повеселиться от души¹. Его отношение мне не понравилось, однако давить на Оги-сана да и заставить его объясняться я не могла: мы катили на ВМХе.

А то ещё отвлечётся — и снова попадёт в аварию.

К тому же я впервые подсела к кому-то на ВМХ, а точнее, ехала стоя: встала на пёги (трубки, торчащие из оси заднего колеса, на те самые штуки, которые райдеры используют как опору для трюков), поэтому была вся как на иголках и всеми силами старалась удержать равновесие — больше меня ничего не заботило.

Да и не могу же я вестись на каждый подкол Оги-сана?

Ездить вот так, вдвоём, вообще-то нельзя — прямое нарушение правил, но что тут поделаешь — приходится идти на жертвы². Нужда толкает на крайние меры.

Надеюсь, они оправданы.

Как-никак четыре меня разбежались кто куда, и мне теперь надо поймать их.

— Говоришь, четыре тебя разбежались кто куда? — переспросил Оги-сан, едва сдерживая смехок.

Мне не надо было смотреть ему в лицо: я и так представляла, как расплылись в улыбке его губы. Даже могла нарисовать Оги-сана с этой ухмылкой и не ошиблась бы. Но не буду. Ни за что на свете не притронусь к перу и бумаге, — вон к чему привело моё увлечение!

А всё-таки Оги-сан и правда парень.

Усадил меня назад (хотя сидения как такового там не было), а сам принялся крутить педали, но не пыхтел, не жаловался, будто и вовсе не чувствовал моего веса.

...Стоп, он же парень, так?

Тогда какая разница, первый раз он меня видит или второй... Хотя после разговора мне почему-то тоже стало казаться, что раньше я с ним не встречалась.

И что как парня увидела Осино Оги впервые.

Я всё это к тому, что подсаживаться к малознакомому парню тоже по-своему опасно.

— Понятно, то есть ваша попытка увенчалась успехом, — продолжил он. — Четыре Сэнгоку-тян... Вам удалось призвать аж четырёх (!) Сэнгоку-тян в виде Тихонядэко, Надэкокотки, Анти-Надэко и Богинядэко, полностью перенести их из двумерного в трёхмерное

пространство. Хах-ха-а! Ну и ну! Фантастика! Я и представить не мог, что получатся все четверо, особенно у Ёцуги-тян с её кривыми руками. Да, для успеха ей требовалась помощь со стороны, но поставила она на другое: решила выстрелить из всех орудий, чтоб уж наверняка увеличить шансы. Думаю, Ёцуги-тян прикинула, что если хотя бы один, ну или максимум два автопортрета обратятся в *сикигами*, то это уже большая удача.

— Да... Она потом сама мне в этом призналась.

К слову, Ононоки-тян тоже отправилась на поиски четырёх меня, только бросилась в другую сторону. Девочка-кукла умеет передвигаться очень быстро, мне с ней не тягаться, поэтому я возлагала на неё большие надежды, но даже так не имела права отсиживаться и ждать новостей.

Хороший из меня пастух: не смогла уследить за четырьмя версиями себя...

За четырьмя Надэко.

— Хах-ха-а, — вновь посмеялся Оги-сан. — «За Надэко». Помню, когда-то ты говорила о себе в третьем лице, Сэнгоку-тян.

— ...Откуда вы это знаете, если утверждаете, что видите меня впервые?

— Ой, это я не подумал. Давай притворимся, будто *ничего не было*.

Если б я могла отменить то, что уже сделано, то предпочла бы, чтобы *ничего не было* с самого утра, — предпочла бы отказать тогда Ононоки-тян.

Пожалуйста, пусть время вернётся вспять!

— Ну нет, знаешь, я не настолько силён, чтобы управлять временем, — ответил Оги-сан. — Я могу лишь указать тебе путь. Моя роль во всей истории проста — отвезти тебя к месту, где я, незадолго до нашей встречи, *совершенно случайно* увидел Сэнгоку Надэко в школьной форме.

Сэнгоку Надэко в школьной форме?

Похоже, он видел Тихонядэко.

Пока я переписывала четыре Надэко начисто во весь рост, мне пришло в голову, каким будет окончательный дизайн, так что каждую из них я решила одеть по-разному. Чтобы после материализации их можно было различить, полагаясь не только на одни причёски.

— Одного не пойму, Сэнгоку-тян. Всё ведь так удачно прошло: четыре твоих *сикигами* воплотились в реальности, но почему они удрали от тебя? Разве вы не должны были объединиться и начать вкалывать впятером, чтобы наработать 10 000 часов ради твоей мечты стать мангакой?

А? Я что, проговорилась?

Ну и ладно: зачем теперь скрывать, кем я хотела бы стать?

— Ёцуги-тян упустила что-то из виду? — предположил Оги-сан. — Ну, не удивительно: она же теперь сподвижница Цукихи-тян. Думаю, эта девочка-кукла совершила большую ошибку, взяв за аксиому, что если действовать с Цукихи-тян заодно, то жди лишь непыльную работёнку да детские глупости.

Оги-сан что, знаком ещё и с Цукихи-тян?

А то ведёт себя так, будто знает, о чём говорит. Уж извините, но я не могу отделаться от чувства, что дуэт Оги-сана и Цукихи-тян — худшее, что только может быть.

Между прочим, саму Ононоки-тян, по-моему, тоже тревожило сближение с Цукихи-тян (странность подмечала за собой изменения и приговаривала: «Что-то в последнее время я сам не свой»), но сейчас не об этом: я, Сэнгоку Надэко, Ныненадэко, — самая настоящая тупица; назвать себя как-то иначе язык не поворачивается.

— Я тоже не подумала...

— А-а? — удивился Оги-сан. — Сболтнула лишнее? Прямо как я недавно?

Нет, не в том смысле.

— Вы говорите «вкалывать ради мечты стать мангакой», но такой настрой у меня появился совсем недавно, а раньше всё было иначе... Вот почему прошлые я-*сикигами* не захотели помогать мне.

Кроме того, из всей пятёрки только я думала: «Зачем скрывать ото всех, кем я хочу стать?» — тогда как другие Сэнгоку Надэко, в разные периоды жизни, старались скрыть своё хобби, чтобы об этой голубой мечте или идее не узнала ни одна живая душа.

Как после такого можно надеяться, что они объединяться со мной ради общей цели?

Планировать какую-то ротацию, смену по кругу?

Скорее, я угодила в круговорот взаимной ненависти к самой себе.

Моя комната, где я заперлась от всего мира, всегда служила мне тихой гаванью, а тут в ней вдруг разыгралась нешуточная ссора. Я пыталась как-то успокоить всех, но они не слушали: я стала для них самым ненавистным человеком на свете.

В итоге четыре Надэко не захотели помогать мне даже с черчением границ фреймов на рукописи — а это и так самая базовая и элементарная работа — и в конце концов разбежались кто куда.

Просто взяли и бросились врассыпную, оставив нас с Ононоки-тян в полном замешательстве. Четыре *сикигами* не стали объединяться со мной, зато были единодушны в решении удрать от меня куда подальше.

Что ж, узнаю себя.

Вот уж в чём японцы — мастера, так это в бегстве от действительности.

К слову, одна из Надэко сбежала через окно... Стоит ли уточнять, что это была Богинядэко? Да, та самая Сэнгоку Надэко, которая когда-то исполняла роль бога.

Мало того что она очень сильна, так ещё и не умеет держать себя в узде.

Выпрыгивая из окна, Богинядэко разразилась диким смехом: «Гья-ха-ха-ха-ха-а!» Страшно было до жути.

Но я не могу поддаться чувству страха. Нужно как можно скорее поймать её и остальных трёх меня. Иначе город охватит паника!

— Ну, это вряд ли, сама посуди. Ведь четыре твоих двойника разбежались по разным местам, разве нет? — рассудил Оги-сан, и его слова остудили мой пыл.

Верно говорит.

С паникой я загнула.

Наверно, можно сказать, что мне ещё повезло: четвёрка разбежалась кто куда. Если бы они, на вид такие похожие друг на друга, собрались в одном месте, то неизбежно привлекли бы ненужное внимание, а пока все четверо действуют врозь, каждую из них принимают за обычную среднеклассницу.

Город может спать спокойно, если только никто не прознает, что они *сикигами*. Так что пока паникую одна я да Ононоки-тян, по милости которой и загорелся весь сыр-бор.

Хотя к Богинядэко это не относится: на её счёт расслабляться нельзя.

Если она будет в открытую разгуливать по городу, люди по-любому начнут щёлкать её на телефоны, разинув рты. Ещё бы не удивиться девочке со ста тысячами маленьких змеек на голове вместо волос!

— Так-то Богинядэко какое-никакое, а божество, — вставил своё слово Оги-сан. — И, как подобает божеству, она должна слыть чудом для простых смертных, поэтому, думаю, будет скрываться от любопытных глаз. Так что первым делом тебе следует волноваться об остальных трёх: чем дольше с ними тянешь, тем больше бед они могут натворить, а ответ за их действия придётся держать тебе, Ныненадэко.

Он прав.

Боже мой!

Я всегда избегала ответственности, а теперь вдруг должна брать чужую на себя? Хотя все те, кого я называю «чужими», на самом деле тоже я.

А что, если кто-нибудь из них совершит преступление гораздо серьезнее, чем сделала я, взгромоздившись на ВМХ (всё-таки это нарушение правил)? В таком случае больше всего опасений вызывает Анти-Надэко!

По возможности её нужно отыскать в первую очередь, но Тихонядэко и Надэкокетку также нельзя забывать.

Как опасно оставлять их одних: прошлые я не знают, что делать!

— Хах-ха-а, верно: не знают! Помнится, когда ты была Тихонядэко, то развлекалась со змейками, расчленив и распиная их, да, Сэнгоку-тян?

Я не развлекалась. А отчаянно пыталась избежать смерти.

— К тому же я не распиная змеек... Не ожидала услышать это *от вас*, Оги-сан.

— Потому что новый знакомый не может знать такие подробности, — это хочешь сказать? А что, аниме-версию с теми событиями ты вот так слепо списала со счетов? Хах-ха-а! Знаешь, когда переосмысливаешь прошлое, оно открывается тебе в новом свете, растёт на твоих глазах.

...Я готова всё списать на собственную слепоту: в прошлом году я не ведала, что творила.

Однако как ни оправдывайся, а прошлое так «разрослось», что настигло меня в настоящем, — вот с чем теперь приходится иметь дело.

А ведь я и правда тогда расчленила змеек — значит, Тихонядэко, возможно, вооружена стамеской, и если кому-то не повезёт нарваться на неё, то ему может сильно не поздоровиться. Нужно быть очень и очень осторожным с ней.

— Всё, приехали. Вот здесь я и видел Сэнгоку Надэко в школьной форме незадолго до того, как угодил с тобой в мелкое ДТП, — заявил Оги-сан и дал по тормозам, пытаясь развернуться на 180 градусов. От такого манёвра меня чуть не сбросило с велосипеда, но я кое-как устояла на пегах.

Место, где Оги-сан видел меня...

Я знала просто отлично.

Мы приехали к воротам государственной средней школы № 701.

Примечания

1. «Современные реалии», о которых говорит Надэко, по идее выпадают на 2007 г. Как известно, период с 1991 по 2010 гг. в Японии называют «потерянными десятилетиями». В начале 90-х произошла полная остановка экономического роста, начала расти безработица, стало трудно получить кредит, многие работодатели вместо постоянных рабочих мест предлагали временные, — в таких условиях, когда никто не уверен в завтрашнем дне, в обществе царили не самые здоровые настроения.

2. Согласно японским ПДД, такая езда вдвоём на велосипеде попадает под пункт о небезопасном вождении. Закон требует, чтобы пассажиру предоставляли место для сидения.

Стоило сразу догадаться.

Та Сэнгоку Надэко была в школьной форме — куда ещё она могла направиться, если не в школу? Но тогда всё больше вопросов вызывает поведение Оги-сана: зачем он поначалу притворялся, будто ничего странного не произошло — а ведь он, проезжая мимо школьных ворот, уже видел *другую меня в форме*, — и потом говорил со мной какими-то намёками вместо того, чтобы сразу перейти к главному?

И вообще, если Оги-сан заметил, как я заходила в школу, то почему не удивился, встретив меня ещё раз чуть позже, когда едва не сбил на повороте?.. У него хоть и богатая мимика, но понять, о чём он думает, ещё труднее, чем читать по лицу безэмоциональной Ононоки-тян.

Я смотрю ему в глаза и вместо зеркала души вижу непроглядную тьму.

Но всё же грех жаловаться: он подвёз меня до школы...

— У-уф... — затряслась я от страха и, слезши с велосипеда, приобняла себя, чтобы унять дрожь.

Что тут сказать? После стольких месяцев затворничества даже просто оказаться на улице — уже настоящий, даже сверхчеловеческий подвиг для меня.

Я рада, что выскочила из дома без раздумий: уговаривать себя — дело не из лёгких, но в этот раз я быстро управилась.

Да ещё и моя *сикигами* убежала в школу, как будто других мест больше нет... Господи, в школу? Серьёзно?

Ох, сколько же от неё проблем!

Чувствуется, что она точная копия меня, да?

Но вряд ли Тихонядэко специально решила скрыться от погони здесь. Она-то уж точно долго не раздумывала и прибежала сюда инстинктивно, чего бы нынешняя я ни за что не сделала. Всё-таки *тогдашняя я* считала свою школьную форму частью себя и носила её, даже не ставя это под сомнение, будто так и должно быть, — у Тихонядэко не было никаких причин не пойти в школу в новом учебном году.

А вот я перестала ходить туда с ноября прошлого года... Хотя если вычесть период, когда я была богом, то где-то с марта этого года.

Между прочим, я больше не удивляюсь, почему характер Тихонядэко однажды назвали дьявольским: от неё вон одни неприятности¹. Хм-м, наверно, я бы никогда не смогла осознать это, если б сама когда-то не была на её месте и не досаждала всем вокруг.

Ну ладно, а что делать дальше?

Честно говоря, я мешкала заходить в школу: для меня это всё равно, что в ядовитое болото залезть... Стоило представить во всех красках, как сердце тут же бешено заколотилось в груди.

А если ещё не посчастливится столкнуться с одноклассниками?.. Стоп, сейчас же новый учебный год — учеников должны были перемешать, а это значит, что класс, на который я спустила собак, уже давно распущен?

— Что-то не так, Сэнгоку-тян? — спросил Оги-сан, тоже слез с велосипеда, а затем предложил руку помощи утопающей: — Хочешь, схожу вместо тебя? Всего-то делов — найти Сэнгоку-тян в школьной форме, да? Только попроси — я не против.

— ... — ... — ...

— ... — ... — ...

— ... — ... — ...

— ... — Спасибо, не надо.

С десяток Надэко посовещались в моей голове, но ни одна из них не проронила ни слова; все замолчали — повисла невыносимо длинная тишина, которую пришлось прервать мне: я, по природе нерешительная и робкая девочка, вдруг ответила на благородное предложение Оги-сана решительным отказом.

Просто меня кольнуло предчувствие, что если переложить на него всю работу, то будет ещё хуже, чем с *сикигами*, и всё усложнится в разы.

Сердце уже не просто колотилось, а било в набат.

— Ну ты даёшь! — похвалил меня Оги-сан. — Будь у Камбару-сэмпай твоя сила воли, я бы не держал её сейчас на крючке.

Камбару-сан у него на крючке?!

Кошмар!

— Что же мы, договориться не можем? Давай хотя бы вместе пойдём, а то не по-людски это, — предложил он. — Да и я вон в пиджаке и брюках — не то что ты в своих страховодных свитшоте и трениках: в моей компании ходить по школе будет поспокойнее.

Только не мне: я всё равно буду нервничать.

Стоп, он без всяких обиняков назвал меня страховодиной?

Я никогда не знала, как реагировать на комплименты вроде «ты такая милашка!», но и откровенная «страходиная» в ступор меня не вогнала... Да и обозвал он, по сути, не меня саму, а мою одежду.

Нужно немало храбрости, чтобы заявиться в школу в повседневной одежде (читай, в домашних тряпках): по моему виду все догадаются, что я прожжённый сыч.

Правда, на деле такая храбрость никому не нужна.

Так что я не могла скрыть своей радости по поводу предложения Оги-сана, одетого как раз в школьную форму, стать моим сопровождающим.

Но хоть он и в пиджаке с брюками, да не в тех: на нём форма старшей школы Наоэцу, а не средней школы № 701; хотя человек в форме частной старшей школы, тем более подготавливающей учеников к поступлению в университет, наоборот, должен вызывать доверие и производить положительное впечатление.

Оги-сан может притвориться здешним выпускником. Мне кажется, актёрского мастерства ему не занимать: он хорошо умеет разыгрывать и обманывать людей.

Пускай, по его словам, мы видимся впервые, но в этом я уверена наверняка.

— Ну всё, пошли, — позвал за собой Оги-сан; он так просто переступил ворота, будто зашёл к себе домой. Интересно, в каком доме он живёт? Трудно даже представить его фасад.

Зайдя на территорию школы, Оги-сан, как порядочный человек, катил велосипед рядом с собой, держась за руль. Подумалось, что сперва надо бы поставить BMX на стоянку...

Но где она?.. Пытаясь вспомнить, я шагала по пятам за Оги-саном.

Вот так я, впервые за полгода, показалась в школе, куда не надеялась прийти даже на выпускную церемонию.

Примечания

1. Синобу дала такую характеристику Надэко в *Otorimonogatari*.

Дальше меня ждало по-настоящему неожиданное открытие.

Сегодняшний день, в принципе, с самого утра богат на неожиданности (родители объявили мне ультиматум → ранний визит Онооки-тян → эксперимент с *сикигами* → успех → побег → погоня → я чуть не попала в мелкое ДТП → опять погоня → посещение школы), что даже удивляешься: а не слишком ли много всего за такой короткий срок? — однако главный сюжетный поворот был ещё впереди.

И даже не один, а два.

Хотя два сюжетных поворота, по идее, описывают полный круг и возвращают нас в прежнюю колею. И тогда дальнейшие перипетии автоматически перестают быть неожиданными, правильно думаю? Только события всё равно приняли неожиданный, пусть и двойной, поворот.

Прежде всего, в школу убежала не первая Надэко, то есть Тихонядэко, а вторая — Надэкокетка. Вот так сюрприз!

Я же помню, что одела её в откровенную камисоль, когда писала автопортрет в скетчбуке!

Видимо, она где-то переделалась.

А ободок оставила — он всё так же подбирает чёлку... Но где она достала школьную форму? Что ж, вариантов не много.

После побега Надэкокетка, скорее всего, где-то пересеклась с Тихонядэко и обменялась с ней... М-м, ну надо же! Две Сэнгоку Надэко вступили в сговор!

Куда подевалась ненависть к самой себе?

Подожди, какая ненависть между ними? Тихонядэко и Надэкокетка едва ли не самые близкие друг к другу по духу среди всех пятерых Сэнгоку Надэко, считая меня.

Да и по времени они идут одна за другой.

У них хоть и разные причёски, но стоит Надэкокетке снять ободок, и её дизайн уже не отличить от дизайна Тихонядэко, — настолько они похожи.

Если Надэкокетка, с её напористостью и предприимчивостью, жёстко потребовала от замкнутой и серой Тихонядэко поменяться одеждой, то последняя никак не могла отказать... Однако этот трюк с подменой сулил выгоду и Тихонядэко: они обе сумели запутать нас с Онооки-тян.

И всё же как тут не посочувствовать Тихонядэко — она, несмотря на свою робость, вынуждена теперь носить камисоль, — но пока что не время думать о ней. Все мысли надо сосредоточить на той Сэнгоку Надэко, которую мы нашли, то есть на Надэкокетке.

Да, опасность крылась во втором неожиданном открытии.

Надэкокетка вела себя в школе очень вызывающе. Прямо яркий образец вызывающего поведения.

Только мы с Оги-саном зашли в здание школы и отправились бродить по коридорам, как заиграла мелодия звонка. Началась перемена¹.

Как невовремя!

Урок закончился — сейчас из классов повалят ученики с учителями и — о боже! — увидят меня! Не хватало ещё наткнуться на Сасаябу, — тогда мне точно конец!

Меня поймают.

Я полагалась на Оги-сана, но боялась, что вместо помощи получу удар в спину: в сложившихся обстоятельствах он может просто подставить меня.

Смыться — и сбросить с плеч тяжкую ношу!

Значит, нужно работать быстро, как можно скорее сделать то, за чем пришла... Та-ак, рассуждай логически: если она, то есть *тогдашняя я*, пришла в школу, то дальше по идее должна пойти в свой класс?

Но ведь чуть раньше я уже говорила, что класс, в котором училась на втором году, давно распушен. Выходит...

— Думаю, тебе не стоит отделять себя от своих *сикигами* словами «тогдашняя я», Сэнгоку-тян, — посоветовал Оги-сан. — Всё-таки эти *сикигами* по существу скорее новорождённые младенцы, а не прошлогодние ты, переместившиеся сюда на машине времени.

Хм-м, дельный совет.

И правда: все они нарисованы сегодня и нынешней мной. Получается, они должны отражать меня настоящую.

Сикигами — мои представители, мои заместители.

Мангаки нередко высказывают в интервью такую мысль, что *все персонажи* — *зеркало художника*. А я столкнулась с явлением, когда мои персонажи мало того, что зеркало меня, так ещё и *двигаются по своей воле*...

Стало быть, вполне возможно, что если Надэкокетка всё-таки пошла искать класс, то направилась не к тому, где я училась в прошлом году, а к моему нынешнему, за которым я теперь числюсь в списке.

«Младенцы», как сказал Оги-сан.

Ну, по сути они всего лишь рисунки, так что ум у них точно неокрепший. Даже когда мы ссорились у меня в комнате, *сикигами*, казалось, двигали скорее инстинкты, безусловные рефлексы, а не сознание.

У них есть эго, но нет целостной личности?

Просто набор каких-то черт?..

Тогда, может, правильно было бы назвать *сикигами* не младенцами, а слабым искусственным интеллектом, который выполняет заложенную программу? Хотя я слышала, что современный ИИ гораздо умнее обычного человека... Ладно, пойду к кабинетам третьеклассников: всё равно идей получше у меня нет.

По бумагам я хоть и перешла в третий класс, но на себе этот переход, кстати говоря, не ощутила, поэтому, когда заходила в корпус, где учатся третьеклассники, нервничала ещё сильнее, чем перед воротами школы.

У меня зуб на зуб не попадал!.. А-а, так, в каком я классе?

— 3-5, — подсказал Оги-сан (откуда он знает?)². — Нет, ты не подумай ничего такого; я, конечно, знаменит своими загадочными знаниями, но это не тот случай: о номере класса я узнал от Камбару-сэмпай. Она, видишь ли, очень беспокоится о тебе.

Да?

Что-то я тогда сомневаюсь в его знаменитой загадочности, но даже если он и впрямь всегда всё знает сам, то не понятно, почему об этом он услышал от кого-то другого; Камбару-сан тоже удивляет: каким-то образом она выведала, в каком классе я учусь — а это уже смахивает на stalking, — но я благодарна ей за такой подарок.

Она избавила меня от лишних мучений.

— Камбару-сэмпай говорит, что пора бы тебе снять траур: слезами горю не поможешь.

— А никто и не умер, я сама живее всех живых. Меня вон пятеро теперь.

Где же класс 3-5?

Мы украдкой шли по коридору... Хотя какой там украдкой, когда я, опустив голову, даже не могла спрятать лицо — всё моя короткая стрижка, — а Оги-сан, на вид совсем не похожий на здешних учеников, вышагивал в такой горделивой манере, что выглядел ещё подозрительнее.

По пути мы разминулись с компанией третьегодок; почему-то они просто расступились перед нами. Среди них я заметила вроде бы пару-тройку бывших одноклассников, но они, видимо, не узнали меня с такой причёской и в свитшоте с трениками.

Наверно, подумали, что идут два каких-то чудика и лучше бы уступить им дорогу.

Если б они разоблачили меня, то наверняка бы сильно удивились. Всё-таки изменилась не только моя внешность и одежда — я ещё и выросла.

Однако больше всего удивляла не я, а кое-кто другой; мельком заглянув в класс 3-5, я не поверила своим глазам: боюсь, второй такой ученицы во всей школе не сыщешь... В том классе, как я и ожидала увидеть...

Стояла девочка в школьной форме, с ободком в волосах — Надэкокетка — и как-то по-странному оживлённо, с радостью на лице, по-дружески болтала с незнакомыми мне одноклассниками.

Примечания

1. Во многих японских школах во время звонка на урок или перемену вместо сигнала, подаваемого сотрясением колокольчика, играет мелодия *Westminster Quarters*.
2. В начальной школе японцы учатся 6 лет, а в средней и старшей — по 3 года. Первая цифра номера класса у них отражает год обучения, а вторая — номер параллели (иногда вместо второй цифры бывает буква латинского алфавита). То есть класс 3-5 японской средней школы соответствует, к примеру, российскому 9-му классу «Д».

— Ага, я уже в курсе! Как с языка снял! — А? Да ты что? Даже не знала! — Вау! Ну как можно быть таким милым — щас растаю! — О да, клёвая вещь! Так хочется узнать, что будет дальше, скажи? — Кру-у-уто! Я тоже об этом слышала! — Ого, где ты их достала? Я их с детства люблю, прям обожаю! Вот вечно всё мимо меня! — Нет, зачем о другом? Давай ещё поболтаем: я его тоже очень люблю! Он сводит с ума! Да разве бывает такое счастье в жизни? Если только в сказках! — А, уже столько лет прошло? Офигеть, как время летит! — Да-да-да, и моя тоже! Она так вдохновляет! — «Не самое лучшее в мире»? Ой-ой, не смеши! Помолчал бы! Ты даже в суть не въехал! — О! Я это в инете видела! — Ну-ну, а ты ему что? У нас даже мысли сходятся: я бы так же ответила! — Я тоже так хочу — моя давняя мечта! Кто тебя научил? А мне покажешь? Я по-любому всё зафейлю: это так сложно, прямо магия какая-то! Ну ладно, давай встретимся на днях — вдруг получится? Класс! Замётано! — говорила то одному, то второму, то пятому, то десятому однокласснику — кто бы вы думали? — Надэкокетка собственной персоной.

...Они обступили её со всех сторон, сыпали пустыми вопросами и получали такие же ответы, болтали обо всём и ни о чём одновременно.

Парни и девушки — все до одного сбились в кучу вокруг Надэкокетки; это точно она, если судить по манере её речи, а как умело стелется перед ними, как заискивает! Всем и каждому отвечает: крутится, как юла, на одном месте!

Для них она уже своя в доску.

Её чувство времени впечатляет!

Этакая до ужаса современная гламурная девушка.

Теперь вижу, что Надэкокетка явно не я времён прошлогодних летних каникул. Она не *тогдашняя я*, а нарисованная на бумаге подделка Сэнгоку Надэко.

Поделка самой Сэнгоку Надэко.

— ...

Только... Даже не знаю, как сказать...

Да, она поделка, подделка, запредельно фальшивая версия меня, но... я ей завидую.

Чёрной завистью.

Похоже, у меня вышел настоящий NPC: этот «персонаж из манги» говорит со всеми, кто к нему обращается, стандартными заготовками и ведёт диалог, никак толком его не продвигая. Да уж, на вспомогательную роль девушки с ярко выраженным характером я нарисовала стереотипную «современную среднеклассницу-вертихвостку».

Посредственную, ничего собой не представляющую девушку, каких миллионы, дешёвку, у которой нет ничего, кроме кучи понтов... Но она, несмотря на это, всё равно вошла звездой на небосклоне класса.

И блистала над всеми.

Блистала так, что казалось, можно ослепнуть.

Как видно, я «чрезвычайно высокого» мнения о себе, даже человек «с болезненным самолюбием», раз завидую и восхищаюсь какой-то посредственностью, но, знаете, в мечтах я всегда представляла себя популярной девушкой, с которой дружит весь класс, хотя понимала, что это несбыточное желание.

Вот честно.

Умей человек так ладить со всеми, ему бы не нужны были ни мечты, ни цели — все чаяния легко ушли бы на десятый план, — такие мысли посещали меня, и они же сказывались в поведении Надэкокетки.

Чуть раньше я упомянула, что не поверила своим глазам, заглянув в класс 3-5, но это слабо сказано: я будто ослепла от сияния своей *сикигами*.

Будто лишилась зрения, но не только его, а ещё и своей цели.

Мне было противно видеть...

Как такая я...

Как такая я радуется и заражает радостью всех вокруг.

— Единственная правда жизни в том, что человек не хочет гоняться ни за какими мечтами, когда счастлив здесь и сейчас, — принялся рассуждать Оги-сан. — Но если он чем-то недоволен, если что-то его не устраивает, то сразу появляются и мечты о лучшем, и надежды на будущее. Кто-то спросит: зачем вкалывать, не помня себя, жить, не зная, жив ты или мёртв, смотреть, как дни проходят мимо, забыв об отдыхе и развлечениях, когда можно всего лишь удачно попасть в струю и нежиться в тёплой водичке, — разве я не получу то же самое: исполню заветную мечту, добьюсь поставленной цели, сделаю карьеру, стану великим — словом, достигну всего, что только можно достичь? — задал он риторический вопрос (с щедрой долей сарказма), заглядывая в класс через моё плечо. — А вот, представь себе, нет: это всё преходящее. Рано или поздно тёплая водичка остынет — и тогда в ней станет очень и очень холодно. Смотри, — Оги-сан обратился ко мне и указал на Надэкокетку: — Сейчас ей, может, и хорошо, но никто не знает — а мне даже трудно скрыть своё волнение, — какие сюрпризы ей уготовит будущее? И под будущим я имею в виду нынешнюю тебя, Сэнгоку-тян. Знаешь, чего ей не достает? Да тебя самой! Она перспективная версия тебя, но ей не хватает умения видеть перспективу. А ты из всех сил преследуешь свою мечту, и мне со стороны кажется, что такая, настоящая, Сэнгоку Надэко блистает, как звезда, гораздо ярче, чем кто бы то ни было.

Что я слышу? Слова утешения? От Оги-сана?!

Неприятно это признавать, но мне полегчало.

По-моему, он понял, что видит не Тихонядэко, а Надэкокетку, хотя сам об этом даже не обмолвился.

Не пойму, друг он мне или враг?

Боюсь, вообще ни то, ни другое.

— Поэтому вот тебе мой совет, Сэнгоку-тян: сейчас же разберись с этой *сикигами*! — попытожил Оги-сан. — Не только ради себя, но и ради своих же одноклассников: видишь, они попали под её чары?

Он прав: я должна разобраться с самой собой... и в себе, — это единственно верный выход.

Но также Оги-сан не ошибался и насчёт одноклассников... Надэкокетка, конечно, обскакала меня: она настолько общительная и так умело находит подход к любому человеку, что даже завидно: ей ничего не стоит вот так стоять в центре толпы.

А когда меня окружает куча людей, я мало того, что чувствую себя не в своей тарелке, так ещё и это чувство не ослабевает со временем.

Я понимаю, что они её одноклассники, то есть вообще-то мои, но ученица по имени Сэнгоку Надэко в новом учебном году ещё ни одного дня, до сегодняшнего, не была в школе. Надэкокетка не могла вот так, в мгновение ока, подружиться со всем классом, каким бы приятным и весёлым от природы ни был её характер, — это невозможно.

Мои одноклассники даже во мне не признают свою одноклассницу... А в Надэкокетке тем более не должны: я ещё ни разу не приходила в школу с ободком в волосах.

Значит, мы наблюдаем какое-то сверхъестественное явление.

Когда-то я и сама была сверхъестественным существом, но вы не подумайте, будто я говорю сейчас со знанием дела: просто другого объяснения нет. На первый взгляд, в кабинете не происходило ничего странного: идёт перемена, ученики весело и задорно общаются друг с другом, но всё не так просто, как кажется: моя *сикигами*, судя по всему, околдовала одноклассников.

Хм.

Какое-то странное ощущение.

Будто сам воздух в кабинете наэлектризован до предела от всеобщего возбуждения.

Никак не ожидала, что в моих рисунках сокрыта такая мощь... Хотя, я думаю, большую роль в наделении *сикигами* безудержной силой сыграли навыки Ононоки-тян.

И раз уж *сикигами* получились настолько могучими, то я бы не отказалась позвать на помощь саму девочку-куклу, виновницу этого несчастья, чтобы разобраться с ними вместе, но медлить нельзя. Нужно как-то справляться самой.

Благо мне подсказали, как избавиться от них. Онооки-тян поделилась секретом: «Они хоть и *сикигами*, но по сути своей простые бумажки. Есть много разных способов, как можно изгнать духов, и один из них даже тебе будет по плечу — о нём я и расскажу. Он не то чтобы самый лёгкий, просто им может воспользоваться лишь сам создатель, то есть ты... Вырви несколько чистых листов из скетчбука и возьми их с собой. Положи лист на ладонь и тресни им прямо по *сикигами*, а затем, прилепив его, сжимай лист с двух концов, сдавливай *сикигами*, пытаясь сложить лист вдвое, — так ты вернёшь всех Надэко обратно на бумагу. Вернёшь их из трёхмерного пространства в двумерное». — «Какой-то примитивный, даже жестокий способ», — поделилась я тогда с Онооки-тян своими мыслями. «Ошибаешься, Сэнгоку Надэко, — поправила меня странность. — Хочешь узнать по-настоящему жестокий способ? Его как раз собираюсь применить я: с помощью *Unlimited Rulebook* („Безграничного свода правил“) сотру *сикигами* в порошок. Переведу их в макулатуру».

...После этого мне даже стало как-то жалко тех Сэнгоку Надэко, которые попадутся Онооки-тян. Надэкокетка, можно сказать, пока самая везучая из четырёх: её нашла я.

Размышляя об этом, я достала из кармана свитшота сложенный вчетверо лист скетчбука. Достаточно просто запечатать её дух в бумажке, да?

Чтобы изгнать?

Я как будто настоящий *оммёдзи*!

А может, так они и создают все эти талисманы и *го-синтай*?¹

— У-уф... — вырвался из груди сдавленный стон.

Оги-сан нашёл нужные, хотя слегка грубые, слова и придал мне мотивации; я с трудом собралась с мыслями и вспомнила, какая миссия возложена на мои плечи, но, когда пришло время действовать, застыла столбом: было трудно сделать первый шаг. Я не понимала, как подступиться к Надэкокетке: одноклассники окружили её со всех сторон. Она будто возвела вокруг себя живую стену из людей.

Специально, что ли?

— Скорее всего, — согласился со мной Оги-сан. — Хочешь защитить саму себя — заведи друзей, влейся в коллектив — лучше плана не придумаешь. У неё, как и у новорождённого младенца, полностью отсутствует самосознание, но только дайте ей повзрослеть — и Надэкокетка превратится в серьёзную странность, с которой будет очень трудно справиться, не думала? Вот почему её нужно уничтожить, — пугал меня племянник Осино Меме... Что за чудовище я притащила в мир живых?!

С другой стороны, может, мои одноклассники просто добрые, ласковые и отзывчивые люди? Почти всех их я видела впервые, из-за чего сомневалась: вдруг они ведут себя так не потому, что их заставляет Надэкокетка, а потому, что всегда проявляют заботу и интерес к другим?

Я стояла в коридоре у приоткрытой двери кабинета, заглядывая в щёлочку, вся собранная, напряжённая, будто хотела подзвать кого-то из класса на серьёзный разговор, но ясное дело, что никого подзвать не могла, поэтому безо всякого плана нырнула в класс — другого выбора не было.

Решилась — и зашла.

Что-то мне вспомнился похожий момент из жизни, когда я была Анти-Надэко: тогда я так же смотрела на свой класс через щёлочку в двери, прежде чем ворваться туда... Интересно, где и чем сейчас занимается эта рок-н-ролльная версия меня?

— Ре!.. Ребята! Не дайте себя обмануть! О!.. Она — самозванка! Я — н-настоящая! — выпалила я, набравшись смелости (непонятно откуда взявшейся у хикикомори) и стараясь говорить как можно громче, но никто из одноклассников не обернулся.

Наверно, моих стараний оказалось недостаточно — голос всё равно был тихим; а может, я так часто заикалась, что никто ничего не понял, хотя, скорее всего, они просто не поверили словам незнакомой им одноклассницы, которая внезапно ворвалась в кабинет и начала что-то вопить про кражу личности.

Я не смогла привести их в сознание, захваченное в плен этой странностью. Вокруг неё всё так же стояла стена людей и даже не пошатнулась.

Мне стало неловко.

И почему-то стыдно.

Хотя ясно почему: я просто поняла, что в очередной раз облажалась. И не в том смысле, что не смогла убедить одноклассников, а в том, что снова осталась за бортом, так и не став частью класса. А передо мной стояла «успешная версия меня» и оценивающе глядела в мою сторону, даже не моргая, — я почувствовала себя жалкой.

«Э-эх! Как же так вышло, что преуспела она? Не мне ли тогда не место в мире живых? Я сама как простая бумажка: во мне нет ничего интересного, а глубина моих взглядов и размышлений не больше толщины листа, — да я в первую очередь достойна клейма „самозванки“!» — думала я и не могла вырваться из плена этих мыслей.

Помню, Онооки-тян говорила, что бывали случаи, когда *сикигами* ополчались против призвавшего их *оммёдзи*, присваивали себе его личность и занимали его положение в обществе. Я не верила, что это возможно...

Но вот вам, пожалуйста, наглядный пример: вижу, им всем очень весело с такой Надэко, да и она сама вся светится от радости, так что пускай всё остаётся как есть... Ты стоишь в кругу близких людей, одариваешь их дружеской улыбкой, а они улыбаются тебе в ответ — что ещё нужно для счастья?..

Мне это потом может так аукнуться! Представив мрачное будущее и с сожалением вздохнув, я ринулась в самоубийственную атаку на Надэкокетку. С будущим потом разберусь: сейчас надо разобраться с настоящим.

Давненько я не ходила на физ-ру и не занималась спортом (да и в сандалиях бегать неудобно) — мой «рывок» вышел не очень стремительным, но я успела протиснуться между одноклассниками за миг до того, как они снова сомкнули ряды.

Надэкокетка не бросилась наутёк.

На ней были всё те же туфли-лодочки на каблуке — а в них тоже особо не побегаешь, — значит, меняться обувью с Тихонядэко она не стала, так же как и переобуваться в сменку у школьных шкафчиков, однако на месте осталась не поэтому.

Она замерла, но не от страха и не для того, чтобы подгадать момент и контратаковать, — просто стояла и не шевелилась; посмотрела с прищуром на то, как я замахнулась на неё листом из скетчбука, подняв его над головой словно питчер — мяч при броске, и губы *сикигами* искривились в улыбке самопрезрения... Сэнгоку Надэко презрительно улыбнулась Сэнгоку Надэко и произнесла:

— Ой, ну что ты всё как бешеная фанатично гоняешься за своей позорной мечтой — постыдилась бы!

— *И не подумаю!*

Примечания

1. *Го-синтай* — предметы, почитаемые в синтоизме как вместилище духа *ками*. Это могут быть зеркала, свитки, какие-то церемониальные вещи, даже природные объекты: горы, водопады.

Я поспешила выскочить из кабинета, пока одноклассники не успели прийти в себя. В коридоре, где по-прежнему стоял звон пожарной тревоги, поднялась суматоха, люди в панике кинулись врассыпную — вся школа стояла на ушах, а я не понимала: куда деваться? куда уносить ноги? — как вдруг увидела Оги-сана, — тот лихо катил ко мне на ВМХе.

Нажав на тревожную кнопку, он сразу кинулся на стоянку за велосипедом? Как быстро племянник специалиста крутит шариками в голове... И педали тоже.

Так вот, я на бегу вскочила на пеги заднего колеса и ухватилась за Оги-сана. Мы спокойно съехали с лестницы прямо на велосипеде: ВМХ просто создан для подобных трюков (хотя делать их вдвоём, конечно, небезопасно), так что удирали на скорости.

В ушах звенела пожарная тревога, все вокруг спасались бегством, и старшеклассник, посадивший к себе на велосипед второго человека и свободно лавирующий в потоке людей, никого не стеснясь, лишь добавлял неразберихи.

Лишь усиливал всеобщую панику, а это явно было некстати!

Если не повезёт, о нашей выходке напишут в газетах!

В разделе о внутренней политике государства!

Или даже поместят на передовицу, снабдив статью мнениями разных экспертов!

И виновата в этом будет не Надэко-сикигами — всё по милости Оги-сана... Хотя я бы ни за что не смогла вернуть сикигами на бумагу, не помоги он мне, поэтому не в моём положении жаловаться, но всё же я многое хотела ему высказать.

Кроме разве что благодарности?

А Оги-сан тем временем и в ус не дул.

В ус не дул, но насвистывал какую-то мелодию.

Напоследок, когда мы уже выехали на улицу, он сделал круг почёта по беговой дорожке вокруг футбольного поля, что было вовсе не обязательно, и зачем-то продемонстрировал пару-тройку трюков на ВМХе, после чего только втопил по педалям, и мы наконец — хвала богам! — покинули государственную среднюю школу № 701. Как же так получилось, что я отправилась в погоню за беглянкой, а теперь сама нахожусь в бегах? Да уж, путь в школу мне теперь, наверно, заказан.

А может, сегодня я вообще побывала там в последний раз в жизни?

— Ой, что это с тобой, Сэнгоку-тян? — на миг обернувшись ко мне и бегло окинув взглядом, поинтересовался Оги-сан. — Да на тебе лица нет! Устала, что ли? Ты чего? Всё закончилось хорошо! Мы вон и одну сикигами поймали, и из школы как удачно смылись. Хах-ха-а! Случилось что-то нехорошее? — спросил он на манер своего дяди, Осино Меме.

Только вывернул вопрос наизнанку.

С моего лица, видно, сошла краска, но расстроилась я не из-за одного Оги-сана и его выходки в школе. Я возвращалась оттуда в растерзанных чувствах по большей части потому, что в классе, стоя перед лицом Надэкокетки, ощутила всю свою ущербность.

Даже думала, *это мне* не место в мире живых, а не ей... Но сейчас, на трезвую голову, кажется, что я тоже, как и одноклассники, попала тогда под чары *сикигами*, которая и внушила своему — на минуточку! — создателю все те мысли и чувства. Наверно, так всё и было.

Хочется верить.

Нет, я должна в это верить!

Боюсь представить, что такие тёмные и вздорные мысли на самом деле родились в моей голове, а не пришли извне... Боюсь, но нет сил отрицать очевидное.

Я не видела себе места в мире живых, хотела умереть и теперь снова не нахожу себе места от этих мыслей!

«Ну что ты гоняешься за своей позорной мечтой — постыдилась бы!»

Оги-сан — а ему со стороны должно быть виднее — заявил, что я, настоящая Сэнгоку Надэко, блистаю, как звезда, но по последним словам Надэкокетки так не скажешь; в тот миг я не пошла на поводу у неё, но не знаю, хватит ли мне сил поступить так же и со следующей *сикигами*? Опять придётся где-то набираться храбрости? Задумавшись, я развернула согнутый пополам листок бумаги, который всё это время не выпускала из левой руки.

На нём была нарисована Надэкокетка в школьной форме.

Трёхмерная Сэнгоку Надэко, запечатанная в двумерном пространстве.

Я... изгнала её дух?

К слову, форма, кажется, выглядела совсем по-другому, когда я рисовала её на Тихонядэко, — очень странно... «Ох!» — вырвалось у меня против воли.

Понимаю, что должна исправить то, что натворила сама, но что-то уж больно тяжёлая ноша. Благодаря Оги-сану я с горем пополам поймала одну Надэко, но где-то бродят ещё трое, — не лучше ли оставить их всех на Ононоки-тян? А я вернусь домой, в свою комнату... Вернусь в комнату и продолжу заниматься своим безнадёжным делом...

Но как оставить всё на Ононоки-тян, если с ней невозможно связаться? Может, у неё и есть мобильник — она же всё-таки «деловой человек», — но у меня его нет.

Да и зачем он нужен хикикомори — бесполезный девайс.

Однако всё равно хотелось как-нибудь сообщить Ононоки-тян, что одну *сикигами* я уже поймала и что ей теперь будет меньше работы... Ой!

Вдруг я услышала, как зазвонил телефон.

Точнее, не зазвонил, а завибрировал.

Естественно, не у меня, а у Оги-сана... «Пардон», — извинился Оги-сан, достал из кармана брюк смартфон и начал быстро водить пальцем по экрану.

Он так умело обращался с ним: сразу видно — старшеклассник!

— Здравствуйте, Камбару-сэмпай... — ответил Оги-сан на звонок. — Да, у меня тут кое-какие дела, так что сегодня не пошёл. Не волнуйтесь: я прогуливаю не потому, что подыскиваю вам подарок на день рождения... Что? Беспорядки в средней школе № 701? А я тут при чём? Ой-ой, как вы могли на меня подумать! Я и о школе-то такой не слышал, пока вы мне сейчас не рассказали! — врал он с невинным видом.

И всё-таки как же быстро до Камбару-сан дошла новость о панике, которую мы с ним подняли. Хотя это было неизбежно: я думаю, многие разглядели на одном из хулиганов форму старшей школы Наоэцу, где как раз и учится Камбару-сан, и уже растрезвонили об этом тамошним знакомым.

Удивительно, сколько связей образуется у популярных и уважаемых людей. Особенно когда они переходят в выпускной класс старшей школы — даже не представляю, куда может доходить их слава.

— Да обознались там, обознались! — выкручивался Оги-сан. — Недаром же в одной пословице сказано: у каждого на свете есть по четыре двойника... Да что вы говорите! По три? А мне всегда казалось, что по четыре! — возразил он с широкой улыбкой¹.

На его лице застыло презрение; чувствовалось, что Оги-сан ни капли не уважал всеми горячо любимую и уважаемую сэмпай... В глубине души он, по-моему, и вовсе считал Камбару-сан круглой душой.

— Дайте я с ней поговорю, — обратилась я к Оги-сану, который продолжал извиваться ужом, уворачиваясь от докучливых расспросов Камбару-сан, и протянула вперёд руку.

— М-м? — посмотрел он на меня с удивлением; в его глазах читался немой вопрос: «Ты уверена?»

Мы с Камбару-сан давно не общались, столько всего успело произойти с последнего раза — словами не описать, — а она всё это время интересовалась мной, переживала. Хотя, может, её интерес был вызван не дружескими, а другими, более откровенными и грубыми чувствами...

В любом случае хотелось поблагодарить Камбару-сан за помощь: если бы она заранее не узнала, что я приписана к классу 3-5, я бы не добилась победы малой кровью (обошлось же малой кровью, правда?)... Поблагодарить...

И не только за сегодня, а за всё: она всегда беспокоилась обо мне.

Я буду вечно ей благодарна.

...Но с чего мне вдруг захотелось поговорить? Наверно, я заразилась общительностью от компанейской Надэкокетки, когда перекинулась с ней парой слов.

— Алло! Это я, Сэнгоку Надэко, — представилась я, поднеся смартфон (Оги-сан его всё-таки передал) к уху.

— О-о? Сэнгоку-тян?! Сколько лет, сколько зим! — раздался в трубке свежий голос Камбару-сан. Я слышала непринуждённый, звенящий радостью голос, и на контрасте с Надэкокеткой стало особенно ясно, что Камбару-сан на самом деле болеет душой за того, с кем говорит. Какая заботливая!

Волнуется за меня даже больше Оги-сана... Нет, не так: *в отличие от Оги-сана*, она вообще-то волнуется за меня!

— Как ты там? Не хвораешь? — продолжила Камбару-сан.

— Нет. Я жива — не умерла.

— Ну и слава богу. Главное — здорова.

— Извините, что не раз заставляла вас беспокоиться в прошлом. И сегодня тоже. Но не волнуйтесь: я не сижу без дела. Живу полной жизнью.

Я не стала увлекаться.

На подробности и отступления не было времени, так что просто закончила словами благодарности: «Спасибо вам огромное за всё!»

В последний раз мы с Камбару-сан общались в прошлом году, где-то в начале осени; за столько времени я успела заматереть и окрепнуть. И голос мой зазвучал по-другому, и манера речи стала отличаться, и говорю теперь о себе в первом лице — с тех пор я вся изменилась.

Я уже не та девочка, которой все вокруг умилялись, в том числе и сама Камбару-сан («Божечки, какая милашка!» — говорила она когда-то). Последние несколько месяцев изменили меня до неузнаваемости; думаю, Камбару-сан скорее признала бы меня в Надэкокетке, — приблизительно такой я и запомнилась ей.

Жизнь Сэнгоку Надэко хоть и не катилась под откос, но шла неровно, и это наложило на мой характер грустную печать.

А может, неровность характера и есть моя характерная черта?

— Не за что, не за что, — ответила Камбару-сан на мою благодарность. — Не знаю, с чего ты вдруг так переполошилась, но даже не думай за это благодарить! Я же от чистого сердца, а не

ради «спасибо», — сказала она понимающим голосом, не став допытываться... Человек широкой души! Такой, что даже не измерить!

Камбару-сан, кажется, тоже немало изменилась за эти полгода... но я всё равно узнала в ней ту самую Камбару Суругу.

Хотя вру: кое-что она всё-таки спросила.

Только не обо мне, а об Оги-сане.

— Скажи мне, Сэнгоку-тян, только честно: Оги-кун ничего там не натворил? Постой-ка, а что это вы с ним вместе разгуливаете? И ты ведь учишься в средней школе № 701... Так-так, чуется, Оги-кун решил поводить меня за нос...

— Я-а-а же не хожу в школу и сижу дома сычом — чего бы мне сегодня там делать? — в спешке, не подумав, соврала я человеку, которому должна быть вечно благодарна.

Молодец, ниже падать некуда!

Оги-сан тотчас глянул через плечо; я уловила знаменательный взгляд его улыбающихся глаз: он посмотрел на меня как на сообщника. Не хотелось выражаться грубо наподобие Анти-Надэко, но в тот момент я горела желанием начистить ему лыбящееся рыло.

Камбару-сан больше ничего не спросила то ли потому, что поверила в мою ложь, то ли потому, что поняла: сейчас не лучшее время... Ох, я у неё в долгу!

Как-то странно выходит, да?

Никогда бы не подумала, что смогу вот так просто, не собираясь подолгу с духом, взять и заговорить с Камбару-сан, — та, наверно, и вовсе не ожидала меня услышать; представляла, что мы никогда в жизни больше не поговорим.

Если опыт с *сикигами* помог мне совершить новые открытия в своём характере, значит, в нашей с Ононоки-тян попытке создать этих «ассистентов» хоть какой-то смысл да был.

Пользуясь случаем — читай, расположением своей собеседницы «на другом конце провода», — я решила попытать удачу:

— По... послушайте, Камбару-сан. Знаю, вопрос прозвучит странно, но меня, часом, нигде сегодня не видели?

Я хотела дать Ононоки-тян как можно больше зацепок при следующей встрече. Даже если сама Камбару-сан меня не видела, до неё могли дойти какие-нибудь слухи: достаточно вспомнить огромную агентурную сеть из её друзей и знакомых, с помощью которых она, не сходя с места, узнала о случае в средней школе № 701.

— Что? Ну, я не видела. Другие — не знаю: мне ничего такого не рассказывали.

— Д-да?... Ну и ладно, так даже лучше.

— А, погоди! — вдруг вставила Камбару-сан, будто что-то вспомнила. — У нас тут поговаривают, мол, в городе — причём, кто какую улицу называет — видели девушку, на вид лет пятнадцати, с длинной чёлкой на лбу, — сразу оговорюсь: я ни секунды не думала, что это можешь быть ты, Сэнгоку-тян, просто делюсь слухами, — бредёт, говорят, не зная куда, полуголая, в одних только блумерах...²

— Уа-а! — вскрикнула я от испуга.

Она что, дура совсем — эта Надэко?!

Примечания

1. Источник неизвестен, однако пословица «у каждого на свете есть по три двойника» ходит среди японцев давно. Число в ней используется образно, чтобы показать, мол, мир большой, так что не удивляйтесь, если вам встретятся похожие на вас люди; но это не значит, что их обязательно должно быть ровно три (хотя Оги говорил буквально, намекая на четырёх *сикигами* Надэко). Под «светом» в давние времена подразумевалась только Япония, но когда пословицу употребляют в наши дни, то имеют в виду уже весь мир

2. В Японии до 1990-х гг. — обязательный предмет женской спортивной формы в школах; очень короткие шорты, почти трусы, для занятий физкультурой.

Узнав, что далеко не один человек наблюдал, как Тихонядэко бродит в неприличном виде по улицам города: не просто в откровенной камисоли, в которой должна была остаться после обмена одеждой с Надэкокеткой, а почти нагишом — как она только умудрилась? — я поняла, что не могу оставить ловлю *сикигами* на одну Ононоки-тян.

Полуголая, в блумерсах...

Умереть — не встать!

Говорят, она разгуливает в позе «хенд-бра», — это когда груди прикрывают ладонями?

Слоняется по городу, прислонив ладони к грудям?

Даже не представляю, о чём ты думала, когда решилась на такое, но, пожалуйста, Тихонядэко, оденься! Не губи своё (моё) будущее!

Я ожидала, что Оги-сан надорвёт живот со смеху, когда услышит последние новости, однако он, на удивление, не посмеялся надо мной — даже затих, помрачнел.

Более того, как-то разом весь переменялся: я не могла не заметить печальную вялость его движений, до того очевидную, что угадать её причину не составило труда: всем своим существом Оги-сан как будто говорил: «Эх, где-то там полуголая Надэко, а я тут с этой торчу!»

Надо же быть таким эгоистом!

Ну извините: не знала, что вы бы предпочли её мне!

И всё же Оги-сан, как видно, не собирался бросать меня на произвол судьбы и планировал дальше помогать с поисками, раз при всём при том продолжал крутить педали. Значит, человек он всё-таки добрый и отзывчивый.

Вот только Тихонядэко, по словам очевидцев, отметилась в разных частях города (аж кровь стынет в жилах, как представляю!), так что нам логичнее всего разделиться.

Даже как-то радостно стало на душе от мысли отвязаться на время от Оги-сана, чтобы каждый работал сам по себе, но забываться нельзя: это вынужденная мера.

— О, слушай, Сэнгоку-тян! — прервал молчание он. — Мне пришла блестящая идея! Давай дам тебе свой блокнот — формат B5 подойдёт? — ты нарисуешь себя, скажем, сто раз и мы развернём масштабную поисковую операцию: отправимся всем этим большим отрядом искать Панталонадэко?

Он что, хочет в могилу меня свести?!

Причём ещё живую!

И что ещё за «Панталонадэко»?..

Да, та версия меня ходит в одних блумерсах, но это не значит, что ей сразу нужно выдать новое прозвище... Только сейчас, в свои пятнадцать лет, я поняла, как же дико выглядела, когда сама однажды предстала в таком виде...¹

Оги-сан предложил создать ещё *сикигами*, но я и без его намёков вижу, какая это глупость, и ни за что так не поступлю.

— Хм-м, а вдруг мы тоже ошибаемся насчёт той полуголой девушки? — предполагал он. — Возможно, это не твоя *сикигами*, а просто какая-то среднеклассница-экзгибиционистка, которой только дай обнажиться на публике.

— По-моему, кроме меня, больше нет ни одной среднеклассницы, которая в наши дни могла бы надеть блумеры².

Таких можно встретить только в манге.

Хотя своим персонажам я никогда не рисовала блумеры.

— Ладно, — заключил Оги-сан, затормозил, и мы слезли с велосипеда. — Возьми мой ВМХ, Сэнгоку-тян. Так будет посподручнее искать *сикигами*... А я тем временем *привлеку к поиску другие ноги*.

Я была благодарна ему за широкий жест, потому что на своих двоих ходила бы долго (у меня же ни скорости, ни выносливости)... Правда, на велосипеде я тоже не умею кататься, но это уж совсем какие-то мелкие жалобы.

Да, это всё мелочи: я рискую куда бóльшим, если не поймаю всех *сикигами*, — тут уже либо пан, либо пропал.

Но что Оги-сан имел в виду последними словами — «привлеку к поиску другие ноги»? Неужели он собрался втянуть в историю с *сикигами* свою сэмпай, Камбару-сан?.. Хотя, насколько я слышала, она бежит быстро, как лучшие атлеты мира.

Заострять внимание на этом я не стала (уж больно не терпелось смыться от Оги-сана подальше, — так мы и расстались: он пошёл в одну сторону, я поехала в другую), но кое-что меня всё же волновало: я знала, что делать при встрече с Надэко-*сикигами* — сжать её чистым листом из скетчбука, — но как с ней хотел справиться Оги-сан, если способ с листом доступен только мне?

Ну уж он-то, смекалистый, точно что-нибудь придумает.

Да-да, не *попыруется придумать*, а *реально придумает*.

Меня охватила благодарность к Оги-сану за его доброту, хотя чувствовалось: предложи он, мол, иди домой — дальше я сам, то я бы дважды не раздумывала и спихнула всё на него без зазрения совести.

А плохой человек не заслуживает такого хорошего отношения...

Гоня прочь неприятные мысли, я налегала на педали, чтобы попасть в одно из мест, где видели Панталонадэко — спасибо Камбару-сан за наводку, — то есть где видели Тихонядэко... Понимаю, что в моём положении жаловаться некрасиво и что Оги-сан заказывал этот велосипед под себя, но как же тяжело на нём ездить!

Говорят, на ВМХе ещё можно кататься задом наперёд, да?

Но мне такое не нужно ни у велосипеда, ни в жизни: я хочу двигаться только вперёд, а не катиться назад, в прошлое.

Задумавшись, я ещё жёстче налегла на педали, крутила что есть мочи и вскоре доехала до небольшого парка, — на велосипеде и вправду быстрее, чем бегом.

Как раз здесь и видели Тихонядэко.

На именной дощечке (?) у входа — надпись: «Парк 浪白». Непонятно, как правильно читать его название — Рохаку или Намисиро: иероглифы не подписаны фуриганой³.

Кроме того, я в этом парке впервые — откуда мне знать?

Память у меня, как известно, и так не очень-то хорошая, к тому же в ней, после жизни богом, остались некоторые пробелы, — не уверена, была я здесь раньше или нет, но одно по крайней мере могу сказать точно: места эти мне не знакомы. Я совсем не умею ориентироваться, значит, *сикигами* тоже, раз они мои творения; мы с Тихонядэко находимся в равных условиях, хотя не думаю, что это моё главное преимущество: всё-таки трудно проглядеть полуголую девушку в одних блумерах.

Можно предположить, что в основе поступка Надэкокетки — прийти в среднюю школу, где я числюсь ученицей, подружиться и разговориться со всеми одноклассниками — лежало глубокое и бессознательное желание её создателя сделать точно так же... но тогда как объяснить поступок другой *сикигами* — её заметили в незнакомом мне парке, да ещё расхаживающей в таком (неприличном) виде? Выходит, правило с потаёнными желаниями работает не всегда: мне ни разу не хотелось погулять голышом незнамо где.

Важно взять это на заметку.

Похоже, меня пора назвать Зевунадэко: я прозевала всё на свете.

Вот и сейчас, зайдя в парк и быстро obeжав его, нигде не заметила среднеклассницу в блумерах. Я видела молодые семьи — они размеренно прогуливались с младенцами в колясках, — несколько детей задорно играли в мячик, а одна девушка, немногим старше меня, сидела в уединении на скамейке и с упоением читала книгу — в парке, одним словом, царила идиллия, и появление извращенки-эксгибиционистки никак не потревожило широкую картину спокойствия, хотя я ожидала, что здесь разверзнется ад.

Хм-м...

Оги-сан направился в другое место, — интересно, какую картину застал он там? Раз уж я зря приехала в парк (и извращенка давно отсюда убежала), может, имеет смысл поспешить к Оги-сану?

Но, мне кажется, можно вечно ходить по пятам за Тихонядэко (бросаясь туда, где зеваки натыкались на неё) и так и не догнать: в отличие от Надэкокетки, прочно обосновавшейся в классе 3-5, она, похоже, никак не определится, где бы осесть, и мечется от одного к другому.

И не просто мечется — мчится: если объединить все сведения, получится, что Тихонядэко успела побывать в довольно удалённых друг от друга местах — значит, передвигается с большой скоростью... Как я уже убедилась на примере Надэкокетки, физическое состояние, умственная, духовная и моральная зрелость *сикигами* не обязательно отражают конкретные этапы моего развития, но нынешняя я, хикикомори, не чета Тихонядэко: она должна ходить быстрее меня.

А может, *сикигами* просто не устают от ходьбы и бега.

Других гениальных идей у меня нет... Не сказать, чтоб и я сама была каким-то гением.

Найти Тихонядэко будет непросто, поэтому у меня всего одно пожелание к беглянке — со стороны преследователя оно выглядит эгоистичным капризом, зато *сикигами* сулит только выгоду, — всего одно пожелание: пожалуйста, пусть она перестанет кружить по городу нагишом! Чем дольше Тихонядэко слоняется в таком виде, тем необратимее становятся последствия.

Девушка по имени Сэнгоку Надэко того и гляди больше никогда не сможет показаться на людях.

Пройти по оживлённым улицам.

Даже по укромным закоулкам.

Одна — почему-то разделась до трусов, другая — заставила прийти в школу и спровоцировала панику, — я и так уже долгие месяцы сижу дома сычом, а тут ещё больше причин скрыться от общества!

И прогулка голышом — главнейшая из них!

Спасает хотя бы то, что у Тихонядэко, единственной из четырёх созданных мной Надэко-*сикигами*, длинная чёлка скрывает лицо...

Странность может сохранить свою личность в тайне.

Надэконспиратор.

Тем не менее люди, которым она попалась на глаза, наверняка крайне возмутились её поступком... Нового переполоха по-любому не избежать.

Снова-здорово.

Хотя в школе переполох спровоцировал всё-таки Оги-сан, будем честны, но с *сикигами* это не снимает ответственности: почуяв свободу, они доставят ещё немало хлопот.

Если Тихонядэко загнала меня в тупик — а с ней, казалось, справиться будет проще всего, — я даже не представляю, что выкинут оставшиеся Анти-Надэко и Богинядэко.

Ох, зачем я вообще решила призвать *сикигами*?.. Но что толку плакаться — слезами горю не поможешь.

И вообще, если тщательно взвесить все плюсы и минусы, план стать мангакой, воспользовавшись навыками специалиста для создания *сикигами*, ничем не лучше пути поп-идола-мангаки, который предлагала Онооки-тян, правда?

Я мечтала дорасти до настоящего мангаки — и вот что получилось; пыталась создать *сикигами*, но они, сколько бы ни называла их своим зеркалом, так и не стали мной; и теперь кажется (хотя так думают большинство мечтающих о карьере мангаки), будто всё, чем бы я ни занималась, было впустую.

Мне уже даже чудится, что стоило рискнуть и встать на путь поп-идола-мангаки.

Наверно, всё это бред — про 10 000 часов, и тяжёлым трудом ничего не добиться... Эй, чего это я раскисла — нашла время!

Вешать нос как раз в характере Тихонядэко, а я сейчас не она, а Ныненадэко!

Надо не думу думать, а действовать!

Камбару-сан перечислила много мест, где видели Тихонядэко, — пора навестить следующее!

Взяв волю в кулак, я вернулась к велосипеду и только села на него, как вдруг за спиной послышался прерывистый голос:

— Слава богу!.. Надэко-тян!.. Ты нашла одежду!

Я оглянулась и увидела ту самую девушку, которую чуть раньше заметила в парке на скамейке за книгой; у неё была интересная причёска: каре со слоистым оформлением и «рванными» прядями. Девушка согнулась, стараясь отдышаться, — видно, что есть сил бежала ко мне в надежде догнать... Погодите-ка, откуда она знает моё имя?

Примечания

1. Надэко имеет в виду эпизод из *Bakemonogatari*, когда она разделась догола, оставшись в одних блумерсах, перед Суругой и Коёми в его комнате.

2. Современный вид спортивных трусов школьные блумерсы (до этого они выглядели как мешковатые длинные панталоны) начали приобретать после Олимпиады-64 в Токио как символ женской спортивной одежды. Новые блумерсы стали вводить в начальных, средних и старших школах начиная с 70-х. Стоит отметить, что далеко не всем понравились эти изменения: многие девушки чувствовали себя некомфортно в коротких откровенных шортах.

В 1987 году в одной старшей школе города Нагоя поднялся бунт: ученицы отказались переодеваться на физ-ру в блумерсы. Такая же волна протестов прокатилась и по другим школам, достигнув своего пика в 94-м. Связано это было с тем, что в конце 80-х появились так называемые *бурусэраионы* — секонд-хенд магазины, где продавали поношенное нижнее бельё и школьные формы девочек. Чтобы пополнить свой «ассортимент», извращенцы проникали в школы, взламывали шкафчики и крали блумерсы с формой. Участвовавшие случаи арестов таких людей и давление СМИ заставили правительство поднять вопрос об отмене блумерсов. В связи с этим, а также для упразднения гендерных различий, в 1994 году школьницам дали право одеваться на физ-ру в то, в чём им удобно. Блумерсы в итоге потеснились шортами до или чуть выше колена, тем не менее они остались предметом фетиша, их зачастую можно встретить в кино и литературе.

3. Фуригана — маленькие знаки японской слоговой азбуки, которыми подписывают иероглифы, чтобы показать их произношение. Она повсеместно используется в детской литературе, в остальных же текстах — только для редких иероглифов. Также фуриганой часто дублируются надписи на указателях и, когда у местности необычное название, на картах.

Той девушкой оказалась Ойкура Содати-сан.

Сестрёнка Содати.

«Ну ничего себе!» — подумала я и замерла от удивления.

Хотя до меня доходили слухи...

Кто же тогда со мной сплетничал? Цукихи-тян вроде бы?.. Она говорила, что сестрёнка Содати где-то в прошлом октябре (то есть примерно в то время, когда ко мне пристал Кутинава-сан) уехала из нашего города, а спустя несколько месяцев, в апреле, вернулась, после того как с блеском сдала вступительные экзамены в местный университет.

Так что рано или поздно (только не пока я сижу сиднем дома) мы с ней наверняка бы встретились на улице... но почему сегодня, сейчас?

Какое странное совпадение — встретить сестрёнку Содати именно в тот момент, когда я ищу своих *сикигами*!

Поверить не могу!

А вообще, я же в первую очередь пришла в парк как раз потому, что на этом ни с того ни с сего настоял Оги-сан: «Вот тебе мой совет, Сэнгоку-тян: искать Тихоняэко лучше всего в парке. И только там! У меня сильное и необъяснимое предчувствие! Хах-ха-а, возможно, тебя ожидает приятная встреча!» — разразился он под конец фразой, взятой будто бы со страниц гороскопа из какого-нибудь журнала... Но вот уж кого я не ожидала здесь увидеть, так это сестрёнку Содати, более того, она ещё и первая со мной заговорила!

Последний раз мы виделись лет десять назад?.. Так, я училась тогда во втором классе начальной школы, мне было где-то семь, значит, мы не общались примерно восемь лет?

Помню, когда приходила домой к Цукихи-тян (раньше я называла её «Рара-тян») поиграть — а мы в ту пору учились в одном классе, — то видела сестрёнку Содати, — она жила там какое-то время на попечении.

Точнее, не на попечении, а находилась у них под защитой.

Я была ещё маленькая и не понимала, в какой ужасной и сложной ситуации оказалась сестрёнка Содати, и только совсем недавно узнала, что же тогда произошло... Как помнится, она всегда забивалась в какой-нибудь угол, сидела молча и крепко обняв колени, — да, она, за то время, что провела в доме Арааги, кажется, едва ли с кем-то обменялась парой слов.

По-моему, нас даже не познакомили друг с другом как следует. Лишь в прошлом году я узнала полное имя девочки из моих давнишних воспоминаний — Ойкура Содати... Так что очень сильно удивилась, когда она вдруг подбежала и заговорила со мной при первой встрече за столько лет.

С возрастом в памяти обычно стираются воспоминания о мальчиках или девочках, тем более младше тебя возрастом, с которыми ты играла когда-то там в детстве... Да, обычно стираются.

Но даже если человек всё помнит, он никогда не рванёт что есть силы к знакомому из далёкого прошлого, едва завидев его вдалеке, и не будет кричать ему вслед. Разве что чуть раньше он уже видел этого знакомого разгуливающим нагишом в одних блумерах...

— Скажи, что случилось, Надэко-тян? Над тобой жестоко издеваются? Если да — не молчи: нельзя спускать такие выходки! Я знакома с одной очень достойной дамой; ей можно доверять: она знает, как тебе помочь. Хочешь, отведу? — сказала сестрёнка Содати, и в её словах, в её голосе отозвалась чистая, сердечная доброта и тревога.

Похоже, сестрёнка Содати сильно изменилась с тех пор, как жила в доме Арараги, где любила забиться в угол какой-нибудь комнаты, сидеть там, обнимая коленки, и глядеть на всех таким взглядом, будто каждому вокруг — а если судьба будет благосклонна, то и себе самой, — желала смерти.

Возможно, она уже и не та сестрёнка Содати, какой была год назад.

Ходили слухи, что в прошлом октябре она устроила большой скандал в старшей школе Наоэцу, но вот смотрю я, с какой неподдельной теплотой сестрёнка Содати относится ко мне, и не могу поверить, что это один и тот же человек, о котором распускают такие гадкие сплетни.

Заметив, что я в полном замешательстве и растерянно хлопаю на неё глазами, она помогла мне слезть с велосипеда, взяла под руку, отвела к скамейке и усадила на неё — в каждом действии сестрёнки Содати я ощущала дружескую поддержку.

Хм-м...

А ведь она тоже — и долго — отказывалась ходить в школу, когда училась в Наоэцу... Причём по времени сидела дома гораздо дольше, чем посещала занятия. Может быть, сестрёнка Содати, увидев меня в учебный день бегущей по парку в свитшоте, трениках и сандалиях, вспомнила о своём несчастье и прониклась ко мне сочувствием?

Она бы подошла из беспокойства, даже если бы просто заметила меня в этих ужасных тряпках, а раз уж до этого видела в блумерах — оставить никак не могла... Та «очень достойная дама», как выразилась сестрёнка Содати, наверно, чиновница из муниципального совета, которая занималась её переездом в другой город?

— Се... сестрёнка Содати! — произнесла я наконец. — А *ты* что здесь делаешь?..

Я мысленно благодарила её за заботу, мне было приятно, но поделиться с ней ничем не могла: ситуация, как ни крути, очень щекотливая.

Нужно держать рот на замке.

Потому что сестрёнка Содати, в отличие от Оги-сана, племянника специалиста Осино Меме, ничего не знает о странностях. Она укрывалась в доме Арараги задолго до того, как в наш город прибыла легендарная вампирша.

И никак не связана с потусторонним миром.

— Ой, и... извините, я вас по старой привычке, как в детстве...

Нельзя так грубо разговаривать — что за панибратство?

Называть её сестрёнкой Содати про себя, в порыве ностальгии, ещё куда ни шло, но обращаться к ней так вслух — некрасиво.

Мы и в детстве-то не сказать, чтоб были близки... И вообще, что это я, как Тихонядко: это в её характере по-детски добавлять к именам всяких «братиков» и «сестрёнок».

Не хватало ещё, чтобы характер *сикигами* смешался с моим.

— Ничего страшного: я не против, — успокоила меня сестрёнка Содати. — Скажи-ка лучше... — замялась она на секунду, — что за странную вещицу ты нацепила?

«Странную вещицу»?

То есть блумерсы?

Не знаю, стоит ли вдаваться в подробности, что для многих людей, как, например, для Камбару-сан, это не просто трусы, а драгоценная реликвия древнего мира, с которой сдувают пылинки... Сестрёнка Содати простила мне панибратство, но я даже боюсь представить, какое впечатление может сложиться у неё, если рассказать о блумерсах на примере Камбару-сан.

— Спрашиваешь, что здесь делаю? — сестрёнка Содати аккуратно вернулась к вопросу, не став вытягивать из меня слова. — Да вот не хотелось идти на пары — я, скажем так, не смогла гармонично вписаться в коллектив, — решила прогулять, забрела в парк — и ушла с головой в книгу. Устроила себе, как говорится, выходной.

Вижу, она и в университет, как в школу, отказывается ходить.

Потому что «скажем так, не смогла гармонично вписаться в коллектив»? Здесь, по-моему, скрывается куда более глубокая причина.

Здорово, что ты думаешь о подруге детства — и я очень признательна за заботу, — но может, стоит подумать и о себе, сестрёнка Содати?

— Помню, часто бывала в этом парке, когда только поступила в старшую школу... — ушла в воспоминания она. — Сэндзёгахара-сан живёт здесь неподалёку... Ах, что это я — ты ведь её, наверное, и не знаешь.

Ещё как знаю.

Мы чуть не убили друг друга.

Я тогда была Богинядэко, превратилась в настоящее божество, но Сэндзёгахара-сан, в свою очередь будучи обычным человеком из плоти и крови, не побоялась потягаться со мной, — чудо-женщина — иначе не скажешь!

Её дом где-то рядом?

Что-то вдруг стало не по себе...

Погоди-ка, нет! Она же живёт в каком-то жилищном комплексе «Тамикура»... Не знаю точно, где это, но явно не в этом районе; помню только, что узнала её адрес, когда мы были не в ладах.

Сестрёнка Содати говорит, что когда только поступила в старшую школу, Сэндзёгахара-сан жила неподалёку?

Значит, переехала отсюда не раньше этого. Ну, она вроде до сих пор живёт в нашем городе, так что чем дольше буду искать разбежавшихся Сэнгоку Надэко, тем больше шанс нарваться на Сэндзёгахару-сан.

А что, если она увидит Панталонадэко? Худшего и представить нельзя!

Ужас!

Поэтому, чтобы избежать самого худшего, я обязана разобраться с *сикигами* как можно быстрее...

Однако сестрёнка Содати возгорелась таким участием ко мне, что улизнуть, чувствую, будет непросто: я не могу без причины встать и уйти восвояси после того, как она, взяв за руку, подружески усадила меня рядом с собой на скамейку.

Кроме того, она своими глазами видела Тихонядэко... Впервые я услышала об извращенке-эксгибиционистке от непосредственного очевидца событий: до этого у меня были лишь слухи, которые дошли до Камбару-сан.

Вот бы как-нибудь разузнать у сестрёнки Содати, как вела себя и куда направилась полуголая версия меня в блумерах (кстати, а Панталонадэко была в обуви или без? Просто меня спросили, что за *вещицу* я нацепила, — значит, намекали явно на одни блумеры. Хотя в обуви она, думаю, ещё сильнее напоминала бы извращенку), тогда бы я хоть немного, но поняла, где искать её и как действовать дальше.

Но я не могу втягивать сестрёнку Содати в дела странностей, даже если не вдаваться в подробности и ограничиться только историей о создании *сикигами*.

Допустим, я расскажу, но здравый смысл подсказывает, что она не поверит ни единому слову, к тому же, как уверял специалист Осино Меме-сан, «стоит лишь раз столкнуться со странностями — и они утянут вас за собой...»

Проще говоря, как только человеку пересказывают страшилку, он оказывается втянут в её пугающий мир (то же самое было с «заклинаниями»: они однажды стремительно разошлись по всей школе № 701, потому что сработало сарафанное радио), и если я сболтну что-нибудь лишнее — сестрёнку Содати, по моей вине, наверняка затянет в водоворот сверхъестественных событий, к которым она вообще не должна иметь никакого отношения.

Я не знаю другого человека, на чью долю выпало бы столько же горя и страданий — о них даже упомянуть страшно! — сколько на сестрёнку Содати... Вспомнишь бурное брожение её сложной жизни и обрадуешься: наконец-то ей, можно сказать, повезло: она поступила в университет (хоть и прогуливает).

Не хочу, чтобы у неё всё скатилось в тартарары...

Но проблема *сикигами* затронула лично меня — кому-то может показаться, что такая серьёзность и яйца выеденного не стоит, — но проблема затронула меня, и я не могу отнестись к ней иначе.

Нельзя просто выслушать сестрёнку Содати, намотать на ус и уйти, ничего не спросив: играть в благородство нет времени.

Я бы отступилась (и вступила с ней в оживлённый, но пустой разговор), если б была Надэкокеткой — просто та очень дорожит отношениями, — только вот Ныненадэко не такая и готова добиваться победы любой ценой!

В общем, на мне теперь висит следующий квест: вытянуть из сестрёнки Содати всё о Тихонядэко, не выдав ни единым словом, что происходит на самом деле... Адски хардкорная игра!

Стало ужасно стыдно от невозможности сгладить углы и как-то разъяснить подруге детства, с которой очень давно не виделась, то досадное недоразумение — полуголая среднеклассница слоняется по городу среди бела дня! — но я, со своей стальной выдержкой, снесу этот позор.

В голову стукнуло соврать, будто у меня есть сестра-близнец, но подруга детства, наверно, не купится на такую ложь.

Как же к ней подступиться?.. Всё-таки мы встретились впервые за последние восемь лет и, по сути дела, ещё никогда нормально не разговаривали... Вот после встречи с сестрёнкой Содати мне на самом деле кажется, будто это наше первое знакомство, в отличие от столкновения с Оги-саном.

Нетрудно представить, какое неловкое молчание водворится между нами, если я вдруг брякну что-нибудь не подумавши.

Даже языкастому человеку было бы тяжело разговаривать с сестрёнкой Содати, чтобы та сама захотела поделиться, куда пошла Тихонядэко, а с моими навыками общения, о «высоте» которых можно судить по реакции на требование родителей найти работу — я тогда тупо стояла, разинув рот, — это вообще за гранью реальности.

Чувствую, если спрошу что-то не то и сестрёнка Содати начнёт меня подозревать, я не смогу утаить от неё правду. Ну не умею я ничего скрывать, а всё потому, что не знаю, как общаться с людьми!

...Наверно, нет смысла перебирать по кругу одни и те же мысли.

Всё равно ничего дельного не надумаю: остаётся только отдаться потоку и молиться, что всё сложится и узнается как-то само собой. Провалюсь — не страшно: Ононоки-тян и Оги-сан продолжат искать *сикигами*.

Хотя если в намерениях Ононоки-тян я уверена, то Оги-сан несколько напрягает...

— А... Сестрёнка Сод... Извините: Ойкура-сан...

— Говорю же, ничего страшного, — поспешила она рассеять моё беспокойство, — можешь обращаться как в детстве. Я вон тоже к тебе по-дружески: Надэко-тян. И не волнуйся: я не буду за это просить называть меня Эйлером. Просто приятно вспомнить былое... Рада, что ты не забыла меня.

— ?

Что-то не поняла про Эйлера (м-м... Вроде был такой математик?).

«Рада, что ты не забыла меня»... Вряд ли сестрёнка Содати сказала это просто из любезности, чтобы не расстраивать и без того, как ей могло показаться, подорванную психику подруги из далёкого детства. Думаю, её слова шли от самого сердца.

Рада, что и ты не забыла меня.

А то обидно, когда о тебе забывают.

Согласна, мысль не нова, но я всё равно приятно удивилась.

Выходит, мы с сестрёнкой Содати думаем одинаково?

Все, кто знает, что случилось с ней в прошлом году, описывают её в своих сплетнях хрупкой, точно сверхтонкое стекло. Будто чуть дотронешься — и она тотчас разобьётся на тысячи осколков; тем не менее дерзнувший её тронуть и сам не уйдёт безнаказанным — порежется.

Но, по-моему, если судить только по нашей беседе, сестрёнка Содати — крепкий и закалённый, как сталь, человек.

Хотя «закалённый», наверно, не совсем правильное слово?

Она как рама автомобиля: от удара гнётся, но и сама ударит так, что кого угодно согнёт в дугу. Сестрёнка Содати олицетворяет явление, по своей уникальности превосходящее любое сверхъестественное, иначе бы не смогла пройти через все те трудности.

Сестрёнка Содати защищается тем, что причиняет боль самой себе.

У меня всегда складывалось о ней такое впечатление, и оно ни капли не изменилось даже после нашей неожиданной встречи тет-а-тет... Разве что сестрёнка Содати на самом деле оказалась намного добрее, чем я представляла по слухам.

Думаю, любой человек, увидев Панталонадэко или как-то узнав о ней, попридержит язык за зубами вместо того, чтобы острить или изливаться желчью в мой адрес. Даже Оги-сан на этот счёт промолчал.

Неловко пользоваться добротой сестрёнки Содати, но пора уже двигаться дальше, и она послужит для меня «мостиком».

— Ви... вижу, ты подстриглась, сестрёнка Содати.

Н-да, умею же я завести беседу: это надо было додуматься *о стрижке* заговорить! В последний раз мы виделись в начальных классах — понятно, что у неё сейчас другая причёска!

Более того, я сама себе вырыла яму этим вопросом.

— Да, подстриглась. Когда поступила в университет. Подумала изменить свой имидж... Правда, вышло неудачно, — откровенно призналась она. — Кстати, я тоже хотела бы спросить у тебя насчёт причёски, Надэко-тян. Здорово, что ты оделась и больше не разгуливаешь полуголой, но — извини, я просто только заметила — что стало с твоими волосами? — спросила сестрёнка Содати и словно припёрла меня к стенке.

Да.

У Ныненадэко стрижка как у мальчика — в глаза ничего не лезет, — поэтому я часто забываю, какие короткие у меня волосы (и понятное дело, почему забываю: я же специально укоротила их, чтобы они не мешали рисовать мангу)... Но у Тихонядэко, наоборот, длинная чёлка.

Сестрёнку Содати, судя по всему, так сильно потряс неприличный вид Панталонадэко, что когда моя старая знакомая, вскоре после шокирующей встречи, увидела меня в одежде, у неё отлегло от сердца и она не обратила внимание на волосы, а сейчас вдруг заметила, что я не только оделась, но и подстриглась.

— Кто тебя под тигра оболванил?.. — возмутилась сестрёнка Содати¹. — Послушай, нельзя молча сносить издевательства: ты должна бороться. Не прячь горькие слёзы в подушке каждый раз перед сном, — это самое последнее дело, уж поверь мне: я говорю по своему опыту.

Под тигра?

Ну, я сама себя стригла, вот и получилось немного неряшливо...

— В-сё хорошо, — вымолвила я (голос предательски дрожал). — Никто надо мной не издевается.

— Неужели? Значит, тебе просто нравится шляться по улице в полуголом виде?

— Д... да, нравится...

Чем больше говорю, тем больше возникает недоразумений, и покончить с ними не в моих силах: я не умею разговаривать с людьми!

— Ясно... Нравится, говоришь... Хм-хм... — сестрёнка Содати помолчала немного. — Ну что ж, у каждого свои увлечения.

Только мои больше не вписываются ни в какие рамки!

Я постоянно выставляю напоказ свои недостатки и ничего не могу с собой поделать... А теперь помимо недостатков ещё и тело?

Поначалу было очень совестно врать сестрёнке Содати, но чувство вины вскоре улетучилось, — вон на какие жертвы приходится идти, чтобы держать её как можно дальше от странностей.

Может, я до сих пор брежу идеей об «упорстве» и жду, что тяжёлый труд воздастся по заслугам? Надеюсь заслужить прощение тем, что пожертвовала слишком многим?..

— Ты как будто другая совсем, Надэко-тян. Поменялась... — прервала мои самоуничижительные мысли сестрёнка Содати.

«Поменялась»?

Не «помешалась», нет?

— Чувствую, тебе не хочется возвращаться к воспоминаниям о детстве, когда мы обе учились в начальных классах, — продолжала она, — но я помню, что раньше ты была... ну, сама понимаешь, *не такой*.

Сестрёнка Содати не стала договаривать. Сжалилась надо мной.

Но я поняла, что она имела в виду.

Её намёк был кристально ясен.

— Не знаю, что тебя так изменило; может, возраст? — гадала она. — Ты стала старше, появилось желание раскрепоститься...

Я раскрепостилась? В том смысле, что избавилась от угнетающей чёлки и открыла лицо? Или что разделась до блумерсов? Или в каком-то другом смысле? Что сестрёнка Содати хотела этим сказать?

В одном она права: я и правда изменилась. После того как стала богом.

Интересно, где сейчас Богинядэко?

— А я, по сравнению с тобой, считай, так и не выросла над собой, — тем временем раскаивалась сестрёнка Содати. — Не смогла себя перекроить. Поступила в университет, изменила причёску, переехала и живу одна, а что толку — осталась прежней. И где я теперь? Сажу в парке и запоем читаю книгу, ностальгируя по давно ушедшему прошлому! Всё блуждаю, хожу кругами, возвращаюсь на исходную и по новой: трачу силы, а кажется, будто ничего в жизни не сделала.

Сестрёнка Содати говорила о себе с оттенком самоуничижения и иронии, но, сдаётся мне, нарочно принижалась, чтобы я чувствовала себя не такой жалкой... Она, возможно, никак не избавится от мысли, будто надо мной кто-то издевается.

И всё же, я — простая среднеклассница, а она — студентка, старше меня на четыре года: у неё больше жизненного опыта, поэтому я впитывала её слова — не всегда, может быть, ясные, но важные. И её признание в том, что она «осталась прежней», — при всей разнице между нами, — отозвалось во мне глубоко и оставило след.

Не упрекайте: сама всё знаю...

Время поджимает и гонит вперёд — некогда болтать по душам с сестрёнкой Содати о насущном.

Несмотря на два года добровольного затворничества, она сумела вновь приспособиться к жизни в обществе, но я, такая же прогульщица, какой она была когда-то, вынуждена допытываться не о том, как ей это удалось...

А о том, где искать Тихонядко... Жаль только, не знаю, с чего начать, но думаю, что вообще неплохо было бы сперва подготовить почву для дальнейших расспросов лёгким разговором на общие темы.

Хотя с порога я затронула совсем не лёгкий предмет:

— З-знаешь, сестрёнка Содати... А я, это, в школу... не хожу совсем.

— Гм, — промычала она и нахмурилась.

Её лицо... Её лицо приняло суровое выражение...

Оно внушало ужас!

Если сестрёнка Содати *так* выражает обеспокоенность, люди, наверно, часто понимают её эмоции неправильно.

— Но не потому, что надо мной там издеваются, — поспешила я уточнить, — а просто в нашем классе... ну-у... случилась одна неприятность... и я потом учудила кое-что, и мне теперь стыдно показаться в школе...

Подробности опустим. Всё же там замешана странность.

Собственно, сегодня, несмотря на стыд, я таки побывала в школе и снова кое-что там учудила, но об этом тоже лучше помалкивать. Не хочу, чтобы обо мне думали, будто я извращенка, и ещё не хватало предстать в образе какой-то хулиганки!

— Ясно. Тебе рассказывали, да? Поэтому хочешь поговорить о прогулах? Что ж, слухи не врут. Всё так и было, — призналась сестрёнка Содати, попутно обнаружив отличную интуицию и даже не докапываясь до истины, сокрытой за моим нежеланием ходить в школу.

Я думала, ей не понравится такое отношение, без должной учтивости, но... сестрёнка Содати, наверно, просто от природы добра ко всем, кто младше неё?

— Не переживай, Надэко-тян: оно того не стоит. Нас сегодня свела судьба — не иначе, так что буду откровенна. Тебе стыдно показаться в школе — ну и что? Жизнь на этом не заканчивается! — решительно заключила она.

«Какие сильные слова!» — подумала я, но тут до уха донёсся едва различимый шёпот:

— Да... Никак не заканчивается... Чёртова жизнь всё идёт дальше... И сколько ещё она так будет идти?.. — тихо бормотала сестрёнка Содати себе под нос.

Эй, я же всё слышу!

Нет, это не доброта: моей старой знакомой, похоже, просто нравится рисоваться перед младшими... Не буду лишать её удовольствия — притворюсь, что ничего не заметила, только придётся постараться, чтобы не выдать себя ни речью, ни движением.

Поучусь на примере Надэкокетки.

— Я так полагаю, родители на тебя взъелись? — продолжила, как ни в чём не бывало, сестрёнка Содати. — Хотя у твоих, припоминаю, слишком уж мягкий и добродушный характер, чтобы ругаться...

Ну ничего себе! Какие подробности она помнит!

Жаль только, что отец с матерью запомнились ей с этой стороны.

Что надо было ляпнуть, чтобы о них осталось такое впечатление?.. Кстати, Кайки-сан отзывался о моих родителях теми же словами.

Если мошенник видит тебя любезным простачком, считай, ты обречён.

— Ну да, взъелись... — подтвердила я. — Сказали, мол, не хочешь учиться в старшей школе — иди работать... Начинай искать вакансии и всё такое. Но куда я пойду? Остаётся надеяться, что они наговорили всякого, просто чтобы пристыдить... Не знаю, как жить дальше...

А ещё я призвала четырёх *сикигами*.

Но об этом, конечно, умолчу.

Как и о том, что собираюсь стать мангакой... Я скрываю не потому, что мне стыдно, — просто зачем трезвонить об этом на каждом углу?

Да и сестрёнка Содати не похожа на любителя манги.

Ещё боюсь, что если во всеуслышание заявлю ей, мол, это моя мечта и я стремлюсь к ней всеми силами, а потом оробею и загоню себя в угол, то на этом успокоюсь и даже не стану пытаться как-то исправить ситуацию.

Это так же ужасно, как вкалывать, не надеясь на результат, и довольствоваться таким положением.

Хорошо, что я держала язык за зубами: сестрёнка Содати наконец убедилась:

— Ну, теперь-то точно всё ясно. Ты не знаешь, как жить дальше, на этой почве у тебя началась истерика, отсюда эти хождения голышом и выдёргивание волос на голове...

Ай, это же больно!

Я не выдёргивала волосы, ты что!

Подстригла их ножницами! Правда, не парикмахерскими...

— Не повторяй моих ошибок, Надэко-тян, — предупредила сестрёнка Содати. — Хорошенько подумай, прежде чем принимать близко к сердцу резкие слова. В средней школе я, в общем-то, тоже с большим вниманием относилась ко всему, что и кто бы мне ни высказывал... Будь то мелкие сплетни или дебильные шутки — ничего не пропускала мимо ушей... Признаться, я до сих пор не избавилась от этой привычки, но в одном уверена точно: нельзя принимать всерьёз всё, что тебе говорят.

— ...Значит, они это несерьёзно — про работу?

— И не только про неё. Вряд ли родители пытались пристыдить тебя, наговорив всякого... Может, так они наказывали самих себя? Для чего ещё ругать любимую дочь, которую лишь бы приласкать да побаловать?

Какой свежий взгляд!

Родители поняли, что упустили свою единственную дочь, она выросла ни на что не годной, вот и отругали свою любимицу, чтобы наказать себя за просчёт в воспитании... Я даже не рассматривала такой вариант, но из уст сестрёнки Содати он звучит вполне правдоподобно.

Не верю, что они накинулись, чтобы просто выпустить на мне пар: здесь что-то ещё.

— Если отец с матерью считают тебя не отдельным человеком, а своей частичкой, — продолжала сестрёнка Содати, — то поступают так зря и только портят жизнь гиперопекой... А, извини, — не тотчас одумалась она. — Неприятно слушать, когда кто-то чужой ругает твоих родителей, да?

— Э-э, ну...

Я не нашлась, что ответить.

Сестрёнка Содати высказала вместо меня всё, что я сама хотела, и — да, каюсь, на душе стало гораздо легче. Взглянув на конфликт под другим углом, она помогла лучше понять чувства родных.

Она отнеслась с большим вниманием и пониманием к моей проблеме, значит, должна, вообще-то, отлично разбираться во всевозможных тонкостях человеческой натуры, а также уметь строить прочные связи, — даже не верится, что в прошлом она была хикикомори.

Ну разве можно теперь, в свете тёплого и дружеского отношения ко мне, вести себя с сестрёнкой Содати, пытаясь подражать пустой манере общения Надэкокетки?

— Ты, наверно, учишься на факультете психологии? — предположила я.

— Нет, — возразила сестрёнка Содати, — на механико-математическом.

А что, есть такой факультет?

Чего только не бывает на свете!

Математика в любом случае бесконечно далека от меня: в отличие от Ононоки-тян, я бы даже 10 000 часов не смогла разделить правильно.

— Я много ошибалась, как и ты, Надэко-тян, но пускай ошибки прошлого не умаляют ценность и значимость моего совета: поверь, родителей заботят куда более серьёзные дела, чем просто спустить на тебя собак... Может, у них день с утра не задался, вот и погорячились, а даже если сказали на полном серьёзе — завтра им ничто не мешает передумать. Вдруг родители уже сейчас втайне раскаиваются за то, что наговорили?.. Они хоть и велели тебе идти работать, но на самом деле, возможно, надеялись, что ты выберешь старшую школу? Не смогли сказать о своём желании напрямую и пошли от обратного, чтобы ты сама решила: лучше учиться, чем работать. Не воспринимай всё сказанное буквально: всегда задумывайся, каковы мотивы собеседника, потому что если будешь послушно исполнять всё, что тебе говорят, то другим это может, наоборот, не понравиться. Ты захочешь сделать ровно то, чего от тебя требуют на словах, а другие решат, что ничто не идёт по их задумке. Очень грустно, когда люди не понимают друг друга...

Сестрёнка Содати дала ценный совет — её ошибки нисколько его не умаляют, — и я была рада ему, но ещё больше тому, что она, несмотря на разницу между нами (всё-таки она студентка), отнеслась к моей проблеме как к собственной, а не как к глупым переживаниям, какими обычно страдают дети и какие даже не заслуживают серьёзного внимания.

Да, сестрёнка Содати пролила свет на некоторые моменты, и я приняла совет к сведению, но слепо следовать ему не буду: надо сначала всё хорошо взвесить. Раньше казалось, будто сестрёнка Содати добра ко всем, кто младше неё, вот я и получила свою порцию теплоты... но теперь понимаю: она обращалась со мной по-доброму потому, что я, наверно, напомнила ей, какой она сама была когда-то и с какой строгостью относилась к себе.

Тогда я просто обязана принять её доброту. В том числе и ради самой сестрёнки Содати.

— Не переживай, Надэко-тян, — успокаивала она. — Сейчас тебе страшно, что ты не знаешь, кем вырастешь, но не волнуйся: всё равно скоро повзрослеешь, а с возрастом придёт понимание и определённость, только дай себе время.

«Так что и не думай вешать нос!» — договорила сестрёнка Содати, непринуждённо потянувшись ко мне и утешила, ласково погладив по голове. Впервые в жизни мне было приятно, когда кто-то другой трогал мои волосы.

Примечания

1. Японцы называют неаккуратную плохую стрижку тигриной. Это никак не связано с полосатым окрасом животного: просто мех у тигра неровный и клочковатый.

В итоге вытянуть из сестрёнки Содати, куда делась Тихонядэко, так и не вышло. Ещё по ходу разговора стало ясно, что я ничего не добьюсь, вернее, что даже пытаться не стоило.

Сейчас объясню почему: я не умею заводить беседы, разговаривать собеседника мне не по плечу, поэтому всю нужную информацию могла собирать только по обрывкам фраз и так узнала, что когда сестрёнка Содати увидела, как я плелась в позе «хенд-бра», она окликнула меня (смелый шаг!), после чего я, испугавшись, рванула прочь со всех ног, только пятки сверкали.

Тихонядэко, умоляю, не носись сломя голову в таком виде!

Надеюсь, ты хоть не отрывала руки от груди?

Помню, как однажды стояла перед воротами старшей школы Наоэцу и вдруг услышала голос Ханэкавы-сан, — тогда я тоже не придумала ничего лучше, кроме как рвануть прочь со всех ног. Однако следовать по пятам за *сикигами* всё равно не было смысла, даже если бы я попросила сестрёнку Содати вспомнить, в какую сторону та побежала.

Потому что Тихонядэко просто удрала от сестрёнки Содати без оглядки, а не смылась куда-то целенаправленно, как это сделала Надэкокетка, сбежав в среднюю школу № 701.

Она рванула в ту сторону, в какую только могла, причём неосознанно, даже не выбирала направление.

Её действия вообще не подчиняются хоть какой-то логике, закономерности.

Может быть, Тихонядэко повела бы себя по-другому, если б узнала, что её окликнула сестрёнка Содати... Хотя нет, она бы всё равно дала дёру.

Та робкая девочка, какой я была раньше, считала: «Если кто-то обращается к тебе — беги со всех ног» — и всегда вела себя подобающе.

Человек, удравший с испугу даже от Ханэкавы-сан — а в ту пору она была ещё и непорочна как ангел, — удерёт от кого угодно.

Вот было бы здорово, если б сестрёнка Содати села на хвост Панталонадэко, пока та слонялась по парку, и следила за ней с безопасного расстояния, чтобы узнать, куда она направляется, но это я уже что-то раскатала губу.

Надо поблагодарить сестрёнку Содати уже за то, что она осталась сидеть в парке за книгой, ожидая, а вдруг сбежавшая Тихонядэко вернётся (и в понимании сестрёнки Содати так и произошло. Она знала наперёд, будто в книжке вычитала)?

«Вообще, я собиралась прогулять сегодня весь день, но разговор с тобой, Надэко-тян, придал мне немного сил, — призналась сестрёнка Содати, — так что после полудня, пожалуй, пойду на оставшиеся пары».

Не помню, чтобы старалась чем-то мотивировать её, но рада, что хоть как-то смогла подбодрить. Выходит, моё неумение разговаривать с людьми кое на что да сгодилось!

Напоследок, перед тем как попрощаться и разойтись, сестрёнка Содати дала мне свой номер и последнее наставление: «Если возникнут какие-то проблемы — звони в любое время, помогу. Серьёзно, не замалчивай и не терпи сквозь слёзы. Положись на меня, и я покажу им, где раки зимуют!»

Зачем она так сказала? Напугала только...

Похоже, сестрёнка Содати всё никак не может избавиться от подозрений, будто меня кто-то обижает, — ну и ладно, переубеждать не буду.

Моё неумение разговаривать с людьми, как я уже упоминала, кое на что да сгодилось: пришлось нелегко, но все моральные страдания окупились и принесли плоды, причём не только для сестрёнки Содати, но и для меня самой: помимо совета я получила неочевидную, на первый взгляд, подсказку.

Мы с Ойкурой-сан не виделись целых восемь лет и для первой встречи спустя столько времени обсуждали довольно личные проблемы, но всё же *об одном* говорить не решались, как будто условились заранее.

Иногда мы забывались и едва не затрагивали «запретную тему», блуждая вокруг да около; казалось, ещё чуть-чуть посидим, поболтаем — и неизбежно коснёмся, но сестрёнка Содати вовремя прервала беседу: засобиралась на пары: время уже поджимало... В разговоре, словно по какому-то негласному соглашению, мы не касались нашего общего знакомого.

Время от времени всплывали имена Карэн-сан и Цукихи-тян, но имя старшего сына Арараги — ни разу... Да.

Словно мы сторонились его...

Словно оно раздражает слух...

Мы избегали называть его имя...

По-всякому изворачиваясь, лишь бы не упоминать...

Камбару-сан говорила, что свидетели «кто какую улицу называет» и что Тихонядэко «бредёт, не зная куда»... Я вижу лишь два объяснения её гуляниям: либо у неё вообще нет никакой цели или плана и поэтому *сикигами* просто слоняется (полуголая) то там, то сям, либо она стесняется прийти туда, где ей хотелось бы спрятаться, и поэтому вынуждена слоняться (полуголой) по другим местам, избегая «пункта назначения».

В таком случае что, если не гоняться за *сикигами*, обследуя одно за другим места из показаний свидетелей, а поочерёдно соединить точки на карте города, где зеваки натыкались на Тихонядэко, и (математически) отыскать центр получившейся фигуры?

Может быть, в той координате окажется дом Арараги?

Честно говоря, я думала, что больше никогда не вернусь в этот дом.

О школе я тоже так думала, но к ней хотя бы была прикреплена, пусть и не ходила, и если бы не сегодняшний форс-мажор, то меня всё равно рано или поздно могли бы вызвать туда, чтобы уладить какие-то формальности или ещё что, и там уже хочешь не хочешь, а идти бы пришлось... Но дом Арааги (да, там живут мои подруги, и да, от моего до их дома рукой подать) я бы в жизни не навестила, если бы не вероятность появления там *сикигами*.

Цукихи-тян, которая, наверно, считает, что заскочить ко мне в день вывоза мусора на обратном пути от контейнеров — очень достойный знак внимания, — Цукихи-тян ещё проводит меня, если ничем не занята, но к себе, с тех пор как я стала хикикомори, больше не зовёт.

По-моему, я даже сегодня, когда погналась за четырьмя Сэнгоку Надэко, неосознанно старалась держаться подальше от дома Арааги, выбирая дороги в обход. А значит, есть все основания предполагать, что Тихонядэко может описывать такие же круги.

Более того, мне кажется, беглянка точно так же может найти вполне логичным вариант спрятаться там, куда преследователю, то есть мне, будет трудно прийти. Поэтому я представила: а что, если опередить её и прибыть к дому Арааги раньше, чтобы залечь там в засаде? — так шансы поймать Тихонядэко увеличатся.

Не скажу, что это чертовски хитрый план, но голову всё равно пришлось поломать.

Хотя на самом деле я просто хотела придать своему внезапному решению хоть какую-то осмысленность, пусть и задним числом...

Погрузившись в раздумья, я села на велосипед Оги-сана и помчалась самой кратчайшей дорогой к дому Арааги; по пути разыгрался ветер, его порывы били в лицо — крутить педали стало труднее, но когда я всё же доехала, уверенность в собственных соображениях отошла на второй план и в душу вполз червь сомнения: «Хм-м. А получится ли?»

Я и так не сказать, чтобы блещу умом, но тут меня внезапно осенило, и я сразу ухватила за эту, как мне показалось, не самую плохую идею, однако если допустить, что *сикигами* действительно хочет прийти домой к Арааги, но никак не решается, то она никогда туда и не придёт, и опережать, получается, некого?

Мы же говорим о Тихонядэко, верно?

Как она себя поведёт?

Во мне бродило враждебное чувство: я ни за что больше не хотела приближаться к дому Арааги, а раз Тихонядэко — моя *сикигами*, то и она должна его разделять... Та же Надэкокетка зашла не ко второгодкам, а напрямую в класс 3-5, что только лишний раз подтверждает логику: всё завязано на том, *какая я сейчас*... Сестрёнка Содати утверждала, будто я раскрепостилась и уже не та робкая девочка с вечно поникшей головой, но нежелание

приходить сюда в любом случае очень сильно, и у Тихонядэко должно быть так же, какой бы она в итоге ни оказалась: робкой или раскрепощённой, — правильно думаю?

Но больше всего меня беспокоило не то, опоздала я или нет, а то, что Тихонядэко на самом деле могла сюда заявиться: я же пересилила себя и добралась до дома, хоть и с тяжёлым сердцем.

В то же время я никак не могла избавиться от сомнений: а не слишком ли поспешила?

Всё-таки лучше сто раз подумать, прежде чем тащиться к дому Арараги.

Не хотелось бы потом горько сожалеть о своей ошибке.

Единственное, к чему можно было бы привязать приход Тихонядэко к Арараги, — это к тому, что однажды я уже сидела у них в доме в неприличном виде — до сих пор не верится! — как раз полуголой и в одних блумерсах. Кажется очень маловероятным, что *сикигами* придёт сюда только по этой причине, но в сложившейся ситуации приходится уповать на всё хоть сколько-нибудь невероятное.

Слезши с велосипеда — пока крутила педали, вымоталась чуть ли не до изнеможения, — я подняла глаза и взглянула на злополучный дом. Он ни капли не изменился с тех самых пор, как я приходила сюда в последний раз, что, в принципе, неудивительно.

Равно как и то, что его вид не пробудил во мне никаких ностальгических чувств.

Я не бывала здесь так же давно, как и — до сегодняшнего дня — в средней школе, зато там, бродя по коридорам, испытывала совсем другие ощущения: может быть, сравнение прозвучит странно, но я представляла себя на школьной экскурсии по старинному замку.

Наверно, можно сказать, что я ощущала себя оторванной от этих мест, не чувствовала никакой привязанности к ним, хотя и школа, и этот дом неизбежно вызывали в памяти события давно ушедших дней... Нет, по-моему, это та же ностальгия, только другими словами.

Или не ностальгия, а чёрная грусть.

Я отрекаться от событий прошлого в попытке защитить себя нынешнюю от этой раздирающей душу грусти.

И, к счастью, всё ещё держу себя в руках благодаря такому подходу, не давая волю эмоциям. Хорошо я поступаю или плохо — другой разговор, да и сейчас не время думать об этом.

Прежде всего нужно сесть в засаду. Устроить западню...

Для прошлой версии меня.

На их участке прятаться не буду: боюсь попасться на глаза кому-нибудь из семейства Арараги, так что надо подобрать вариант где-то поблизости... В будний день после полудня в

доме, по идее, быть ещё никого не должно: кто-то учится, кто-то работает, но с этой семейкой будь готова к любым неожиданностям.

Благо, я научена опытом. Горьким опытом.

Хотя как по мне, то пускай уж лучше им попадётся Ныненадэко, чем Панталонадэко... М-м?

Задумавшись, где лучше спрятаться, я остановилась в нерешительности перед их воротами и вдруг краем глаза заметила кое-что. Нечто странное.

Дверь. Входная дверь.

Даже с такого расстояния хорошо виднелось то, чего обычно не бывает около дверных ручек... Нет-нет-нет, успокойся!

Показалось, наверно!

Здравый смысл подсказывает, что такого просто не может быть! Надо подойти поближе и рассмотреть...

Я прислонила велосипед к створке ворот, отворила вторую и зашла на участок. В отличие школы, сюда я вторглась незаконно — это были частные владения, — однако, если зрение не обманывало, кто-то вторгся сюда ещё раньше меня.

Да.

Похоже, я опоздала со своей засадой... Входная дверь дома Арараги...

Была приоткрыта, а рядом с круглой ручкой зияла дыра размером где-то с запястье, — думаю, если постараться, через неё можно просунуть руку.

— ...

В кино, когда воры-домушники кого-то грабят, они проделывают дырки, например, в окнах, чтобы открыть серповидный замок на ставнях и залезть внутрь... но я впервые вижу, чтобы поворотную защёлку на толстенной деревянной входной двери открывали подобным способом¹.

Варварским, я бы даже сказала: дверь из толстого дерева была пробита, проломлена с такой яростью, что казалось, будто это какой-то дикий зверь прогрыз её клыками или процарапал когтями.

Прошлым летом Онооки-тян, при помощи *Unlimited Rulebook* («Безграничного свода правил»), снесла входную дверь дома Арараги с петель, просто вырвала её с корнем... И вот не прошло и года, как их дверь снова сломали, — да что же все ломаются-то в этот дом?

Здесь — на минуточку — живёт чета полицейских!

Я знаю об этом, прекрасно знаю (мы с Цукихи-тян общаемся давно, и она с детства хвасталась родителями), но у меня нет выбора: придётся вновь нарушить закон и без спроса зайти прямо в дом... Почему, хотите узнать?

Взглянув поближе на края дыры и оставленные вокруг неё отметины, я поняла, что её проделали не клыками или когтями, а чем-то вроде стамески...

Стамески.

Да-да, стамески.

Не успела я опередить Тихонядэко.

Никак не ожидала, что она так быстро соберётся с духом и придёт домой к Арараги. Уж казалось бы, кому, как не мне, быть смелее многих — я вон отважилась на авантюру с *сикигами*! — но на самом деле из нас двоих трусом оказалась только я?

Нерешительность — черта моего характера?

Конечно, есть вероятность, что это простое совпадение и в дом действительно залез вор, однако с трудом верится, что настоящий грабитель стал бы долбить дыру в двери стамеской, чтобы просунуть руку и повернуть защёлку, если только от большого ума (в сто раз быстрее было бы разбить окно и залезть в дом через него, чем дырявить дверь), так что, на мой взгляд, это всё-таки дело рук *сикигами*, — у кого ещё может быть так же туго с логикой и фантазией?

Что ж, медлить некогда.

И так вон до чего дотянула: моя *сикигами* (похожая на меня же как две капли воды), ворвавшись в чужой дом, встала на преступный путь! Вообще, она встала на него, ещё когда только начала слоняться по улицам полуголой, но это цветочки по сравнению с незаконным вторжением и порчей имущества, — вот что переходит все границы!

Не дай бог она зайдёт ещё дальше и покалечит кого-нибудь...

Тогда уже будет поздно загонять её на бумагу вслед за Надэкокеткой.

Вот как чувствовала, что никакая она не тихоня!

Молясь о том, чтобы никого из семьи Арараги в доме не оказалось, я тихо, стараясь не шуметь, отворила входную дверь, сейчас уже абсолютно бесполезную — она больше никого не защищала, а просто висела на петлях, — и зашла в прихожую.

Ах, чтоб тебя, Тихонядэко!

Сама преступница, так ещё и других за собой тянет!

Хотя, по сути дела, не мне её упрекать: среднеклассница Сэнгоку Надэко, если уж на то пошло, не в первый раз незаконно проникает в дом Арараги.

В прошлом октябре — нет, тогда уже вроде бы наступил ноябрь? — я так же, как и сегодня, осторожно, без шума и пыли, прокралась к ним домой, пока там никого не было. Думаю, Тихонядэко последовала моему примеру, правда, в тот раз я не ломала дверь стамеской.

И воздастся потомкам по делам отцов их².

Кажется, *сикигами* совершенно не понимают, что создатель не желает им зла... Ну, то же самое можно было сказать и обо мне настоящей: я сама не понимала, как сильно родители любят меня.

Но теперь, более-менее осознав правду их чувства, думала, что надо бы поговорить с отцом и матерью начистоту, как только закончится вся эта заваруха. Припомнив слова сестрёнки Содати, я поймала себя на мысли, что ушла куда-то в мир иллюзий, и так, воображая себе светлое будущее, начала подниматься по лестнице.

Медленно шагала вверх по ступенькам, кралась на цыпочках.

Я много раз бывала у Арараги, знаю здесь каждый уголок и после стольких лет должна уже по идее чувствовать себя уютно и комфортно в этих стенах, однако всё равно была не в своей тарелке, видимо, потому, что последний раз заходила сюда очень давно и меня смущал запах чужого дома, к которому за несколько минут не привыкнуть... Что ж, судя по всему, больше тут никого нет.

В прихожей я не заметила ни одной пары ботинок или туфель — хорошо, хоть здесь обошлось без неожиданностей, — значит, все жильцы сейчас на работе или учёбе... Можно считать, повезло.

Даже мне в редких случаях улыбается удача!

Обуви Тихонядэко я тоже не заметила, причём неизвестно, была ли она у неё вообще: свидетели описывали *сикигами* полуголой... Кстати, я свои сандалии сняла и зашла как положено, хотя взломщики, проникнув в чужой дом, обычно не следуют этикету и не разуваяются.

И, конечно, пробиралась аккуратно, стараясь не выдать себя предательским скрипом половиц, но вполне возможно, что осторожничать было уже поздно и Тихонядэко давно убралась отсюда. Застану я её или нет — это уже полностью зависело от причин, по которым Надэко-*сикигами* изначально пришла в дом Арараги.

Очутившись на втором этаже, я пошла по коридору... Этот дом знаком мне с детства. Вон комната Цукихи-тян и Карэн-сан. Не знаю, правда, делят ли они её до сих пор? Возможно, Карэн-сан, после перехода в старшую школу, получила отдельную комнату... Дойдя до конца коридора, я упёрлась в ещё одну дверь.

В дверь комнаты, в которой бывала много раз.

Комнаты, в которой я побывала и человеком, и богом.

И в которую мне больше не пристало заходить, — в ту самую комнату, где однажды я уже сидела полуголой и в блумерсах, — так что если Тихонядэко всё ещё в доме, то в первую очередь искать её надо здесь.

Стучаться... наверно, не стоит?

Лучше ворваться без предупреждения, застать Тихонядэко врасплох и запечатать её прежде, чем она успеет ответить. Если не поймаю её здесь, другого шанса может уже и не быть.

Достав из кармана свитшота листок бумаги для ловли *сикигами*, я перевела дыхание, пару раз неслышно, но глубоко вздохнув. На этот раз Оги-сан мне никак не поможет — придётся справляться самой. Всё, захожу!

Насчёт три: и раз, и два!..

Примечания

1. Обычно поворотные защёлки открывают согнутой в нескольких местах проволокой, которую засовывают в зазор между дверью и косяком, — такой способ не оставляет следов взлома.

2. Чисто буддийская мысль, которую высказал в одном из своих произведений японский писатель Кёкутэй Бакин (1767—1848). Речь идёт о карме — причинно-следственном воздаянии. Согласно буддийской теории, хороший или плохой исход чего бы то ни было зависит от хороших или плохих поступков в прошлом. Грубо говоря, дети пожинают то, что посеют их родители. В данном случае имеется в виду, что «ребёнок» (*сикигами*) грешит (взломом) так же, как грешил его «родитель» (Надэко).

Однако врасплох застали меня.

Я едва не попала под удар.

Повезло, что дверь в ту комнату открывалась наружу, в коридор, — видимо, так было удобнее с точки зрения планировки? — потому что если бы она открывалась внутрь, то я бы впорхнула в комнату на мгновение раньше¹.

Какое-то крохотное мгновение отделяло меня от смерти.

Как только я перелетела через порог и притормозила, прямо перед моим носом, всего где-то в паре сантиметров, блеснул резец стамески... Угловой стамески, как я успела заметить².

— Ай-а-аха! — испустила я глупый вопль и, мигом оценив ситуацию, — шмяк! — рухнула на пол. Можно было бы сказать, что и шмякнулась, раз уж так к слову пришлось звукоподражательное «шмяк», но оно больше подходит для случаев, когда человек падает плашмя не по своей воле, поскользываясь например, теряя равновесие, а я всё-таки сгруппировалась и хочу верить, что главную роль здесь сыграли рефлексy.

Перекувырнувшись вперёд, как учили на уроках физкультуры (только там мы катались кубарем на матах, а здесь пришлось по жёсткому полу), я развернулась и посмотрела в сторону двери, — там, притаившись около проёма и держа в руке стамеску, стояла Надэко, но — к моему великому удивлению — не та.

У неё была очень короткая чёлка.

Да, в комнате оказалась не Тихонядэко, а Анти-Надэко.

Она выпучила глаза, вздёрнула брови — всё лицо её перекосилось, видимо от злости; *сикигами* поглядела на меня зверем и выругалась:

— Тц! Какого хрена ты, тварь тупорылая, увернулась от моего крита, а-а?! — взревела она, затем двинулась ко мне, яростно топая по полу, и в мгновение ока встала надо мной (я так и осталась после кувырка в полулежачем состоянии).

По-моему, она уже переросла обычную школьную хулиганку...

И превратилась в настоящего головореза!

Чтобы каждую Надэко-*сикигами* можно было легко отличить от трёх других, я, как уже говорила, не только нарисовала им разные причёски, но и подобрала, как по заказу, свою, ни на чью не похожую, одежду: Анти-Надэко у меня облачилась в юката.

В такую же, какую я, в качестве пижамы, позаимствовала из гардероба Цукихи-тян — а она у нас любительница традиционной японской одежды, — когда однажды осталась ночевать у неё дома (наутро после этого Цукихи-тян как раз и отстригла мне чёлку)... Пока писала Анти-Надэко, на меня нахлынули воспоминания о тех днях, и я, в порыве ностальгии, пририсовала

на её руке резинку для волос, обтянутую тканью. А обувь, к слову, вообще решила в поккури³.

Я просто хотела, чтобы обувь тоже как-то соответствовала традиционной одежде, но если бы только заранее знала, что Анти-Надэко вломится в чужой дом, не разуваясь, и вдобавок станет, не сдерживая себя, топтать и шаркать по полу, то нарисовала бы её босой, чтобы она хотя бы покрытие не портила и мне не досталось потом ещё и за это.

Или лучше уж в обуви для чечётки, если ей так нравится стучать ногами об пол.

Тем временем Анти-Надэко застыла в такой неприличной позе — на полусогнутых и широко разведя ноги — и угрожала мне, в одной руке держа угловую стамеску, а другую отведя за спину, что всем своим видом напоминала какой-то дикий вариант просящего послушать, что он хочет сказать⁴.

Выглядело смешно.

Но когда тебя угрожают заколоть, становится что-то не до смеха... Все вопросы в голове перемешались.

Во-первых, что Анти-Надэко забыла *здесь*?

Что эта Сэнгоку Надэко, с самым взрывным и раздражительным характером среди всех остальных, делает в доме Арараги?

А с другой стороны, какая разница? Ну да, я наткнулась на Анти-Надэко, хотя ожидала встретить здесь Тихонядэко, но меня устраивает и этот вариант: всё равно в конечном счёте поймать нужно всех Сэнгоку Надэко...

Я ей тем более рада, что она встретилась вместо хозяина этой комнаты — а мне ой как не хотелось встречи с ним! — так что благодарю счастливый случай.

И всё же очевидно, что Анти-Надэко оказалась здесь не просто так: она устроила засаду на меня.

Устроила засаду на того, кто сам хотел устроить засаду.

Собравшись с силами, я бросилась в погоню за *сикигами*, хотя понимала: просто так их не поймать, и предвидела, что они будут упорно сопротивляться («стена из людей», которую возвела вокруг себя Надэкокетка, как раз была, как верно подметил Оги-сан, средством самозащиты), однако никак не ожидала, что одна из них, ну, прямо скажем, захочет убить меня!

Да не может такого быть!

Ведь отношения у *оммёдзи* и *сикигами* как у хозяина и слуги, разве нет?..

Вот только я никакой не *оммёдзи*, да и Ононоки-тян рассказывала, мол, в истории не раз бывало, когда *сикигами* ополчались против своего хозяина, присваивали себе его личность и

занимали его положение в обществе... Неужели Анти-Надэко пришла сюда расправиться со мной физически, чтобы встать на моё место?

Она что, хочет быть мной?

Может, и не стоит так о себе говорить, но, по-моему, она выбрала совершенно не того человека: зачем кому-то *специально* становиться мной, когда в моей жизни вон одни сплошные минусы?

— Гр-р-р-р!.. — свирепо зарычала Анти-Надэко.

Не припомню, чтобы у неё был настолько звериный характер.

Напрочь отбилась от рук автора.

Вырвалась на волю — и одичала совсем?

— Не-не-не!.. Хрен там был, чтоб я с тобой работать села!.. Помощи захотела? Выкуси! Только через мой труп, усекла-а?! — рявкнула на меня *сикигами*.

— ...

Какая... «веская» причина для убийства.

Так она не собиралась занимать моё место — просто не хотела работать из-под палки.

Да уж, за последние несколько часов произошло столько событий, что я уже стала забывать, для чего изначально призвала четырёх *сикигами*: по задумке они должны были взять на себя часть моей работы, чтобы помочь стать мангакой.

По той же причине они и убежали от меня — никто не захотел помогать, — и если эти Надэко думают, что я приговорю их к принудительному труду, когда поймаю, то неудивительно, что среди них нашлась готовая пойти на решительные шаги, лишь бы не дать в руки.

Надо было мне ещё раньше хорошенько вспомнить, кто на что горазд, чтобы потом не попасться на крючок.

Особенно вспомнить всё, что касается Анти-Надэко: она самая жестокая среди всех.

Это же она тогда ударом ноги с разворота вынесла дверь в классной комнате. Заметив, с какой яростью продырявили входную дверь дома Арараги, я должна была сразу догадаться, что за этим стоит Анти-Надэко.

Ну и плохая же у меня интуиция...

— У... успокойся, Анти-Надэко! Ни... никто не будет принуждать тебя работать... и вкалывать эти 10 000 часов, — пролепетала я, стараясь урезонить *сикигами*, и начала было вставать, но...

— Захлопни пасть! — гаркнула она и словно пригвоздила меня к месту. — Думаешь, я на это куплюсь?! Вот пришью тебя — и отдохну спокойно, как тебе такой расклад, а-а?!

Не успела я заметить, как она уже куда-то дела угловую стамеску и в её руке оказался нож для резьбы по дереву. Анти-Надэко замахнулась и попыталась вонзить его мне в грудь, видимо целясь в сердце.

Эта *сикигами*, по-моему, слишком сильно ненавидит работать.

Неужели я была такой раньше?

Её характер точно соответствует времени?

Как бы то ни было, встать у меня не получилось, поэтому я ушла от удара перекатами, свернувшись, как мокрица-броненосец, в клубочек. Однако комната оказалась не такая большая, как хотелось бы, и вращалась я недолго: меня остановил вращающийся стул: я ударилась головой об одно из колёсиков крестовины.

Было больно, но, конечно, не так, как если бы меня пырнули стамеской.

Обернувшись, я увидела, что удар Анти-Надэко пришёлся в пол: нож по самую рукоять вонзился в настил... Кто бы мог подумать, что в тонких ручках среднеклассницы сосредоточена такая огромная сила!

Боюсь, в этом и есть способность Анти-Надэко.

Если Надэкокетка, будучи странностью-*сикигами*, обладала способностью управлять настроениями и чувствами людей, легко входя с ними в контакт (вспомнив ещё раз, насколько опасной силой она обладала, я не могу не порадоваться, что разобралась с ней в первую очередь), то способность Анти-Надэко, такой же странности-*сикигами*, судя по всему, заключается в преодолении всех пределов человеческих возможностей: она отменяет физиологические ограничения в силе.

Иначе бы просто не смогла оставить такую большую дыру во входной двери, сколько бы ни долбила её стамеской... Вслушиваясь в эту работу холодного анализа где-то на задворках разума, я подкатила вращающийся стул поближе к себе и отгородилась им от Анти-Надэко.

Возводить стены из людей я не умею, зато могу защищаться стулом.

Спрятавшись за его спинкой (я напоминала персонажа какого-нибудь шутера, когда он прячется в укрытие, чтобы перезарядить оружие) и дрожа от страха, я выглянула посмотреть на Анти-Надэко и встретила с ней глазами.

Похоже, она так и не смогла вытащить нож из пола и, оставив его торчать там, достала из-за пазухи новую стамеску... Полукруглую.

Мне не хотелось умирать от ножа, стамески или любого другого острого предмета, но больше всего — конкретно от *полукруглой стамески*... Когда на мне висело проклятие и время играло против меня, эта стамеска была единственным режущим предметом, который я, обычная

среднеклассница, могла взять без ведома родителей, и хотя каяться уже поздно, но я сожалею, что расчленила ей всех тех змеек.

Каяться поздно... но только сейчас...

Только сейчас я осознала, сколько вреда причинила.

Я всё так же не понимаю, чем заслужила такое суровое наказание — проклятие, — но раскаиваюсь в содеянном и теперь вижу глубокий символизм в том, что Анти-Надэко пытается убить меня стамеской.

Хм?

Стамеской? Разве не странно?

Ведь это другая Надэко, Тихонядэко, вооружившись стамеской, зверски расчленила змеек... А у Анти-Надэко максимум должна быть с собой садовая лопатка, верно? Ну, вряд ли, конечно, *сикигами* смогла бы заколоть меня лопаткой и унять тем самым жажду крови...

По-видимому, Тихонядэко заставили не только поменяться одеждой, но и отдать всё своё оружие?

Если допустить, что она осталась ни с чем и слоняется по городу чуть ли не голышом потому, что три других Надэко отобрали у неё всё, что только можно отобрать, то мне действительно её жалко.

Даже я начала подозревать, что меня обижают.

И не абы кто обижает, а я сама (нет, мы сами)!

Нужно сейчас же найти Тихонядэко и защитить!

То есть сначала нужно вырваться из этой западни...

А то у меня самой сердце вырвут, если я не вырвусь отсюда!

— Не горячись. Давай хотя бы поговорим! Только опусти сначала эту опасную штуку на пол, хорошо? Ста... стамеска всё-таки предназначена для других дел, — попыталась сказать я тихо и вкрадчиво, продолжая прикрываться стулом, однако мои слова лишь сильнее раздражили Анти-Надэко.

— А-а?! — взревела она. — Это для каких таких других дел, а-а?! Хочешь сказать, что полукруглая стамеска создана для чего-то ещё, кроме как выпустить тебе кишки?!

«Выпустить кишки»?..

Аж передёрнуло!

Юката тем временем чуть сползла с *сикигами*, обнажив её плечи; Анти-Надэко стала выглядеть очень соблазнительно, однако при взгляде на неё — замечу, что мне было совсем не смешно, — казалось, что съехавшая одежда будет стеснять в движениях и *сикигами* теперь придётся семенить.

Хотя на словах всё равно смешно получилось.

Раньше я не задумывалась об этом, но теперь, глядя на Анти-Надэко со стороны, вижу её какой-то... нелепой, что ли. Интересно, а когда в прошлом году она толкала свою речь в классе, то в глазах одноклассников выглядела такой же?

Производила то же самое впечатление?

Анти-Надэко, конечно, здорово пугала, однако при всём при том казалась карикатурой, нереальной, созданной в бреду, версией обычной Надэко... и хотя она говорила совершенно серьёзно, но чем серьёзнее становилась, тем сильнее казалось, что это какой-то розыгрыш...

— Ста... стамеска — инструмент для обработки дерева, — принялась объяснять я. — С её помощью делают разные креативные...

— Креативные?! — взорвалась Анти-Надэко, не дав мне закончить. — А! Так, значит, в тайне ты всё-таки хочешь заставить меня творить, да-а?!

Слушай, пожалуйста, что тебе говорят — не вырывай из контекста!

Как же трудно достичь понимания с другими, — это я испытала на своей шкуре... Суть предложения Онооки-тян заключалась в том, что легче всего собрать команду из других себя, но после встречи с самими собой я убедилась, что это всё пустое. Я, так же как и *сикигами*, которые, можно сказать, тоже я, не приспособлена ко взрослой, трудовой жизни.

Анти-Надэко сейчас до того взвинчена, что даже Кайки-сан, с его даром убеждения, наверно, не смог бы утихомирить её... К тому же даже если я попытаюсь поймать её вырванной страницей из скетчбука, то *сикигами* будет сопротивляться, орудуя стамеской.

Листок против режущего инструмента. Другими словами, у меня — «бумага», а у неё — «ножницы».

По правилам получится, что я проиграю, так?

Мы, конечно, не играли с ней в «Камень, ножницы, бумагу» — это простая аналогия, — но Ныненадэко всё равно не тягаться с Анти-Надэко: я так долго вела замкнутый образ жизни, что мой организм ослаб: у меня не осталось сил ни в руках, ни в ногах, а эта *сикигами* невероятно мощная: она отменяет все физиологические ограничения в силе.

Более того, у меня нет никакого оружия.

Разница в наших боевых потенциалах просто огромна!

А что, если Анти-Надэко зарежет меня прямо здесь?

Цукихи-тян, наверно, первой обнаружит мой труп с выпущенными кишками: она пока ещё учится в средней школе, так что придёт домой раньше всех. Должно быть, сильно испугается.

Или же нет: если тело будет лежать в этой комнате, то первым мой труп обнаружит её хозяин, а такого...

Такого нежелательного исхода я не желала всем сердцем.

А желание — закон!

— Лови! — вдруг крикнула я, взявшись обеими руками за спинку вращающегося стула, которым до этого защищалась, и изо всех сил толкнув его в сторону Анти-Надэко.

Он был на колёсиках, поэтому даже моими хилыми ручками удалось придать ему хорошее ускорение и запустить прямо в *сикигами*.

— А-а?! — удивилась она.

До этого Анти-Надэко никак не реагировала на мои просьбы, однако на летящий в тебя стул хочешь не хочешь, а отреагировать придётся. Он, впрочем, был мягкий и никакого реального вреда причинить не мог.

Сикигами левой рукой (в правой была стамеска) повалила его набок прямо рядом с собой. Но я и не ставила себе целью сбить её стулом с ног и запустила его только для отвода глаз.

Как я и думала, Анти-Надэко не только защищалась левой рукой (другого выбора у неё и не было), но и стул отпихнула налево. Ожидая, что она так и поступит, я в тот же миг, как только толкнула в неё стул, бросилась в правую, с её точки зрения, сторону и, описав дугу, приблизилась к *сикигами*.

Всё будет хорошо.

Я сама пользовалась такой же стамеской и могу доверять своему опыту.

Это, конечно, острый инструмент, и я, бывало, больно им резалась, отчего он казался опаснее, чем должен был, тем не менее не могу не сознаться, что из-за короткой длины лезвия это орудие совершенно не годится для убийства.

Допустим...

Допустим, *сикигами* пырнёт меня стамеской: лезвие вонзится всего лишь на какие-то сантиметры и, по идее, не пробьёт даже подкожный жир... то есть не достанет до моих внутренностей (подкожного жира у меня нет), а это не смертельно!⁵

— Отдохнуть хочешь? Ну так я отправлю тебя на вечный покой! — прокричала я, чтобы приободриться, и приготовилась прилепить лист к Анти-Надэко, вот только...

Мои тонкие, как палки, ноги бегали, к сожалению, не так быстро, как я ожидала. Будь у меня ноги Камбару-сан — а та носится со скоростью антилопы, — победа была бы за мной, но я

передвигалась так медленно, что Анти-Надэко, наверно, успела бы прилечь и, позёвывая, всласть поплевать в потолок.

Когда я приблизилась к ней на расстояние вытянутой руки, *сикигами* уже разобралась со стулом и повернулась в мою сторону.

Она взглянула на меня как на пустое место и завопила:

— Засохни! Это *тебе* на отдых пора! А то, гляжу, притомилась *одна-то* вкалывать, скажешь, нет?!

«Тяжело живётся? — запальчиво выкрикнула Анти-Надэко. — Ну так отказалась бы от своей тупой мечты, а-а?!» — и, несмотря на мою медлительность (а соответственно, и большой выбор мест, куда можно пырнуть), попала именно туда, куда нужно; *сикигами*, казалось, и правда хотела выпотрошить меня, — с такой лютой жестокостью засадила она полукруглое лезвие стамески мне в живот, *прямо в небольшое уплотнение*.

Примечания

1. Обычно двери в жилых помещениях открываются внутрь. Так делают в первую очередь из соображений безопасности, чтобы человек, в случае, например, пожара, мог открыть дверь на себя и выбраться из комнаты. А вот если бы она открывалась наружу и с той стороны что-то упало и перегородило выход, то человек уже не смог бы спастись. Но на самом деле помимо безопасности учитываются и другие факторы, как эргономика и эстетика. Так что если комната по площади меньше холла, из которого в неё можно попасть, тогда имеет смысл сделать так, чтобы дверь открывалась наружу, в сторону более просторного помещения.
2. Резец угловой стамески выполнен в виде продолговатой буквы «L». Такая стамеска предназначена для обработки и зачистки 90-градусных углов глубоких пазов и канавок.
3. Разновидность гэта (японских сандалий) на высокой танкетке (10—20 см) со скосом к носку. Поккури носили исключительно ученицы гейш.
4. В японских фильмах и сериалах иногда можно увидеть персонажей, которые встают перед собеседником на полусогнутые и широко разводят ноги, одну руку вытягивая перед собой ладонью вверх, а вторую отводя за спину, и при этом произносят фразу «*о-хикаэ-насуттэ*». Таким образом они показывают свои благие намерения и милостиво просят собеседника их выслушать. История позы и фразы уходит корнями в далёкое прошлое. В средневековой Японии в небольших городках существовали этикие заправки, без ведома которых ничего не делалось. Они не состояли на госслужбе, но исправно защищали свои земли от чужаков. Если какой-то пришлый безработный или бездомный хотел обратиться к местному заправиле, то должен был сначала принять перед ним специальную позу, сказать «*о-хикаэ-насуттэ*», после чего, в зависимости от ответа заправилы, либо поведать ему о своих нуждах, либо убраться восвояси. Абсурдность ситуации с Анти-Надэко состоит в том, что *сикигами* приняла позу, показывающую, что она настроена не враждебно, при этом угрожая Надэко стамеской.
5. Поскольку речь идёт о стамесках из школьного набора для уроков труда, то длина лезвия у них небольшая: около 2 см.

Вот так я и поймала вторую *сикигами*.

М-м?

Нет, не удивляйтесь: вы не перелистнули главу.

И я тоже не перескочила внезапно на другое воспоминание — рассказ не прерывался.

Это прямое продолжение предыдущей главы, и внутри них все события расположены в хронологическом порядке.

Так, о чём я хотела сказать? Ах да, я стремлюсь стать мангакой вовсе не для того, чтобы покрасоваться... Вообще, девочка я не очень смышлёная, но благодаря тому, что временами почитывала боевую мангу и всякое такое...

Мне на ум сразу пришла стратегия из двух шагов.

Первый шаг: отвлечь *сикигами* стулом, затем зайти к ней со слепой зоны, описав дугу, и сдавить листом бумаги; второй шаг: уповать на план Б, если не успею выполнить до конца первый шаг.

Звучит мудрёно, но на самом деле ничего сложного.

Анти-Надэко во всеуслышание заявила, что «выпустит мне кишки», тем самым раскрыв свой замысел, и я решила обернуть её заявление против неё самой.

Воспользоваться Анти-Надэко в своих целях.

Стратегия эта родилась не в ходе серьёзных логических размышлений, а возникла как-то сама по себе. Ожидая удара в живот, я представила: вот было бы здорово поддеть кольчугу под свитшот, но тут же поняла, что это полный бред и очередной жалкий уход в мир иллюзий — а оправданий этому у меня никаких нет, — так что выбросила глупости из головы и взглянула на своё положение более трезво: раз кольчуга не вариант, то как насчёт журнала (на полке, рядом с тем местом, где я пряталась за спинкой стула, лежала целая стопка)? Он мог бы сыграть роль брони, если прикрыть им живот.

Все журналы были достаточно толстыми, чтобы защитить от удара стамески, но я подумала, что даже один заметно выпирал бы из-под свитшота, хотя тот и висел на мне как (страшолудный) мешок.

Как бы сильно Анти-Надэко ни была заиклена на моих кишках, а ничто не мешало ей вонзить мне стамеску куда угодно, в то же горло например, и это также пришлось учитывать при выборе средства защиты. Вообще, ранения что в живот, что в горло считаются более опасными для жизни, чем в любую другую часть тела, но главное не это, а то, что мы с *сикигами* — обе Надэко и мыслим одинаково, хоть и разные по характерам, поэтому она сразу разгадала бы мой план, стоило бы ей только увидеть, как я тянусь к полке с журналами.

А что, если бы она задумала перерезать мне глотку? Даже страшно представить!

Я хотела избежать этого любой ценой, поэтому...

Поэтому решила нарваться на удар в живот.

Стул мне нужен был не просто для защиты, но и чтобы скрыться от глаз Анти-Надэко: спрятавшись за его спинкой, я осторожными и медленными движениями, чтобы было незаметно, засунула под одежду...

Ну, наверно, где-то с десяток листов бумаги?

Да, *сикигами* сама сделала всё, чтобы попасться на белоснежную бумагу... Достав из кармана все листы, какие у меня с собой были, я отложила один, с которым бросилась потом, держа в руке, на Анти-Надэко, а остальные заправила за пояс штанов, напустив сверху свитшот.

Прикрылась ими как бронёй.

Выходит, я всё-таки поддела кольчугу, только не из железных колец, а из листов?

Анти-Надэко сама угодила на бумагу в тот самый момент, когда ударила мне в живот стамеской.

Она налетела на лист, как мотылёк — на огонь: её будто тянуло к своей беде.

Я сложила лист вдвое и так запечатала *сикигами*.

Казалось, есть повод для радости: «Ещё один дух изгнан, йей!» — но на сердце, к сожалению, легче не стало и кричать так не хотелось. Я подвергла себя неопишимо огромной опасности, рискнула жизнью, хотя шанс на успех был чрезвычайно мал, и теперь лишь чувствовала, как силы покидают меня.

Вот надо было лезть на рожон?

Посмотрев на разорванный свитшот, я чуть не упала в обморок.

Что я так привязалась к этой задумке с кольчугой?.. Может, сдали нервы? Или мне, как Анти-Надэко, кровь ударила в голову? Слава богу, всё прошло удачно и безумная, ничем не подкреплённая идея — такое бывает только в боевой манге — сработала, но кто мог знать заранее? А если бы я ошиблась? Тогда *сикигами* помимо свитшота точно так же разорвала бы засунутую под него бумагу и достала до живота.

Вот Онооки-тян ни за что бы не руководствовалась такой непродуманной стратегией: та странность всё-таки специалист. А Оги-сан наверняка раскритиковал бы мой план, расценив его глупым.

Меня же охватил азарт.

Но я сдуру бросилась на *сикигами* не столько из-за страсти к риску, сколько на волне сильного впечатления, когда представила, что мой труп могут обнаружить в этой комнате. Я всеми силами хотела избежать этого, и в то же время своей выходкой сама чуть было не воплотила в реальности свои самые жуткие страхи.

Таким опасным для жизни идеям место только на страницах манги. Что будет, если все вокруг начнут вести себя как персонажи комиксов? Правду говорят, что, когда читаешь много манги (и рисуешь тоже?), перестаёшь отличать реальность от вымысла.

Тем не менее...

Всё же закончилось хорошо, а раз так, то можно и чуточку порадоваться, да? Однако мне не давали покоя последние слова Анти-Надэко: они вонзились в меня ещё глубже и больнее, чем могло бы лезвие стамески.

«Это тебе на отдых пора!»

«А то притомилась вкалывать, скажешь, нет?»

...Послушав Анти-Надэко, я как будто услышала голос своего сердца. С Надэкокеткой, боюсь, было то же самое.

Если *сикигами* — это странности, которые действуют по поручениям своих хозяев, замещают их, то нарисованные мной духи должны говорить от моего имени.

Мои *сикигами* высказывают всё, что у меня на уме, и поступают так, как втайне хотела бы поступить я сама.

Конечно, я вижу в жизни не только сплошной негатив.

Достичь своей мечты тяжело, и всё же я стараюсь, работаю: мне доставляет радость сам процесс. Да, я чувствую неподдельную радость, когда замечаю, что стала лучше рисовать, или когда в голову, после долгих размышлений, приходит интересная идея.

Но что, если найдётся другое занятие, с которым я тоже смогу справиться и которое начнёт приносить ещё больше радости? Буду ли я тогда по-прежнему вкалывать ради своей мечты или сразу переключусь на что-то попроще?

Ведь последние слова...

Да и другие заявления Анти-Надэко — о том, что она ненавидит работать в поте лица и вообще заниматься тем, что ей не нравится, — принадлежат *не тогдашней мне* и даже *не Кутинаве-сану*, а мне настоящей — Ныненадэко. Когда я задумалась об этом, несносная, беспросветная тоска опустилась на сердце и застыла в нём камнем.

Я как-то вся сникла, повесила нос.

Очень тяжело повстречаться лицом к лицу с самой собой.

Меня будто заставили пристально взглянуть на все свои плохие стороны и разобрать себя по косточкам, а я к такому была совершенно не готова... Боже, да кто вообще нашёл во мне хоть что-то милое?

Что тогда, что теперь — внутри я всегда была и остаюсь отвратительна.

Как люди могут любоваться, восхищаться мной? Фу!

Уж не лучше ли было бы и вправду выпустить мне кишки?..

Однако не могу же я киснуть вечно! Ныненадэко хоть и мечтатель, но реалист! Сейчас не время забываться: я совершила преступление, проникнув в чужой дом!

И, поймав *сикигами*, сделала всё, что хотела, — пора сматываться!

Спасать собственную шкуру!

Но прежде надо навести порядок.

В комнате воцарился небольшой хаос, после того как «двое» решили выяснить здесь отношения, но прибраться в целом было нетрудно; серьёзной проблемой оказался нож для резьбы по дереву, который *сикигами* воткнула в пол.

Оставлять его так было нельзя; Анти-Надэко, впрочем, и сама, при всей своей силе, не смогла его достать, — настолько глубоко и прочно он застрял.

Так что когда я, своими кривыми и хилыми ручками, попыталась вытащить нож, лезвие обломилось у рукоятки и осталось торчать в настиле... но тут мне в голову пришла ещё одна мангическая идея (как будто я не получила хороший урок, что к идеям из манги лучше не прислушиваться).

Всем важным и опасным вещам я научилась, читая мангу. А также слушая советы своей шальной подруги и чудовищно коварного мошенника.

Подцепив двумя пальцами лист бумаги — до этого я успела достать всю кипу из-под одежды и запихать её обратно в карман, — я аккуратно накрыла им торчащее из пола лезвие и рукоять.

И они, как я и ожидала...

Переместились прямо на бумагу!

В голове просто мелькнула мысль: раз *сикигами* пользовалась этим ножом, нельзя ли и его точно так же запечатать? — и вот, всё получилось как по волшебству!

Чрезвычайно удобное и простое средство, эта бумага, если только пускать её в ход по делу, однако в этой простоте кроется дьявол: не могу отделаться от ощущения, что при частом её использовании по поводу и без можно накликать на себя беду.

Так что надо знать меру.

Я уже поддалась сладкому соблазну наработать 10 000 часов меньше чем за год — и вон какой катастрофой это обернулось!

А так, конечно, было бы здорово удивить кого-нибудь на вечеринке перемещающимися на бумагу предметами.

Но это в сторону: главное — удалось забрать нож.

В полу осталась трещина, но её проделало лезвие — сама по себе она незаметная, пока специально не начнёшь всматриваться, хотя и глубокая. Куда сильнее бросались в глаза вмятины и царапины, которые Анти-Надэко понаделала своими поккури, когда яростно топала и бесилась. Со следами от обуви мой трюк для вечеринки не пройдёт.

Скрыть абсолютно всё в любом случае не удастся, взять хотя бы входную дверь: в ней такая дыра, что её никак не спрячешь... Потом придётся как-то всё объяснить своей шальной подруге, Цукихи-тян.

У неё до того широкая душа, что страшно становится; она может сходу пообещать: «Не парься: с родителями сама разберусь», не обдумав всё как следует, даже не вникая в детали, — я должна действовать аккуратно, чтобы потом ей было легче взять всю вину на себя.

Но об этом мы поговорим с ней позже.

Как раз в эпилоге.

А пока я всё ещё играю в догонялки.

Вернёмся в настоящее.

Несмотря на трудности и преграды, я всё-таки поймала Надэкокетку и Анти-Надэко — осталось ещё две *сикигами*.

Тихонядэко и Богинядэко.

Полпути я прошла, это было очень нелегко, и, если честно, с обеими *сикигами* мне просто повезло; половину долга я тем не менее выполнила и верила, что с оставшейся тоже всё как-нибудь образуется.

Вспомнился, к слову, один риторический вопрос: «В пустой стакан до половины налили воды. Как думаете: он теперь наполовину пуст или наполовину полон?» Но однозначно правильного ответа на него дать нельзя.

Оптимистичное отношение меняется в зависимости от поставленной цели: если вы хотите промочить пересохшее горло, вас будет интересовать только наполненная половина стакана, а если захотите, на спор например, поскорее осушить стакан — главным для вас окажется то, что он уже наполовину пуст. Вот и я, оценивая ситуацию с оставшимися *сикигами*, считаю, что стакан наполовину пуст.

А если развить идею, продолжить мыслить позитивно, — можно понадеяться на то, что Онооки-тян уже хоть с кем-нибудь разобралась: не может же она, настоящий профессионал, ничего не добиться, если даже я, человек без всякого опыта, кое-как, но поймала двух *сикигами*?

Я очень на это надеюсь: одна из оставшихся *сикигами* — Богинядэко, а она, по моим ожиданиям, гораздо сильнее трёх других. Надэкокетка и Анти-Надэко по сути своей всё же люди, в то время как Богинядэко буквально богиня... Может, я и ошибаюсь в выводах, но одно знаю наверняка: нужно идти дальше.

Упорно идти вперёд и внимательно следить за развитием событий.

Пускай я не умею работать головой, зато могу действовать.

Итак, закончив наводить порядок в комнате, я вышла в коридор.

Но куда отправляться дальше — даже не догадывалась. Единственное, нужно было как можно скорее покинуть дом, а то вдруг соседи заметили странную дыру во входной двери Арараги и сообщили об этом в полицию?

Кстати о дыре... Так уж вышло, что в доме Арараги я столкнулась с Анти-Надэко, но изначально-то я пришла сюда затем, чтобы устроить засаду на Тихонядэко.

Тогда, может, разумно было бы остаться, спрятаться в комнате Цукихи-тян и ждать прихода *сикигами*... но даже если робкая Тихонядэко поборет стеснение и подойдёт к дому, то вид сломанной входной двери испугает её, она тут же развернётся и убежит.

Да и, в конце концов, это просто предположение: не факт, что Тихонядэко хочет сюда прийти. На мой взгляд, лучше всего искать её где-нибудь в другом месте. Только где?.. Старательно выжимая мозги, как мокрую половую тряпку, до последней капли, чтобы придумать дальнейший план, я двинулась по коридору к выходу, потому что больше не собиралась здесь задерживаться. Не собиралась, однако вдруг остановилась напротив комнаты Цукихи-тян.

Затем перевела взгляд вниз.

— Хм-м...

Анти-Надэко сильно распорола мне низ свитшота — через прореху нагло белел живот. Не критично, даже не очень откровенно, особенно если сравнивать с Панталонадэко — та вообще слоняется по городу полуголой, — но огромная дыра всё равно привлечёт внимание прохожих.

Среднеклассница, вышедшая на улицу в рваных и к тому же страхолюдных домашних шмотках, будет выделяться из толпы. А для преследователя выделяться — последнее дело.

Ладно.

Возьму что-нибудь на время?

Помирать — так с музыкой.

Цукихи-тян модница, у неё куча разной одежды — пропажу одной-двух вещей заметит не сразу.

Сначала незаконное проникновение (плюс порча имущества, хотя это уже дело рук *сикигами*), теперь вон решила взять вещи без спроса — всё пошло по наклонной: я стала образцовым примером того, как человек шаг за шагом, всё сильнее и сильнее увязает в преступном мире.

Падать-то быстро, а вот подняться...

Хотя в моём случае «быстро» — не то слово: я упала почти в одночасье. И не просто упала — сорвалась камнем вниз. Да что уж теперь упрекать себя, когда дело сделано и осталось лишь смыться с места преступления? Поэтому я не стала больше медлить и распахнула дверь в комнату Цукихи-тян.

Я хорошо знала этот дом и в том числе комнату своей подруги. Похоже, она теперь живёт здесь одна: всё обставлено не так, как я запомнила.

Если бы Тихонядэко пряталась в этой комнате, я бы сочла это чудом, но мне, конечно, не повезло... За дверью гардероба её тоже не оказалось (будь я сейчас в фильме ужасов, в эту минуту на меня бы оттуда выпрыгнул зомби). И всё-таки вот было бы здорово, думала я, видеть Тихонядэко здесь, чтобы *сикигами* пришла сюда, так же как и я, за одеждой, а не бродила, по словам очевидцев, по улицам полуголой.

Что ж, видимо, зря надеялась...

Тем временем в гардеробе, на вешалках, висела целая куча модной и яркой одежды — вообразить нельзя сколько! — и я могла выбрать что угодно, как будто на бонусный уровень попала!

Повезло, что у нас с Цукихи-тян почти что один размер!

И всё же при таком выборе взять традиционные наряды я бы не рискнула. Иначе бы выделялась ещё сильнее.

В итоге мой выбор пал на те вещички, в которых Цукихи-тян в последний раз забежала ко мне домой.

Они мне ещё тогда приглянулись.

Хотя Цукихи-тян может их сразу хватиться... Ну да ладно!

Уже больше полугода я прикладываю огромные усилия, чтобы не надевать модную одежду, не заниматься сочетанием с другими вещами ни по цвету, ни по фасону, ни по стилю — вообще никак, но вот смотрю сейчас на этот гардероб, где вся одежда на вешалках, чистенькая, вывешена аккуратненько в рядок, и думаю: Цукихи-тян даже не подозревает,

сколько сил ушло на моё самоотречение, — однако тут же одёргиваю себя: да ведь в этом самом *подсчёте усилий* по «ничего не деланию» вообще нет никакого смысла!

Я не хотела показаться ленивой — просто неудачно выразилась, а то по моим словам получается, что я старалась чего-то не делать; усилия не бывают бездейственными: приложить усилие — значит уже направить действие, свою энергию на что-либо.

Хотя опять неоднозначно получается: про кражу вещей ведь тоже можно сказать, что я направляю энергию, только в преступное русло... Так или иначе, я оделась в другую одежду.

Переделалась, одним словом... Или нет, приделалась: до этого-то вообще не пойми в чём ходила.

Сняв свитшот с трениками, я сложила их и задвинула в самую глубину одной из полок гардероба. Цукихи-тян, должно быть, сразу заметит чужую одежду, но наверняка догадается, что это мои старые шмотки, и, может быть, даже заштопает дырку...

Так!

Надела я, в общем, короткую юбку-штаны, чёрные чулки чуть выше колена и блузку с рюшками и красивым цветочным принтом. А ещё позаимствовала очаровательное кепи: оно идеально подходило моей короткой причёске.

Но совершенно случайно забыла, что подбирать одежду следовало под сандалии, а к этому наряду всё-таки нужны были туфли; тем не менее взять у Цукихи-тян ещё и их я не могла: вдруг натру мозоль? Тогда гоняться за *сикигами* будет очень больно.

Я посмотрелась в высокое, в пол, зеркало — оно занимало всю внутреннюю сторону дверцы гардероба, — чтобы оценить результат: полностью скопировать стильный лук Цукихи-тян у меня, само собой, не получилось, зато замаскировалась я отлично. Если надвинуть кепи на глаза, издали меня вообще никто не узнает.

Надвинуть кепи... на глаза?

Что-то вспомнились старые времена, когда я тоже так делала.

Придётся опять скрывать лицо, только теперь чтобы поймать Тихонядэко, — вот и ещё одна ирония судьбы.

Меня душило глубокое презрение к самой себе, но я не забывалась и не теряла из вида самое главное: надо двигаться дальше; закончив глядеться в зеркало, я плотно закрыла дверцу гардероба и вышла из комнаты Цукихи-тян.

Затем спустилась по лестнице на первый этаж (на всякий случай снова кралась на цыпочках) и двинулась в прихожую, чтобы выйти наконец на улицу, как вдруг по ушам ударил громкий звонок.

Я даже ойкнула с испуга!

Сначала показалось, что раздался аварийный звонок, но мигом позже я одумалась: это всё-таки частный дом, а не средняя школа.

Значит, охранная сигнализация?

Учитывая род занятий четы Арараги, я несколько не удивлена, что в доме установлены средства для предупреждения преступности... Хотя стоп, почему тогда сигнализация сработала только сейчас? До сих пор же было тихо.

Неужели она установлена в гардеробе Цукихи-тян?.. Поделом мне: я воспользовалась её дружбой — и теперь расплачиваюсь за свой каприз.

Нельзя так себя вести!

С другой стороны, Цукихи-тян постоянно раздражается на меня и осыпает упрёками — честно говоря, даже сотни украденных платьев будет мало, чтобы отомстить ей за все обиды. Я действительно так думала, хотя высказывать ей своё недовольство всё равно не собиралась... Прислушавшись между тем к звонку, я поняла, что это не охранная сигнализация.

А телефон.

Причём не мобильный: на них такие рингтоны не ставят... Я обернулась на звук и увидела стационарный телефон, — он висел на стене смежной с коридором гостиной и мигал лампочкой.

Очевидно (особенно если хорошенько прислушаться), что это звонил стационарный телефон — другого варианта и быть не могло, просто когда, натворив делов, сильно волнуешься, начинаешь бояться всего подряд.

Обычно телефон звонит недолго и после нескольких звонков переключается на автоответчик; я же не стала дожидаться и резко, повинуясь какому-то непреодолимому желанию заставить его замолчать сию же секунду, сняла трубку.

Не знаю, что на меня нашло. Наверно, свою роль ещё сыграли рефлексy? Что за бесполезный рефлекс хватать трубку сразу, как зазвонит телефон?!

— Алло! Сэнгоку слушает!

Ай, зачем я представилась?!

Ну и ну! Преступник, виновный в многочисленных преступлениях, называет себя по настоящей фамилии!

Совсем страх потеряла, что ли?

Даже по телефону не можешь говорить — сразу теряешься?.. Сдуру представившись, я поначалу молилась, чтобы звонивший ошибся номером, но услышав, кто был на другом конце провода...

Стала молить бога, чтобы это я ошиблась... чтобы это мне померещилось...

— А?.. — удивился голос в трубке. — Сэнгоку-сан?

Я узнала этот голос.

Его невозможно забыть.

Он принадлежал Сэндзёгахаре Хитаги-сан.

Трубка выскользнула из рук и грохнулась на пол — я тотчас выдернула провод, соединявший её с телефоном, после чего со всех ног рванула прочь из дома Арараги.

Это были самые ужасные секунды в моей жизни!

Я чуть не померла со страху!

Голос в трубке так сильно испугал меня, как никогда не смог бы даже выпрыгнувший из гардероба зомби! Я пережила смертельный ужас! Или, точнее, клиническую смерть!

Но я... пока ещё... жива, да?

Надеюсь, это не загробный мир?!

Что со мной было последние несколько часов? В какую историю я влипла?..

И какого чёрта делаю сейчас? Куда бегу, точно угорелая?

Я находилась в таком сильном замешательстве, что была готова признать, будто всё, что сегодня случилось со мной, — страшный сон.

Лучше бы это оказался звонок из охранной компании: было бы не так страшно, как услышать на другом конце провода Сэндзёгахару-сан. А ведь я боялась, что могу наткнуться на неё во время поисков... Зачем ей понадобилось звонить на домашний телефон Арараги среди бела дня?

Хотя она тоже имеет право удивиться: что это среди бела дня в доме Арараги делает эта мерзкая Сэнгоку Надэко? более того, как посмела эта мерзавка оскорбить меня? я что, монстр какой, чтобы трубки бросать?

В прошлом году я повела себя по-свински и втянула Сэндзёгахару-сан в свои кровавые злодеяния.

Первой спровоцировала её на конфликт.

Предупредила, что рано или поздно убью. В ту пору я была Богинядэко, но это меня не оправдывает. Незаконное проникновение и порча имущества — ничто по сравнению с угрозой убийства.

Одними извинениями тут не отделаешься.

Но я даже не пробовала просить у неё прощения.

Нельзя было так от неё убегать, — это некрасиво. Нельзя, но что с собой поделаешь, если страшно?

Я поступила нелогично, к тому же нарушила закон.

Испугалась.

Осознание вины лишь удваивало страх, однако даже если бы я отказалась от ответственности за преступление против Сэндзёгахары-сан, то страх всё равно бы никуда не ушёл... У-уф! Прямо мороз по коже!

Никогда больше не подойду к телефону!

Я собрала волю в кулак, а то, считай, слегка расслабилась после успешной поимки *сикигами* — как-никак Анти-Надэко попалась, — хотя успех по большому счёту зависел не от моей собранности и внутреннего равновесия, а скорее, от счастливого случая.

Звонок Сэндзёгахары-сан помимо всего прочего свёл на нет всё удовольствие, какое я испытывала, натянув новомодные шмотки, — ну и пусть, так даже лучше!

Чтобы поскорее забыть пережитый ужас, нужно полностью сосредоточиться на ловле остальных Надэко... Да и какая разница, представилась я или нет: Арараги всё равно обнаружат, что кто-то вломился в их дом. Надо будет вместе с Цукихи-тян продумать, как всё исправить.

Надеюсь на тебя, Цукихи-тян!

Пулей вылетев из дома Арараги, я драпанула без оглядки, не разбирая дороги, пока не выдохлась — пришлось остановиться (ноги так и ходили ходуном. Ясное дело: у меня нет ни сил, ни выносливости), затем оглянулась кругом и увидела, что ни в каком я не загробном мире, да и вообще убежала не так далеко.

Знакомая местность.

Где-то в нашем городе.

Хм-м, я вроде бы... знаю эту дорогу: когда-то часто по ней ходила... Если двигаться строго вперёд, выйду как раз к горе, где на самой вершине стоит Храм Северной Белой Змеи.

Храм Северной Белой Змеи?..

Пойти туда — значит отклониться от настоящей цели (Панталонадэко слоняется по улицам в вызывающем виде, и я поставила себе цель найти её как можно скорее), но если переключиться на поиск Богинядэко, то искать *сикигами* в первую очередь надо в Храме Северной Белой Змеи.

Это, можно сказать, верняк.

Богинядэко, по всей видимости, убежала в храм, так же как Надэкокетка — в среднюю школу. Я бы не стала называть это инстинктом возвращения домой, и всё же принципы поведения *сикигами* в целом должны определяться особенностями их личности¹.

Хотя Тихонядэко не появилась в доме Арараги, — там меня поджидала Анти-Надэко, а это уже большое исключение из только что выведенного правила... Ну, Храм Северной Белой Змеи в любом случае сто́ит обыскать.

Очень надеюсь, что моя теория верна.

Вообще, этот храм сто́ит первым в очереди на проверку, и Онооки-тян, думаю, уже могла его осмотреть... но почему бы и мне не зайти?

Ничего страшного, если не найду на вершине Богинядэко: можно будет хотя бы помолиться тамошнему богу.

Я слышала, что через некоторое время после того, как попала в больницу, во вновь опустевшем Храме Северной Белой Змеи свершилось богоявление.

Может, зайти поздороваться со своим преемником?

Однако, чувствую, сейчас не лучшее время для дружеских визитов, да и храм этот для меня, честно говоря, точно как дом Арараги: я бы никогда туда не пошла, если бы не его величество случай (хотя в оба места я не хотела идти по разным причинам).

Что ж, следующая область поисков определена.

Приказ на выдвижение получен.

Розыск Тихонядэко временно перепоручаю Оги-сану, сама же отправляюсь на захват Богинядэко и первым делом беру гору на приступ.

Я уже, дайте-ка подумать, сто с лишним раз взбиралась на эту гору и слезала с неё, но вот вопрос: смогу ли я сейчас, доведя себя до крайнего изнеможения, добраться до самой вершины?

Примечания

1. Инстинктом возвращения домой называют способность различных животных, например птиц, находить место своего постоянного пребывания или знакомую территорию.

Когда Анти-Надэко направила на меня стамеску и пригрозила убить, я живо вспомнила эту гору и то, что сама однажды на ней устроила; *сикигами* заставила меня осознать всю тяжесть моего проступка.

Я убила очень и очень много змеек, потому что верила: это поможет снять с меня проклятие; однако я не просто их убивала — рубила на куски такой же стамеской и обложила этими кусками всю территорию храма.

Но мне не повезло: проклятие в итоге не только не спало, а осложнилось, усилилось и усугубилось: с ног до головы меня обвила невидимая змея.

Кстати, с тех пор я, получается, и начала натекаться на странности. А также начала заново...

Общаться с семьёй Арараги.

Хотя я не до конца честна по поводу возобновления этих отношений, точнее, боюсь признаться в самом главном... Да, мы с Цукихи-тян снова стали близкими подругами (даже не могу описать, насколько близкими), но это было лишь дело случая и от меня никак не зависело.

Я не знаю жизни, о чём можно легко судить по тому, как стараюсь загладить вину за непростительное зверство над змейками тем, что не щажу себя, пытаюсь достичь мечты.

Я не понимаю, как надо жить.

Если бы только Кайки-сан не распространил свои «заклинания» среди среднеласниц нашего города, если бы он не вызвал той чудовищной пандемии, я бы до сих пор была Тихонядэко и сейчас, как все нормальные люди, занималась подготовкой к экзаменам.

Конечно, может, лучше было бы остаться Надэкокеткой, и всё же я хочу быть самой собой — Ныненадэко — и жить своей жизнью, пусть она и не такая радостная.

И не нужны мне никакие заместители, действующие и говорящие от моего имени.

Я сама буду говорить то, что у меня на уме.

Встреча с Богинядэко требовала мысли и воли, поэтому, чтобы не волноваться, что же такого выскажет мне *сикигами*, я размышляла о другом, разбиралась в себе и так, в попытке найти свой внутренний стержень, с горем пополам добралась до вершины.

Пройдя под тории, я вошла на территорию храма и увидела там...

— О!.. Онооки-тян!

Да, её самую!

Вот только вид у неё был... мягко говоря, не такой, как прежде. Эта странность всегда выглядела как человекоподобная кукла, но теперь ничего подобного человеку в её фигуре не было.

Передо мной, в общем, лежал расчленённый труп Ононоки-тян.

Руки, ноги и голову зверски оторвали от туловища, захватив и пёстрые одёжки (а ещё отсекали кисти от предплечий и голени от стоп), и притом как попало... боже мой, как попало разбросали по этой проклятой храмовой земле! Преступник, казалось, выместил на Ононоки-тян всю свою злость; он даже не стал избавляться от тела и всех конечностей, словно ему было плевать, что труп могут обнаружить!

— Не-е-е-е-е-е-ет!.. О!.. Ононоки-тян! — завопила я не своим голосом.

Когда смотришь мистический триллер или что-то близкое по жанру и видишь сцену, где персонаж, первым наткнувшись на чей-нибудь труп, начинает выть и причитать, то не веришь ему и думаешь: «Ну вот опять! Да реальный человек в такой ситуации не смог бы даже ничего внятного вымолвить! У него все слова и звуки застряли бы в горле; он бы только воздух глотал, как рыба на берегу, — какое там кричать!» Я вспомнила эти впечатления от просмотра таких стереотипных сцен и поняла, что должна извиниться за своё мнение.

Признаю: была не права; признаю: завопила.

Я завопила...

Не своим голосом...

Когда увидела труп подруги.

— Нет, нет, нет! — не унималась я. — Ононоки-тян, ты слышишь меня?! Прощу, скажи что-нибудь!

— Слышу, слышу — не верещи, — вдруг раздался её голос.

Неужели боги вняли моим мольбам?!

Вот теперь пришло время и мне, как рыбе на берегу, поглотить воздух; от страха я отшатнулась и, упав на пятую точку, встретилась взглядом с Ононоки-тян, — её оторванная голова лежала, прижавшись щекой к земле.

Она всё ещё жива?!

Хотя должна была — как ни крути — умереть?!

Но она же, это, только что... говорила...

— Я не просто странность, но и кукла, — напомнила Ононоки-тян, — так что меня можно расчленишь и я всё равно не умру. К тому же одну вещь я до сих пор держал от тебя в тайне: меня создали из трупа и всё это время я был мёртв.

— ...

А она довольно болтливая для мертвеца. Да ещё и с отрубленной головой.

Значит, Ононоки-тян — странность, созданная из трупа?

То есть я оттачивала художественные навыки, рисуя эскизы трупа в разных позах?.. Я что, Сугита Гэмпаку¹?

Вообще, если присмотреться, то на подходе к храму — а тут везде разбросаны части тела Ононоки-тян — нет никаких следов крови. Получается, сколько труп ни кромсай, он кровоточить не будет?

Ну да, кстати, она же вытащила обе свои руки, когда позировала в образе «Венеры Милосской»... И судя по тому, что я вижу, у неё получилось бы изобразить даже «Нику Самофракийскую»².

— Да не трясись, — посетовала Ононоки-тян. — Ты сама вон рубила змеек на кусочки прямо на этом самом месте — и ничего, а как расчленённый труп увидела, так всё — запредельный уровень графического насилия. Кстати, у меня тоже есть одна просьба, Сэнгоку Надэко.

— Ка... ка... какая?

— Не соберёшь ли мои части тела? Мне отсюда не очень хорошо видно, но они, чувствую, разбросаны где-то рядом. Достаточно соединить две подходящие местом разреза — и они срастутся.

Ононоки-тян, несмотря на разбитое состояние, всё так же без какого-либо выражения на лице и равнодушно, устроила мне разнос, а потом попросила не какой-то пустяк...

А собрать труп по частям?!

— Я понимаю: ты натура творческая, тебе хочется перенести увиденное на бумагу, но прошу оставить это на потом, — расставила приоритеты Ононоки-тян, точно какой-то продюсер.

— Но зачем? Я же, ну, никогда не рисовала в манге таких жестоких сцен...

Следовать желанию продюсера я не собиралась: ни откладывать на потом, ни вообще зарисовывать этот ужас, зато на первую просьбу откликнулась и пошла собирать оторванные конечности. Когда я поднималась на гору, то занимала себя мыслями: что такое жизнь? куда она меня заведёт? — но даже не представляла, что по приходе на вершину мне придётся помогать подруге придавать её трупу близкий к прижизненному вид!

Но уж лучше так, чем если бы Ононоки-тян на самом деле умерла.

Погоди-ка, она же была мертва с момента создания...

— Со... собрать всё до самых маленьких кусочков плоти, боюсь, не получится...

— Собери, что можешь. На первых порах и так сойдёт, — отозвалась Ононоки-тян. — В крайнем случае все дыры от недостающих кусков замажу чем-нибудь, той же землёй например.

Прямо как зомби.

Стоп, да она и есть зомби!

Причём, если бы из гардероба на меня выпрыгнула Ононоки-тян, я бы такому милому зомби не испугалась... однако в нынешнем виде, с оторванными руками и ногами, валяющимися где попало, она всё-таки нагоняла ужас.

— Если очень хочешь поделиться своей плотью — я только за.

— Что за ужасы ты мне предлагаешь?! — с испугом спросила я.

— Пода-ай свою пло-оть... Шутка. Отсылочка к *Kizumonogatari*³.

— ...

Юмористка.

Прирождённая юмористка, от кончика носа до кончика хвоста.

Кстати, Ононоки-тян хоть и странность, чудовище, но никакого хвоста я не нашла, пока собирала руки и ноги.

— Н-да-а, в такие моменты острее всего понимаешь, как неудобно быть трупом, — пожаловалась Ононоки-тян. — Вампиры вон тоже бессмертные странности, но у них на месте оторванного вырастает новое, а старое притом рассыпается в прах — и никакой мороки.

Спасибо за мерзкие физиологические подробности!

Мне всё равно, как там что устроено у различных бессмертных странностей.

Я притворилась, будто ничего не слышу, и продолжила собирать её части тела. А уж это та ещё морока. Почему-то представилось, что Ононоки-тян словно экшен-фигурка — те тоже бывают со снимаемыми частями, — вот только её кожа на ощупь была как у трупа.

Конечно, я никогда не трогала труп, но в ощущениях не сомневалась.

— ...А с другой стороны, — продолжала болтать Ононоки-тян, — мне сильно повезло, что я труп. Нет худа без добра. Всё-таки будь я вампиром с работающей кровеносной системой, змеиный яд разрушил бы эритроциты внутри сосудов, что привело бы к тяжёлым последствиям.

— А?... Змеиный яд?

Нет, я, конечно, знала, на кого иду...

Богинядэко единственная, кто мог сделать такое с Ононоки-тян; на неё указывает ещё и место преступления: храм. Ононоки-тян пришла сюда, чтобы поймать мою *сикигами*, а та, судя по всему, сопротивлялась, — другого объяснения нет.

И, кажется, уже успела отсюда убежать: Богинядэко нигде не было видно... Я упустила *сикигами*, это оставило на душе неприятный осадок, и в то же время внутренне я содрогалась от ужаса.

Даже почувствовала, что кровь отлила от лица: я побледнела как вампир, хоть и не была одним из них.

Подумать только, кому я собиралась бросить вызов?! Богинядэко вон как отделала Ононоки-тян, настоящую специалистку по странностям и к тому же саму странность! Я слишком поверила в свои силы и забылась.

Если бы Богинядэко всё ещё была здесь, она бы, очевидно, расчленила и меня тоже, так что мой труп лежал бы сейчас с оторванными руками и ногами... Нет, Богинядэко, неужели ты серьёзно готова расчленять всех и каждого?

Что сделало тебя такой жестокой?

Ты точно сам дьявол!

— Да уж, зря я связался с Арараги Цукихи: мне это ничего хорошего не принесло... А, хотя кое-что хорошее было, — не сразу прибавила Ононоки-тян. — Я подружился с тобой, Сэнгоку Надэко.

— Э-э... Мне, конечно, приятно, но с чего ты так вдруг?

Она что... флиртует со мной?

Это серьёзно или какая-то шутка?

Не знаю, как сейчас, но раньше Ононоки-тян, кажется, ненавидела меня всем своим существом.

— Если правильно помню, — рассуждала я вслух, — ты легко подвергаешься влиянию окружающих как раз потому, что кукла... Другими словами, твой характер точно так же легко меняется?

— Да. То есть если я тебе нравлюсь, то и ты мне нравишься.

— Только не надо, пожалуйста, со мной заигрывать!

Лучше я провалюсь на этом самом месте, чем позволю завоевать своё сердце!

К тому же (или поэтому?) моя *сикигами* искромсала подругу — какой тут флирт?

— Прежде всего, менять своё отношение к чему- или кому-либо в характере не одних только странностей, — это нормально для всех и каждого, разве не так? — поучала меня Ононоки-тян. — Одни вещи или люди тебе нравятся, другие — нет. Ты можешь разлюбить то, что всегда любила, и полюбить то, что всю жизнь ненавидела. Дети, например, не любят есть горькую зелень, а повзрослев, лопают её за обе щёки, и всё в таком духе.

— Ну-у...

Наверно, она права.

Любовь, ненависть — все чувства время от времени чередуются между собой. Всегда любить одно и то же или постоянно заставлять себя ненавидеть что-нибудь сложно, — это ложится тяжким бременем на психику.

Поэтому чувства последовательно сменяют друг друга.

Я сама глубоко чувствовала эту смену, когда глядела на других Надэко-*сикигами*, когда глядела на версии себя из разных моментов жизни...

— А-а, это, Ононоки-тян... — стеснялась я спросить. — Волосы прикладывать к голове, чтобы они приросли? А то тебе их сильно пообрубали.

— Нет, волосы не надо. Это же не плоть. Так что на их счёт не волнуйся. Скоро отрастут. Я из тех видов кукол, у которых на голове растут волосы⁴.

Ну и слава богу.

Хотя на самом деле даже не знаю, радоваться этому или пугаться... Итак, первым делом я прошлась кругом и подобрала с земли все части тела, какие могла, — теперь можно собрать Ононоки-тян, как какой-нибудь 3D-пазл.

Попробую соединить две подходящие части местом разреза...

Хм? Не соединяются?

— Не бойся давить, — разрешила Ононоки-тян, — я ничего не почувствую. Прижимай друг к другу крепко-крепко, как прижимала бы детали, чтобы те схватились клеем. Чем сильнее надавишь, тем лучше. Представь, будто хочешь сплющить их.

— Ла... ладно...

Работка, честно говоря, не из приятных.

Однако Ононоки-тян пострадала от рук моей *сикигами*, значит, я обязана взять всю ответственность на себя... Да я в любом случае не имею права оставить Ононоки-тян в таком состоянии после того, как она назвала меня своей подругой!

Ну что, начну с ног? Прижму крепко-крепко...

— И... извини, если перепутаю правую и левую.

— Только попробуй. Я тогда твои ноги и руки местами поменяю.

Грозится!

Её угрозы пугают!

— Ра... расскажешь, что случилось? — робко попросила я. — Богинядэко... оказалась настолько сильной?

— Сильная-то она сильная... Но и я не лыком шит — профессионал. Я шёл на дело, как на службу, хотя в успехе сомневался... Да и службой это, наверно, не назовёшь? Ловля твоих *сикигами* для меня, скорее, интимное дело. Интересно: впервые на моём веку появилось что-то интимное.

— ...

Я снова приготовилась сопротивляться её попыткам флиртовать, но Ононоки-тян лишь тихо вздохнула, как бы показывая, что ничего, мол, уже не поделаешь — что толку рассказывать. Не хватало ещё пожать плечами и развести руки, только голова у неё была без плеч и рук.

— Хочешь узнать, что случилось? — переспросила она немного погодя. — Как видишь, я стал добычей той, на кого пошёл охотиться, но это было ожидаемо. Однако сражаться мне пришлось не только с Богинядэко: я имел дело ещё с одной *сикигами* — Тихонядэко.

Двое на одного?

Ничего себе! Даже не думала, что разбежавшиеся кто куда *сикигами* будут действовать заодно!

Тихонядэко заставили поменяться одеждой, у неё отобрали стамески — всё это выглядит каким-то недоразумением в свете её объединения с Богинядэко, и всё же...

Мне почему-то кажется, что Тихонядэко пала несчастной жертвой других Надэко... Значит, Богинядэко тоже могла использовать её в своих целях?

— Могла, — согласилась со мной Ононоки-тян. — Так оно, на мой взгляд, и было. Ну что, давай тогда проведём это время с пользой и разберём причины моего провала?

Под «этим временем» она имеет в виду время, которое уйдёт на прирастание ног, рук и головы к туловищу? То есть Ононоки-тян хоть и кукла-странность, но ей, похоже, всё равно нужно сколько-то времени, чтобы её раны затянулись.

Я больше не могу действовать одна, раз всё настолько серьёзно, так что, пожалуй, внимательно выслушаю её.

— После того как мы разделились, — начала Ононоки-тян, — я вскоре наткнулся на Тихонядэко. Не знаю, что с ней случилось, но она ходила по улице в купальнике.

— В купальнике?!

Вот ещё новость!

Разве Тихонядэко не должна ходить полуголой в одних блумерсах?! Бред какой-то!

— Не... неужели в микрокини?!

— Нет, в школьном купальнике.

— Да? Ну хорошо, успокоила! — съязвила я.

Ничего хорошего!

Носить микрокини, между прочим, в стиле Надэкокетки. Когда я увидела её в школьной форме, то испугалась, что она могла оставить Тихонядэко в откровенном купальнике, но, видно, не того боялась.

О, кстати!

Я помню себя в школьном купальнике!

Меня так поразила неожиданная новость о Тихонядэко, разгуливающей по улицам в одних блумерсах, что только сейчас я вспомнила, как сама однажды вышла на улицу в школьном купальнике, — на мне тогда ещё лежало змеиное проклятие!

Меня попросили одеться так для того, чтобы отметины на коже, оставленные змеёй — она обвивала всё моё тело, — были лучше видны и чтобы я чувствовала себя менее скованной в движениях... вроде так мне объяснили. В принципе, идея хорошая, но почему мне предложили именно школьный купальник, а не что-то другое, — до сих пор не понимаю. По правде говоря, его, как и блумеры, мне одолжила Камбару-сан; я надела купальник и пришла в нём в этот храм.

Да, я в нём пошла не в море плавать, а полезла на гору.

И на территории храма — это место также называют «прогалиной», где собирается всякая нечисть, — совершила обряд, чтобы снять с себя проклятие.

Не могу сказать, что сам обряд прошёл удачно, но жаловаться не приходится... Ой, точно! И как это я забыла её?

Когда думаю о храме Северной Белой Змеи, на ум тут же приходит Богинядэко, однако Тихонядэко *тоже* имеет отношение к нему.

Более того, храм сильнее всего ассоциируется с образом Тихонядэко, учитывая, какое несметное количество змеек она успела здесь расчленить... Увидев Онооки-тян с оторванными руками, ногами и головой, я должна была сразу предположить, что к нападению причастна не только Богинядэко, но и Тихонядэко.

Мне, честно признаюсь, было тяжело обсуждать с Ононоки-тян причины её провала, потому что со мной могло случиться то же самое: я даже не предчувствовала, на какое преступление пойдёт Богинядэко.

— Итак, я увидел Тихонядэко, разгуливающую по улице в школьном купальнике, и сел ей на хвост, — продолжала Ононоки-тян. — Поначалу я собирался уничтожить её с помощью *Unlimited Rulebook* («Безграничного свода правил»), как только обнаружил, но потом решил продолжить наблюдение: пусть, мол, ещё поплавает. Недаром же она в купальнике.

— ...

Только не надо каламбурить, пожалуйста!

Ты в таком бедственном положении, голова вон оторвана... Если засмеюсь, тебе может показаться, будто я так делаю из жалости!

— Нам же в итоге надо разобраться со всеми четырьмя *сикигами*, так? Тихонядэко, как мне казалось, особой опасности не представляет, вот я и прикинул: а что, если воспользоваться ей в качестве наживки и устроить что-то вроде рыбалки на аю⁵? Нельзя ли тогда выловить всех *сикигами* одним махом?⁶

Хм.

Ононоки-тян действует по обстановке, притом не упускает из вида общую картину и думает, как бы поймать всех сразу, в отличие от меня с прямолинейным подходом «по одной за раз», — наши методы кардинально отличаются. Ширина и глубина её познаний, а также понимание ситуации удивляют, — в этом, я бы сказала, и есть разница между профессионалом и человеком без опыта.

Хотя в какой-то момент у меня тоже мелькнула в голове стратегия воспользоваться одной Надэко для поимки трёх других: найти общий язык с Анти-Надэко, я подумала, будет тяжело, зато с помощью общительной и предприимчивой Надэкокетки, может, и получится поймать остальных.

Правда, с моей «находчивостью» я бы ни за что не уговорила её, поэтому, с учётом опасности, которую она представляла для учеников класса 3-5, не могла оставить в живых.

— Так вот, когда Тихонядэко, всё в том же школьном купальнике, стала подниматься на гору, я пошёл за ней... И всё-таки не могу не заметить, как ловко меня обставили. Из Тихонядэко вышла идеальная приманка.

— Приманка... — повторила я за Ононоки-тян.

— Да. Я попал в западню. Её устроила Богинядэко, — это она заманила меня сюда. Хитростью заставила подняться на вершину, а когда я благополучно добрался до храма, напала со спины и разорвала на куски змеиными клыками.

«Собрался выудить *сикигами*, вошёл в реку, — так хотел блеснуть умом, а сам же на блесну повёлся», — досказала она по-прежнему монотонно.

Говорю же, не надо пытаться меня рассмешить!

Поверь, мне смешно уже от того, что среднеклассница полезла в горы в одном школьном купальнике!

— Это не я отпустил Тихонядэко в воду, а Богинядэко... Чёрт возьми, куда катится этот мир, если *сикигами* теперь используют других *сикигами* в своих целях?

Кто бы говорил...

Но это, по-моему, было неизбежно: достаточно вспомнить, какой у Тихонядэко покладистый характер. Да, они обе *сикигами*, но другая-то к тому же ещё и бог.

Так, левая нога Ононоки-тян, кажется, приросла (она реально присоединилась к телу! Фух, прямо гора с плеч!) — теперь попробую прилепить правую. Нóги я вроде бы не перепутала, но расслабляться так или иначе нельзя, чтобы не ошибиться с углом, под которым они крепятся к туловищу... Ононоки-тян, судя по всему, всё равно будет потом докручивать их под себя, однако на данном этапе — а сейчас она очень надеется на мою помощь — мне хотелось оправдать доверие и сделать для неё всё, что в моих силах.

Я работала на автомате, но, когда вдруг пришла в себя, поняла, что провожу сложную хирургическую операцию на очень тяжёлом пациенте, и стала убеждать себя, будто на самом деле просто играю с куклой в доктора.

Правда, кто вообще играет с трупом?

— А, Ононоки-тян, что будем делать с одеждой? — опомнилась я. — Её тоже, как бы сказать, не пожалели и разорвали на клочки...

— Да, надо что-нибудь придумать. Штопать нечем: иголки с ниткой под рукой, конечно, ни у кого нет, — можешь аккуратно оборвать клочья? И не забирай слишком много, а то будет совсем неприлично.

Хорошо.

Превращу её платье в безрукавный топик и мини-юбку, — в таком образе Ононоки-тян будет выглядеть очень свежо.

Свежим трупом, так сказать...

У неё ещё и волосы заметно укорочены — ну уж это полная смена имиджа!

И если эксперимент сестрёнки Содати с имиджем вышел неудачным...

То из Ононоки-тян удалась, что называется, версия Ойкуры-сан здорового человека, хотя эта странность по сути и труп.

У меня получились две *сикигами* в одной — Ононоки-тян напоминала и саму себя, и сестрёнку Содати, — если судить чисто по внешнему виду... Ну, может, две — это я загнула, но Ононоки-тян в любом случае *сикигами*.

Кстати, что же это выходит: пока я примеряла модные шмотки в комнате Цукихи-тян, две Надэко-*сикигами* рвали Ононоки-тян на куски вместе с её одеждой? Стало очень стыдно перед подругой, когда я прокрутила в голове эту мысль; навалившееся чувство вины, казалось, раздавит мои хрупкие плечи.

Погодите-ка, а что случилось раньше?

Тихонядэко сначала слонялась по городу в одних блумерсах, потом переделалась в школьный купальник и полезла на вершину? Или *сикигами* променяла купальник на блумеры уже после того, как спустилась с горы в город?

Что бы там первым ни было, она в любом случае извращенка, каких свет не видывал, и на этом, мне кажется, надо заострить особое внимание... Нет, я вовсе не пытаюсь перевести стрелки с себя на Тихонядэко и придать больше значимости вопросу: а чем это *она*, собственно, занималась в тот момент, когда я тихо и мирно переодевалась? — чтобы тем самым хоть немного уменьшить чувство вины за упущенное время, которое потратила на выбор модной одежды.

— Ну а как твои успехи, Сэнгоку Надэко? — вдруг поинтересовалась Ононоки-тян. — Вижу, ты сменила свои ужасные тряпки на красивый наряд. И по крайней мере с Богинядэко не сталкивалась, судя по тому, что прямо сейчас приклеиваешь мне руки и ноги.

Не надо, пожалуйста, судить о чём бы то ни было только потому, что я приклеиваю твои руки и ноги... Как вспомню, что сегодня меня саму чуть не расчленили, так сразу бросает в холодный пот!

Откровенно говоря, мне было очень тяжело сообщить профессионалу, потерпевшему сокрушительное поражение, о своём успехе — я поймала две *сикигами* подряд, — но раз уж она заметила, что я оделась по-модному, то скрывать от неё причину такой перемены я больше не могла.

И, пока занималась лечением (или ремонтом?) Ононоки-тян, я рассказала ей обо всём, что со мной случилось, стараясь оставаться максимально объективной, чтобы она не подумала ненароком, будто я рисуюсь, и в то же время не упуская ни единой мелочи, насколько это было возможно.

«Когда имеешь дело со сверхъестественными явлениями, — говорил Осино Меме-сан, — никогда не знаешь, какая мелочь может натолкнуть на решение проблемы, поэтому рассказывать нужно обо всём, не обделяя вниманием даже самые незначительные детали...» Ну, у меня и впрямь получился рассказ о встрече с нечистой силой.

И если не передать его другому, то как он поймёт, в чём обстоит дело?

Правда, о звонке Сэндзёгахары-сан я, само собой, умолчала: даже упоминать об этом было страшно!

Ононоки-тян выслушала меня хладнокровно — она же профи как-никак, — зато, когда я закончила «хвастать» своими успехами (причина которых — чистое везение, и только), отпустила холодное замечание:

— Подумаешь, двоих поймала. Нос не задирай.

То есть Ононоки-тян казалась хладнокровной только снаружи? Вела себя спокойно, говорила ровным голосом...

Но внутри неё тем временем бушевала обжигающая зависть!

— Включила скромность — и давай по ушам ездить. Зараза.

— Э-э, — замешкалась я на мгновение, переваривая её слова. — Может, оставишь свою ненависть на потом? Я тут, вообще-то, самоотверженно помогаю тебе срastить руки и ноги с телом...

— Ещё и Осино Оги не хватало... — продолжала Ононоки-тян, пропустив мой упрёк мимо ушей. — Как влезет, так сразу всё переворачивается с ног на голову... Час от часу не легче. Спрошу, просто чтобы удостовериться: Сэнгоку Надэко, ты больше не пересекалась с Осино Оги после того, как вы разошлись?

— Н-нет... Я тоже очень волнуюсь за него. Оги-сан должен был проверить показания свидетелей и отправиться по следам Тихонядэко, но если случится самое худшее и он в одиночку наткнётся на Богинядэко, то уйти целым и невредимым ему, наверно, не удастся...

— Я волнуюсь не по этому поводу.

Понимаю, о чём ты.

О другой его стороне мне тоже известно.

Я многое рассказала Ононоки-тян, в том числе и то, что молилась в душе о здравии Оги-сана, чтобы с ним, не дай бог, чего не случилось, но мои молитвы были напрасны: по-моему, он в любом случае выйдет сухим из воды, даже если весь мир вокруг него рухнет.

Оги-сан хоть и не специалист, но племянник Осино Меме-сана, а это уже даёт ему некоторое преимущество.

— Хотя если он наткнётся на Тихонядэко, — продолжала я свою мысль, — то ничего хорошего ему, скорее всего, тоже не светит: они же с Богинядэко теперь заодно.

Союз двух *сикигами* сулил неприятности, и всё же ситуация в каком-то смысле упростилась.

Когда другие Надэко разбежались кто куда и каждая действовала в одиночку, их преследователям пришлось так же разделиться, но раз оставшиеся беглянки заключили союз, мы тоже можем образовать команду и работать сообща.

Теперь будем сражаться друг с другом в командах!

— У командной борьбы помимо достоинств есть и свои недостатки, знаешь ли... К примеру, мы окажемся в неравных условиях, если Тихонядэко, вследствие влияния Богинядэко, под командование которой она попала, обретёт новые качества, а такая опасность реально существует.

— Новые качества? — переспросила я.

— Вероятно, качества бога. В худшем случае нам придётся сражаться сразу с двумя Богинядэко.

Н-да... Хуже и не придумаешь!

Причём шанс этого очень велик!

Я же сама когда-то была Тихонядэко, а потом стала Богинядэко... У них хоть и разный внешний вид, но между ними нет разницы: они обе Сэнгоку Надэко.

Получается, Сэнгоку Надэко настроила против себя Сэнгоку Надэко и Сэнгоку Надэко.

Незавидная ситуация.

— Погоди, Ононоки-тян. А мы в свою очередь не можем, наоборот, вернуть Богинядэко на уровень Тихонядэко или хотя бы Надэкокетки?

— Ну... Может, и смогли бы, если бы позвали на помощь кого-нибудь вроде известного тебе мошенника, — скептически (или даже кайкически?) отнеслась Ононоки-тян к моей инициативе по деградации в ответ на эволюцию (вернее, по очеловечиванию в ответ на обожествление?)... Хм-м, ну, сможем мы провернуть такой трюк или нет — не самое важное: Ононоки-тян, после того как её расчленили, всё равно не в том положении, чтобы отказываться от помощи, поэтому я предложила ей, почему бы, мол, просто не обратиться к Кайки-сану или любому другому специалисту?

Или даже связаться с главой специалистов, Гаэн-сан?..

— Я не хочу никого звать по двум причинам, — отвечала она. — Во-первых, потому, что о моём провале тогда станет известно всем, а во-вторых, потому, что специалисты избавятся не только от *сикигами*, но и, скорее всего, от тебя в придачу.

Ну, первая причина ещё не конец света, а вот вторая, конечно, заставляет нервничать.

Хотя первая всё-таки тоже.

Ононоки-тян не сказала напрямую — наверно, чтобы не тревожить меня? — но дело, я так понимаю, не только в стыде: если провал, который она хочет сохранить в тайне, станет достоянием общественности, то это может привести к тому, что помимо моих *сикигами* избавятся ещё и от самой Ононоки-тян? Она ведь не человек, а такая же странность-*сикигами*.

Шутка ли — теперь её положение ничем не лучше моего!

По моей просьбе она, конечно, ни за что не свяжется с другими специалистами, и всё же я думаю, что, когда медлить больше будет нельзя, Ононоки-тян, как профессионал и как *сикигами*, примет это непростое решение.

— Но ведь если богов станет двое, — рассуждала я, — то мы уже не сможем с ними справиться, поэтому я и хочу разобраться с *сикигами* до того, как это произойдёт... Богинядэко и Тихонядэко скрылись с места преступления сразу после того, как зверски расправились с тобой, правильно понимаю, Ононоки-тян?

— Да. Только они не скрылись, а скорее, пошли убивать следующего, то есть тебя, Сэнгоку Надэко.

Какая решительность и наглость — удивительно!

Совсем на меня не похоже.

Хотя мои *сикигами* и похожи на меня.

— Значит, мне повезло разминуться с ними... А что, если подождать их в храме? Вдруг улыбнётся удача и в поисках меня они рано или поздно снова появятся здесь?

— Будь у нас в запасе больше времени, мы бы, может, так и поступили, — отклонила Ононоки-тян очередное моё предложение, — но не забывай про риск превращения Тихонядэко в Богинядэко — нам нужно не отсиживаться в засаде или подставляться под удар, ожидая, когда *сикигами* сделают шаг первыми, а преследовать их.

Это, конечно, всё правильно...

И всё же как искать двух *сикигами*, когда те скрылись в неизвестном направлении?

Если стоит задача найти цели, постоянно кочующие по разным местам города, то чутьё подсказывает, что для начала имеет смысл опросить людей на улицах: возможно, кто-то видел, куда направлялись две девушки, — тогда мы могли бы воспользоваться этими показаниями и броситься в погоню; однако *сикигами* ничто не мешает поступить хитро и передвигаться скрытно, — в таком случае вероятность найти их стремительно близится к нулю.

Пусть Богинядэко пока на шаг впереди, но стоит нам с Ононоки-тян хорошенько всё обмозговать — и мы обязательно придумаем какой-нибудь нестандартный ход, которого *сикигами* не ожидает...

— Ты, кстати, не подумай, будто меня застали врасплох, расчленили, а я даже ничем не успел ответить. Да, я проиграл сражение, но в то же время, скажем так, *приложил руку* к победе в нашей общей войне.

— Руку?..

Что она имеет в виду?

Я ничего не поняла и в недоумении склонила голову набок, при этом сосредоточенно держа в руках голову Онооки-тян... С её руками и ногами я, в общем, разобралась — они снова приросли к телу, — так что теперь пыталась приклеить голову.

Сейчас присоединю её — и ремонт готов... Погоди-ка!

Ой, кажется, ошиблась. Ещё не готов.

Вроде все части тела собрала, но где тогда правая кисть?

— Я треснул правой рукой по спине Богинядэко и прилепил к ней кисть... — объяснила Онооки-тян. — Считай, буквально приложил руку. Так что могу идти на её зов, где бы *сикигами* ни пряталась и как бы ни старалась, словно настоящая змея, вести себя тише воды и ниже травы. «Стыдно признаться, но это единственный профессиональный трюк, который я успел применить на ней», — досказала она всё тем же монотонным голосом и всё так же без единой эмоции на лице, пока я держала её отрубленную голову в руках... Кажется, мы едва избежали беды ⁷.

Примечания

1. Сугита Гэмпаку (1733-1817) — знаменитый японский врач. Он изучал анатомию человека, проводя вскрытия трупов, и обнаружил, что в западных трудах рисунки внутренних органов выполнены гораздо точнее, чем в китайских учебниках, имевших тогда большое хождение в Японии, после чего, совместно с другими учёными, решил перевести «Анатомические таблицы» голландского врача Герарда Диктена и на её основе создал первую японскую научную работу по анатомии.

2. У этой древнегреческой мраморной скульптуры помимо рук отсутствует также и голова.

3. Ёцуги подражает реплике Киссшот, только та, при первой встрече с Коёми, потребовала от него подать ей не плоть, а кровь.

4. В Японии распространена легенда о кукле с растущими волосами на голове. В начале XX в. одной маленькой девочке по имени Окику подарили совершенно обычную куклу, но та недолго радовалась своему подарку и скоропостижно скончалась от обычной простуды. Убитая горем семья возложила любимую куклу дочери на домашний алтарь и ежедневно молилась в память о девочке. Согласно легенде, дух Окику не смог упокоиться с миром и вселился в куклу. Спустя какое-то время родные начали замечать, что у куклы растут волосы. В 1938 году один из членов семьи отдал эту куклу в храм Маммэн, где она находится по сей день. Священники проводят над ней обряды, читают молитвы и временами подстригают её.

Однако же феномен растущих волос не объяснён до сих пор: настоятели категорически против детального изучения куклы.

5. Метод ловли, на который намекает Ёцуги, изобрели японские рыбаки более 430 лет назад. Ловля происходит на живца (на точно такую же аю) или на рыбку-обманку (если под рукой нет живой). К системе из носового карабина и двух крючков для верхнего и анального плавников крепится рыба, далее в петлю нижнего крючка продевается узелок от ещё одной короткой лески, на конце которой и находится крючок для ловли. Приманку отпускают в воду, она плавает в потоке, а крючок болтается сзади неё. Суть ловли в том, что аю очень усердно защищают свою территорию кормёжки от чужаков. Таким образом, когда рыба видит приманку, она атакует её в живот и сама натывается на крючок. То есть Ёцуги, по аналогии с ловлей аю на другую аю, думала «закинуть» *сикигами* в «места обитания» других *сикигами*, чтобы поймать их, когда Тихонядэко выманит тех к себе.

6. Ёцуги использует слова Ван Гунчэня (1012-1085). Он служил в Цензorate (орган надзора в Китае за работой чиновников) и по тайному поручению императора Жэнь-цзуна расследовал обвинения в незаконной растрате казённых денег чиновниками из правительства. В ходе проверки выяснилось, что в этом замешаны высшие должностные лица, состоящие в родстве между собой. Ван Гунчэнь разработал план по поимке организованной группы с поличным, и когда ему удалось застать их всех на месте преступления, он радостно воскликнул: «Я выловил вас всех одним махом!» Также и Ёцуги хотела одним махом выловить всех *сикигами*, которые тоже, так сказать, состоят друг с другом в родстве.

7. Надэко использует выражение «*куби но кава итимай дэ цунагару*», что в переносном смысле означает удачу, которая приходит в последний момент, а в прямом описывает ситуацию, когда голова свисает с шеи на маленьком кусочке кожи. Выражение имеет глубокие корни и отсылает к средневековым временам, когда в Японии появилась практика *кайсяку* — помощи при совершении *сэппуку*, ритуального самоубийства. Поскольку вспарывать себе живот очень больно, а умирать от этого можно долго, то в обряд *сэппуку* ввели помощника, *кайсякунина*, который в определённый момент должен был отрубить голову самоубийце, чтобы предотвратить его предсмертную агонию. Однако удар нужно было нанести максимально аккуратно, чтобы голова совершающего *сэппуку* осталась висеть на кусочке кожи, потому что полностью отрубленная голова означала бы проявление крайнего непочтения к умершему, а слабый удар лишь усилил бы его агонию. В регламенте проведения *сэппуку*, где были расписаны действия каждого, как раз и берёт своё начало выражение «*куби но кава итимай дэ цунагару*», которое по прошествии многих лет обзавелось вторым смыслом.

У нас с Ононоки-тян — всё благодаря её заслуге — появилась слабая надежда догнать двух *сикигами*, и тем не менее её самоотверженный поступок обещал новые проблемы: Ононоки-тян пришлось, грубо говоря, действовать по плану «страдания плоти»¹.

Или по плану «трупной плоти», если точнее?

Я так понимаю, Ононоки-тян не очень хотела прибегать к нему — хотя чисто физически ей ничто не мешало, — потому что в обмен на возможность преследовать наших противников была вынуждена принести жертву, а именно расстаться с правой кистью.

Другими словами, она больше не могла использовать свою ведущую руку.

Ононоки-тян утверждала, что не чувствует боли — и в этом ей повезло, — поскольку давным-давно мертва, однако в то же время потеря рабочей кисти, с точки зрения боеспособности, означала резкое снижение эффективности ведения боя, что, можно сказать, перечёркивало для странности все плюсы.

— Сделаешь импровизированный протез, прежде чем отправимся в погоню? — попросила Ононоки-тян. — Слепи вон из храмовой земли. Дай волю своей тонкой, артистической натуре, Сэнгоку Надэко, а то ты, вижу, решила сдерживать её порывы со всем старанием.

Ты просишь невозможного!

Ведь до этого моя «тонкая, артистическая натура» проявлялась лишь в работе с пером и бумагой...

Но если у меня получится слепить протез из храмовой земли (и к тому же полностью заменить им утерянную кисть Ононоки-тян, восстановив все функции), то не будет ли это прямым доказательством милости божией? Всё-таки Ононоки-тян столько всего успела натерпеться — её расчленили, а части тела разбросали по округе, — да и эта земля не простая, а святая.

Мы же на территории храма — может, нам повезёт и свершится чудо?

Более того, в этом месте образовалась «прогалина», которую облюбовала различная нечисть; здесь настоящий отстойник, куда беспрепятственно стекается всё «плохое», что может стать материалом для формирования странностей; но именно благодаря этой местности и всему тому, что сюда стекается, во время обряда по изгнанию змеи, обвивавшей меня с головы до ног, стали видны её движения: она оставляла свой след на земле там, где проползала, а ведь никто даже не должен был видеть её... Стоп!

«Стекается», я сказала?

Нет, так говорить уже нельзя.

В то время, когда я совершала обряд, чтобы снять с себя проклятие, всё «плохое» ещё в самом деле стекалось сюда, но разве Осино Меме-сан не предотвратил разрастание «прогалины»?

Это же было частью его работы, если не ошибаюсь... Да и Гаэн-сан, которая приходится Осино Меме-сану сэмпай, пыталась посадить в храм Северной Белой Змеи — тогда он был ещё заброшен и никому не нужен — нового бога, чтобы ничто «плохое» больше не скапливалось на святой земле.

Изначально кандидатом на пост богини прочили, как любит выражаться Ононоки-тян, бывшую Кисшот Ацеролаорион Хартандерблейд, то есть вампиршу, ныне известную как Осино Синобу-сан, но я отбила у неё эту роль.

И так на свет появилась Богинядэко.

Я стала богом этого храма, что позволило восстановить весь комплекс, отстроив его заново; признаться, когда вспоминаю время своего почитания, мне кажется, будто оно пролетело незаметно... Ну а после меня храм снова начал пустовать, и только несколько месяцев спустя здесь вновь свершилось богоявление.

Извините, что так долго подводила к главному, но, в общем, на храмовой земле, после всех этих событий, к сожалению, больше нет ничего «плохого», что может послужить материалом для формирования странностей... В связи с этим Ононоки-тян, боюсь, никак не удастся избежать потери боеспособности.

— Да, здесь уже никого и ничего не осталось. Сисируи Сэйсиро тоже больше нет.

— ? А кто это? — поинтересовалась я у Ононоки-тян.

— Мужчина с трагической судьбой, который так и не смог стать кем-то особенным, — загадочно объяснила она, после чего вернулась к прежнему разговору: — Ну ладно, не нервничай по поводу тонкой и артистической натуры, — это я в шутку. Мне не нужна правдоподобность и эстетика — просто проследи за весом, чтобы протез не влиял на походку и меня не клонило в стороны.

Фух, это уже проще — спасибо за уточнение!

Я смочила комок земли водой из *о-тёдзу*, несколько раз зачерпнув оттуда ковшиком², размяла его до образования пластичной грязи, а затем с большим усердием принялась лепить из этой чавкающей кашицы правую кисть Ононоки-тян.

Не думала, что в таком возрасте всё ещё буду играть с грязью, словно ребёнок³... Что-то вспомнилось, как я искала священное тело Кутинавы-сана, только тогда, правда, возилась не с грязью, а в песочнице. Не помню, в каком парке это было?

— Ой, забыла спросить, Ононоки-тян!

— О чём?

Все части тела, за исключением разве что отсутствующей правой кисти, уже склеились с её туловищем, однако Ононоки-тян на всякий случай проявляла осторожность: не шевелилась и всё так же лежала на спине прямо на храмовой дороге, — не дай бог её руки, ноги и голова снова отвалятся от внезапного движения! Видимо, она ждёт, когда конечности крепко-

накрепко срastутся с телом, чтобы не пришлось тратить время, которого и так нет, на очередной ремонт.

— Этот... новый бог сейчас в святилище? Из меня, конечно, та ещё богиня вышла — одно название, — но я подумала, что стоит поприветствовать своего преемника.

— Нет, — отвечала Ононоки-тян, — бог на время оставил святилище. Он, видишь ли, ужасно любит гулять по улицам города, — это всё происхождение сказывается... Но нам в любом случае повезло, что бог отошёл, а по причине любви к прогулкам или это было проявление божественного провидения — не так важно. Потому что если бы они с Богинядэко не разминулись, то *сикигами*, вероятно, попыталась бы силой вернуть себе власть над этим храмом.

— ...

Ононоки-тян говорила совершенно равнодушно о таких серьёзных вещах, но ведь если дело дойдёт до возвращения Богинядэко в пантеон богов, то нас ожидают очень большие неприятности!

Остаётся только гадать, хочет ли сама Богинядэко вернуться на место бога?.. Смена почитаемого божества в храме затронет каждого жителя.

Сикигами перестанут быть моей личной проблемой.

И тогда-то я уж точно окажусь права в том, что паника охватит весь город!

— А с богом ничего не случится во время прогулки? — беспокоилась я. — Пускай они с Богинядэко разминулись и не встретились в храме, но что мешает им столкнуться на улицах города?

— Ничто не мешает. Наверно, целесообразнее было бы сперва обеспечить защиту нового бога... но он словно ребёнок, который вечно теряется, и найти его, думаю, будет ещё труднее, чем *сикигами*.

Словно ребёнок, который вечно теряется?

Не мне, конечно, жаловаться, но мой преемник точно подходит на место бога?

— А нельзя ли как-нибудь объединиться с этим гуляющим богом и убедить его помочь с поимкой *сикигами*? Судя по тому, как ты о нём говоришь, Ононоки-тян, вы должны быть на короткой ноге, я права?

Расценим это мольбой о помощи: люди всегда обращаются к богу в трудную минуту.

И хотя по сути получится, что мы втянем его в разборки практически против воли, но проблема *сикигами*, в свете предположения Ононоки-тян о том, что Богинядэко может попытаться вернуть храм себе, касается и новоиспечённого бога тоже, поэтому, думаю, в его же интересах оказать нам посильную помощь.

Он же, надеюсь, не откажет в просьбе разобраться с делами своего предшественника?

— Ты правильно предположила: мы с этим богом на короткой ноге, поэтому я не стану ни о чём его просить, — заявила Ононоки-тян. — Надежда на бога в нашем случае наверняка даст нежелательные всходы в будущем. Да и разбираемся мы не с «делами предшественника», а с результатом нашей безответственности. Однако если я попрошу бога о помощи, ничего не обещая взамен, то это, скорее всего, подорвёт его доверие ко мне. Мы с тобой просто хотим спастись, что естественно, но бог не обязан нам помогать за просто так: нужно заслужить его расположение.

— ...

Осино Меме-сан, помнится, говорил, что *помочь себе можешь только ты сам*.

А Ононоки-тян помогает мне, когда я прошу её позировать для эскизов, — её принципы отличаются от принципов Осино Меме-сана, но мне кажется, что на определённые вещи у всех опытных специалистов выработаны более-менее общие взгляды.

— Если ты за моё здоровье волнуешься, то не стоит: Богинядэко собиралась убить не меня, а тебя, — для того она и устроила те салочки с Тихонядэко... — «успокаивала» Ононоки-тян. — А создав идеальные условия, готовилась, очевидно, совершить *coup d'état*⁴ против своей наследницы, чтобы изменить её — то есть уже свою — жизнь на корню, не думаешь?

Создав идеальные условия...

То есть присвоив себе мою личность и заняв моё положение в обществе.

Значит, Богинядэко — в отличие от Анти-Надэко, которая боролась со мной лишь из чувства ненависти к усердному труду, — на самом деле хочет быть мной?

Мне сразу поплохело.

Я и так слабачка, а тут ещё недомогания не хватало.

Говорят, минус на минус всегда даёт плюс, да?.. Но я что-то не чувствую, чтобы клин вышибало клином, и не спешу принимать это на веру.

Надо будет попросить сестрёнку Содати — она учится на механико-математическом факультете — объяснить на пальцах теорию умножения отрицательных чисел, если мне, конечно, представится такая возможность...

— Ну что, твоя правая кисть готова, — сообщила я Ононоки-тян.

Я слепила протез наскоро, так что выглядел он просто ужасно, иначе и не скажешь, но Ононоки-тян не волновал внешний вид: она просила только об одном — следить за весом, и я, думаю, смогла обеспечить баланс, чтобы кисть была не очень лёгкой и не сильно тяжёлой.

— Но разве она не развалится, когда ты двинешь рукой?

— Всё будет нормально: надо только присоединить к телу. *Принцип работы* именно такой, — заверила Ононоки-тян.

— Ну ладно...

Не очень понятно, о чём говорила Ононоки-тян, но специалисту должно быть виднее, и раз она утверждает, что всё будет нормально, значит, всё будет нормально. Но даже если что-то пойдёт не по плану, то протез в любом случае останется неказистым, — он же слеплен из грязи; Ононоки-тян, впрочем, осталась довольна.

— Отлично. Спасибо, — поблагодарила она.

По-прежнему безэмоционально.

— Ну так что, Ононоки-тян, где сейчас находится Богинядэко? Где твоя родная правая кисть, которую ты прилепила к её спине? — спрашивала я, сама между тем думая, что, в зависимости от места, которое она назовёт, нас могут поджидать разные ловушки, заранее расставленные *сикигами*.

— Это же кисть, а не глаз — точное место мне неизвестно, — отвечала Ононоки-тян, уничтожая все мои предположения. — Я могу определить лишь направление.

Кисть, глаз — каждая часть тела, получается, *работает* по-своему, — это ещё один из «*принципов*» Ононоки-тян?

Очень интересно узнать, как всё устроено, но оставляю расспросы на потом.

Определить направление... То есть вперёд, назад, вправо или влево, на север, юг, запад или восток и, наконец, вверх или вниз?

Знать, в какую сторону идти, само по себе уже очень ценно, тем не менее чувство тревоги не покидало меня.

Допустим, Ононоки-тян установит, что двигаться надо на восток, но мы-то не знаем, как далеко на востоке находится Богинядэко, — в таком случае недолго предположить, что она где-нибудь в Америке.

А паспорта у меня, естественно, нет, равно как и много чего другого⁵.

— Нет, в Америке её точно не может быть, — гарантировала Ононоки-тян. — Бог она или обычная странность, Богинядэко несомненно остаётся одной из призванных тобой *сикигами*, а значит, ограничена теми сторонами жизни, какими ограничена ты сама.

«Пока не убьёт и не заменит тебя», — досказала Ононоки-тян; её уточнение порядком меня испугало. Что бы Богинядэко ни делала, всё направлено на одно: заменить меня, — это её главная цель, верно?.. По-моему, мой замкнутый образ жизни ещё никогда не приносил такой ощутимой пользы.

Повседневная жизнь среднелассниц и так не богата разнообразием, а у хикикомори она загнана в ещё более узкие социальные рамки.

— Ох, слава богу, что я безвылазно сижу дома!

— А если б не сидела, как сыч, в четырёх стенах дни напролёт, ничего бы этого не случилось, — отпустила колкое и немного обидное замечание Ононоки-тян.

Но она права — всё не слава богу!

...А ведь те места, где сегодня побывали мои *сикигами* — средняя школа № 701, дом Арараги, храм Северной Белой Змеи, — так сказать, мелькали в лайфлоге⁶ Сэнгоку Надэко. Выходит, наспех сколоченная команда из Богинядэко и Тихонядэко в самом деле должна прятаться где-то в пределах нашего города.

— Подъём, — монотонно произнесла Ононоки-тян, затем проворно вскочила на ноги, выпрямилась и легонько подпрыгнула. Когда я увидела прыжок, внутри меня всё будто оборвалось: она, казалось, сразу развалится, как только приземлится, — настолько я не верила, что всё сделала правильно (ну конечно: я ещё ни разу не собирала труп по частям!), — однако страшные раны Ононоки-тян затянулись: ни одна из частей тела не то что не оторвалась, а даже не съехала!

Ононоки-тян... воскресла.

— Молодец, хорошо потрудились, — похвалила она. — Но только с правой кистью, а остальное всё шатко-валко — того и гляди развалюсь... Пожалуй, лучше пока не буду пользоваться *Unlimited Rulebook* («Безграничным сводом правил»), если только в самом крайнем случае.

— Ну да... лучше не надо.

Я привыкла к тому, что Ононоки-тян использует эту способность — *Unlimited Rulebook* («Безграничный свод правил»), — чтобы придать своему телу какую-то форму, когда позирует мне для эскизов, однако представляю, какую нагрузку испытывает организм, если использовать её для убийства, — тогда один удар приобретает такую силу, что способен разнести в щепки входную дверь жилого дома!

Руки, ноги и голова Ононоки-тян сейчас держатся на честном слове — от такого удара она рискует разлететься на куски вслед за *сикигами*...

— И разлечусь. Так что ударить смогу только один раз.

— Один раз... — повторила я за Ононоки-тян на автомате. — Но нам же осталось поймать двух *сикигами*?

— Лучше всего прибить одним махом сразу двух, однако подловить их на одной линии будет сложно: Богинядэко избрала стратегию с отвлекающим манёвром и воспользуется Тихонядэко в качестве приманки.

То есть как Надэкокетка возвела «стену из людей», окружив себя одноклассниками, так и Богинядэко, вероятно, будет защищаться «стеной из Надэко», отправив Тихонядэко на передовую.

Какая жестокая Сэнгоку Надэко! И как мне жаль бедную Сэнгоку Надэко!

Они же обе Сэнгоку Надэко, в конце концов.

Они же обе — я.

— Вот что, Сэнгоку Надэко, — обратилась ко мне Ононоки-тян. — Сейчас я не в состоянии сражаться, поэтому надеюсь, что дальше ты справишься преимущественно сама. Схватка с *сикигами* ляжет на твои плечи, а я лучше отойду на второй план.

— Чт... Но... но я не смогу! — запаниковала я, однако беспомощный вопль не пронял Ононоки-тян (она всегда была спокойна как скала).

— Почему не сможешь? Ты ведь уже поймала двух *сикигами*. Осталось лишь повторить свой успех ещё два раза, — невозмутимо произнесла Ононоки-тян. — Я подрастерял сноровку, связавшись с Арараги Цукихи, а ты приобрела свежий опыт в поимке *сикигами* — тебе будет проще, чем мне.

— По-моему, не стоит всё сваливать на одну Цукихи-тян... — заступилась я за подругу, припомнив, что обошлась с ней нехорошо, стащив одежду...

А также за эгоистку, которая вечно себе на уме и не уважает чужие точки зрения и привычки!

— К тому же до этого я встречалась с *сикигами* по одной за раз и мне едва удавалось справиться с ними! — продолжала я давить на жалость. — Да даже если позабыть о божественной природе Богинядэко, я не могу *одна* противостоять сразу *двум сикигами*.

— Да ладно, тебе ли жаловаться? Ты не одна, — решительно заявила Ононоки-тян.

Это она так хочет приободрить меня, чтобы я не теряла голову? Неужели в нашем городе остался хоть кто-то, с кем я ещё не оборвала все связи и кто откликнется на мой зов о помощи?

Может, она намекает на Оги-сана и Цукихи-тян?

Я даже не представляла, о ком говорит Ононоки-тян, пока она не указала пальцем правой кисти, слепленной из грязи, на меня... Точнее, на карман юбки-штанов.

А ещё точнее, на выпирающую из кармана кипу листов, два из которых уже были использованы...

— Не думала, что с учётом Надэкокетки и Анти-Надэко — двух *сикигами*, которых ты изгнала и запечатала на бумаге, — вас теперь три, а, Ныненадэко?

Примечания

1. Имеется в виду 34-я стратагема (военная хитрость), сформулированная в древнекитайском военном трактате «Тридцать шесть стратагем» под названием «Стратагема нанесения самому себе увечья». Суть данной хитрости состоит в том, чтобы специально нанести себе увечье с целью обмануть противника (ведь никто никогда не подумает, что человек в здравом уме станет заниматься членовредительством).
2. *О-тёдзу* — место, где прихожане моют руки и полощут рот, прежде чем посетить синтоистское святилище, а также резервуар или природный водоём, где находится вода, необходимая для этого ритуала. Каждый прихожанин обязан пройти ритуал очищения перед обращением к богу.
3. В Японии учителя часто занимают школьников начальных классов лепкой *дороданго* — шара из земли и воды. Это очень медитативный процесс, благодаря которому дети развивают мелкую моторику рук и учатся усидчивости.
4. Государственный переворот (*франц.*)
5. Имеется в виду паспорт подданного Японии — заграничный паспорт, иными словами. У японцев нет внутренних паспортов или каких-то других универсальных документов удостоверения личности. Японские граждане, по требованию подтвердить свою личность, могут предъявить всё, что у них под рукой: водительское удостоверение, медстраховку, регистрационные записи из мэрии и т. п. Любой из этих документов будет иметь такую же силу, какую в России, например, имеет паспорт гражданина РФ или свидетельство о рождении.
6. Лайфлог — блог, куда человек выкладывает видео, где зафиксирована вся его повседневная жизнь.

Сделаю небольшое отступление (не волнуйтесь: потом продолжу рассказ).

При создании манги неизбежно возникают моменты, которым мангаки, а особенно мы, начинающие мангаки, должны уделять пристальное внимание.

Проработать дизайн персонажей и сюжетную канву, конечно, очень важно, однако не менее важно сохранить реалистичную сторону художественного произведения, каким бы своеобразным ни был в нём авторский вымысел.

Понятно, что автору проще всего опускать неудобные подробности, но нужно помнить: все герои, играющие важную роль в произведении, должны в нём *жить*, а именно: питаться, спать, ходить в туалет, мыться, болеть и выздоравливать, радоваться и огорчаться, уставать и набираться сил, узнавать новое и забывать старое — всё это и тому подобное ни в коем случае нельзя упускать из виду.

То есть задача автора — изобразить жизнь во всех её проявлениях.

Но во время создания художественного произведения некоторые аспекты реальной жизни зачастую приносятся в жертву.

И когда ими пренебрегают, персонажи получаются пустыми и безликими.

Хотя если уделять слишком много внимания всевозможным жизненным проблемам и вопросам, то это, естественно, сведёт на нет всё удовольствие, какое получает читатель, окунаясь в чарующий вымышленный мир, поэтому умение соблюдать строгий баланс между реальным и вымышленным является ключевым, и тот, кто выработает это умение, сделает, можно сказать, первый шаг на пути к мастерству... Так, вернёмся в реальность!

Я сильно проголодалась.

Ещё бы — всё утро на ногах; я оббегала город вдоль и поперёк (удивительно, откуда только берутся силы у человека, привыкшего к тихой и мирной жизни затворника?), а потом даже взобралась на вершину горы, — пока мыкалась туда-сюда, уже наступил полдень.

Усталая телом и душой, я, честно говоря, была готова упасть замертво... Казалось, разреши мне кто сейчас поспать, я прилегла бы прямо на сырой земле.

— По-твоему, у нас есть время на перекус? — удивилась Ононоки-тян, выпучив глаза (да нет, конечно: она спросила с каменным лицом); зато у нас есть одна замечательная японская пословица: на пустой желудок много не навоюешь.

Японский язык прекрасен!

Питание для Ононоки-тян, судя по всему, далеко не жизненно важная потребность: она всё-таки кукла-труп (для неё это, скорее, баловство. Ононоки-тян обожает мороженое, да и то, наверно, лишь потому, что оно холодное или что во рту, после каждой ложки, разливается что-то лёгкое и нежное), — но я так не могу.

Не могу отказаться от еды, питья и других составляющих привычного уклада жизни.

Потому что ещё жива, в отличие от Ононоки-тян.

Мне тем более необходимо поест, что мы поскорей должны привести стратегию Ононоки-тян в исполнение. Иначе буду думать только о голоде и не смогу сконцентрироваться на деле, а я очень хочу избежать развязки, где умираю на поле боя!

К тому же прежде, чем отправляться на поисковую операцию, всегда важно привести себя в форму.

Я бы сейчас всё отдала за треугольничек онигири и бутылочку минералки!

Чтобы набить пустой желудок.

— Ты сейчас больше похожа на персонажей из видеоигр, чем на героев манги. Ну, из тех игр — как их называют-то? — из тех игр, где умираешь от голода, бродишь там по подземельям...

— А, этот жанр называется *roguelike*, — подсказала я Ононоки-тян. — В своё время «рогалики» были по-настоящему революционными¹.

— Спасибо, что просветила. В знак благодарности разрешаю тебе съесть мою правую кисть.

— Э-э, но я же слепила её из грязи...

Хотя предложи она другую часть тела, я бы тоже отказалась.

Итак, мы с Ононоки-тян спустились с горы и решили первым делом вернуться ко мне домой... чтобы подкрепиться, конечно, но это правда только отчасти: главной целью передышки было в деталях проработать наши дальнейшие шаги.

Тактический тайм-аут.

Если бы мы, поддавшись впечатлению или, того хуже, отдавшись на волю течению бурных волн, без раздумий и отдыха напали на *сикигами*, то разбились бы, как буруны о скалы.

Понимаю, как бессовестно выглядят эти оправдания, особенно в свете того, что я уже пару раз ходила на *сикигами* безо всякого плана, но именно поэтому, узнав, каково испытывать судьбу, я хочу предпринять все предосторожности, прежде чем вступить в схватку между нашими командами.

Мне подвернулся шанс заскочить домой, и я подумала переодеться в свою одежду, но поняла, что чужие вещи обеспечивают мне маскировку, поэтому решила остаться в них.

Вы не подумайте: всё дело в маскировке, а вовсе не в том, что я хотела чуть подольше походить в красивых шмотках!

И, конечно, не в загадочном характере Цукихи-тян, которая никогда не разозлится на меня, если стащить у неё одежду без спроса, но если попросить прямо — ни за что не даст поносить!

— Ну что, переоденешься, Ононоки-тян?

— Зачем? Мне нравится этот авангардный стиль: безрукавный топ и мини-юбка.

— Нет, я имею в виду для маскировки.

Если замаскируюсь одна я, а Ононоки-тян останется в своём, *сикигами*, скорее всего, узнают нас сразу.

А даже если нет, «авангардный стиль» Ононоки-тян будет слишком бросаться в глаза и привлечёт ненужное внимание.

Представляю, как, должно быть, испугается Богинядэко, увидев издалека «восставшую из мёртвых» Ононоки-тян, которую самолично же расчленила... Хотя Богинядэко сама странность и чудовище — вряд ли она замрёт от страха при виде Ононоки-тян, так что лучше нам понадеяться на незаметность и произвести, так сказать, полный рестайлинг модели².

Сделать «Ононоки-тян 3.0».

Есть и пить для неё не жизненно важно, но вот с одеждой, как вижу, всё по-другому: Ононоки-тян нравится менять имидж.

— Возьми что-нибудь из гардероба отца или матери, — указала я Ононоки-тян, — а то моя одежда, боюсь, тебя выдаст. Хотя какую-нибудь кепку, думаю, можешь взять у меня.

— Размер слишком большой: вещи будут некрасиво свисать; да и я в них, пожалуй, стану слишком выделяться... — сопротивлялась Ононоки-тян (кажется, она не сильно горела желанием расставаться со своим «авангардным стилем»), но в конце концов, видимо ещё раз вспомнив, как жестоко разобрались с ней *сикигами*, согласилась: — Ладно. Сделаю, как считаешь нужным. Можно взять одежду, которая ужалась после стирки, например. Моей сестрице наверняка будет неприятно, но попробую подобрать что-нибудь в стиле Гаэн-сан.

Какая неприятная личность эта её «сестрица»!

Ононоки-тян всегда носила платье, которое очень трудно нарисовать, а сейчас решила «подобрать что-нибудь в стиле Гаэн-сан», — значит ли это, что Гаэн-сан тоже любит носить какие-то замысловатые вещи?

После разговора Ононоки-тян пошла переодеваться наверх, а я — кухарничать.

Хотя из меня тот ещё повар — я вообще не умею готовить, — поэтому стала искать на кухне какую-нибудь быстрозавариваемую лапшу.

Отец с матерью оба работают, и кормить меня днём некому, но иногда они заранее готовят что-нибудь мне на обед и оставляют в холодильнике, вот только сегодня там, к сожалению, не оказалось ни одной завернутой в целлофан тарелки с едой.

Мы с родителями вели холодную войну.

Даже холодильник не такой холодный, как наши отношения.

Похоже, они решили взять меня измором.

Сестрёнка Содати обнадёжила, сказав, что родители могут втайне раскаиваться за сегодняшнее утро, но вот смотрю я сейчас в пустой холодильник и понимаю, что отец с матерью взяли за меня крепко и больше не позволят своей избалованной дочери безвылазно сидеть дома.

Я бы не сказала, что они поступают жестоко: скорее всего, это временный заскок, но мне всё равно стало грустно.

Если вернуться к разговору о реализме, об объективном отражении действительности, то поступок родителей — оставить несовершеннолетнего ребёнка без еды и воды — попадает под жестокое обращение с детьми... Однако я тоже хороша: отец с матерью загнали меня в жёсткие рамки, оставив мало времени на труд, а я решила справиться с проблемой, призвав четырёх *сикигами*. Совершила невероятную глупость и теперь расплачиваюсь за свои грехи, — вот она, карма!.. А что, если это ещё не самый плохой вариант развития событий? Что, если я могла совершить ещё больше ошибок и всё закончилось бы гораздо хуже?

Например, если бы я, как Анти-Надэко, озлобилась на весь белый свет, разошлась, словно дикий зверь, и вооружилась стамеской... Тогда наверняка пострадали бы и мои родители, и другие люди, а может, даже я сама.

Правду говорят, что какие родители, такие и дети, и наоборот?

Сейчас совсем не время думать об этом, но что я должна делать, чтобы быть хорошей дочерью?..

Вдруг мне представилась одна глупость.

Будто бы я нарисовала себя, но только такую, какой хотели бы гордиться родители, — нарисовала себя самым совершенством, призвала эту Сэнгоку Надэко из двумерного в трёхмерное пространство и поменялась с ней местами.

Этой *сикигами* даже убивать меня не надо: я бы сама уступила свою жизнь.

А та ходила бы в школу как ни в чём не бывало, слушалась отца с матерью, была паинькой и умницей, но не очень умничала; миленько одевалась... Боже мой, что бы это была за Надэко!

— Зачем ты таращишься в пустой холодильник и улыбаешься во весь рот? Выглядит жутко,
— сказала Ононоки-тян.

Она переоделась и вернулась вниз.

«Ононоки Ёцуги» Модель № 3.

Ононоки-тян взяла одежду у родителей, но оделась, что удивительно, по-молодёжному — нет, это была лишь видимость: взрослая одежда, как и предупреждала Ононоки-тян, висела на ней свободно и только поэтому образ казался молодёжным... Неужели Гаэн-сан предпочитает стиль *casual*³?

Одно дело, когда так одевается Ононоки-тян: на вид ей не дашь больше двенадцати (трудно определить её точный возраст. Она всё-таки странность. И говорит, что ей потребовалось сто лет, прежде чем превратиться в странность), и совсем другое, когда взрослый, — это характеризует Гаэн-сан не в лучшую сторону.

Интересно, что она собой представляет?

Страшно подумать: моя судьба — признают меня безобидной или нет — зависит от такого человека!.. Зато мне сразу полегчало, когда я увидела переодетую Ононоки-тян: она так быстро определилась с выбором, хотя сам выбор, откровенно говоря, там был невелик.

Я очень хотела есть — для того мы и вернулись домой так неожиданно рано, — но когда Ононоки-тян ушла наверх, оставив меня одну, чувство одиночества, покинутости, усиленное пустым холодильником, вернуло меня в реальность и заставило посмотреть правде в глаза.

Посмотреть на то, во что превратилась моя жизнь.

Я обязательно должна помириться с родителями, но сейчас главное сосредоточиться на двух оставшихся Сэнгоку Надэко. А чтобы справиться с ними, нужно как следует подкрепиться.

— Не хватает вязаной шапочки для полноты образа, — посоветовала я Ононоки-тян. — А вообще, думаю, тебе очень идёт.

В конце концов я решила поставить чайник и заварить лапшу по-быстрому... Уж воду вскипятить даже мне по силам!

— Так, давай ещё раз... Что там у тебя была за стратегия, Ононоки-тян? Ты начала с того, что меня теперь три...

— Ну да.

Мы перебрались в столовую и сели за стол друг напротив друга.

Ононоки-тян на протяжении вот уже нескольких месяцев периодически зависала у меня в комнате, чтобы отдохнуть от работы (и вдоволь нажаловаться), и даже служила моделью для эскизов, однако за всё это время, кстати, ещё ни разу не спускалась на первый этаж, а всё потому, что родители могли застукать (и вот почему в комнату она залетала через окно), так что видеть её в столовой было непривычно.

Я предложила Ононоки-тян «*ракуто-айсу*⁴», которое откопала в морозилке (а в самом холодильнике так ничего и не нашла).

Пусть полакомится.

— Так вот, раз уж Богинядэко и Тихонядэко объединились, — начала Ононоки-тян, — я предлагаю разделаться с ними трём Сэнгоку Надэко. Если считать тебя саму и двух *сикигами*, которых ты поймала — Надэкокетку и Анти-Надэко, — вас будет три.

— Угу. Нет, это-то понятно, почему меня три: я плюс две *сикигами*, и всё-таки...

Когда Ононоки-тян предложила свою идею в первый раз, то там, на вершине горы, на территории храма Северной Белой Змеи, я посчитала её блестящей — Богинядэко от нас этого точно не ожидает! — но немного погодя, уже успокоившись и взвесив всё на холодную голову, поняла, что ни с Надэкокеткой, ни с Анти-Надэко договориться не выйдет, и передумала.

Хорошо, что вовремя опомнилась, — значит, не зря мы взяли тайм-аут. Один раз я уже импровизировала на ходу, когда столкнулась с Анти-Надэко, и едва не померла, так что теперь, прежде чем осуществить весь план — пусть он хоть сто раз придуман профессионалом, — хотела проработать каждый шаг по существу.

— Три против двух... — размышляла я. — То есть ты хочешь обеспечить численное преимущество?

— Верно. Прийти к согласию путём простого голосования по правилу большинства у вас с ними, конечно, не получится: каждая Надэко не какой-то там типаж, а настоящая личность со своими интересами и потребностями... Судя по тому, что *сикигами* наделены особыми качествами, которые были сформированы в процессе написания их портретов, они не являются твоими клонами в прямом смысле слова, и из-за этого весь план кажется тебе ненадёжным. Но их отличия от тебя — во всех отношениях — должны сыграть нам на руку. Надэкокетка умеет заговаривать зубы, Анти-Надэко обладает немыслимой физической силой — лучшего расклада для поимки другой парочки и представить нельзя... А те, в свою очередь, чем могут ответить? Тихонядэко, у которой Анти-Надэко отобрала все стамески, будет лишь приманкой или «защитным барьером», так что реальную опасность представляет одна Богинядэко.

— Да, это я понимаю.

К тому же Ононоки-тян, получив только первую помощь, по факту ещё не в состоянии пользоваться *Unlimited Rulebook* («Безграничным сводом правил»), а значит, не сможет участвовать в битве... Ну а от меня вообще никакой пользы, но да, я в любом случае буду стараться в меру своих сил.

Вот только план всё равно кажется ненадёжным.

Ведь...

— Сегодня утром мы вон тоже положились на *сикигами*, чтобы проблема с нехваткой времени решилась (точнее, чтобы *они* решили проблему), и потерпели полный провал, разве нет? — напоминала я Ононоки-тян. — Пытались заручиться помощью четырёх *сикигами* и сели в лужу, а те вырвались на волю.

Было бы здорово, если бы мы могли, как с вражескими фигурами в сёги, заставить запечатанных *сикигами* играть на нашей стороне, но я не верю, что это возможно⁵.

Допустим, мы снова призовём Надэкокетку с Анти-Надэко и попросим их о помощи, — по-моему, всё закончится тем, что они опять от нас убегут.

— Оги-сан предлагал мне нарисовать сто Сэнгоку Надэко и развернуть с их помощью масштабную поисковую операцию, — твой план, думаю, ничем не лучше его...

— Не воспринимай слова Осино Оги всерьёз: скорее всего, это была шутка; однако даже в этой шутке есть рациональное зерно. Чёрт возьми, вечно Осино Оги проникает в самую суть вещей. До чего же бесит, — безэмоционально вспылила Ононоки-тян. — Призывать сто *сикигами*, само собой, глупо, и всё же скажи мне одну вещь, Сэнгоку Надэко: вот у тебя что-то не получилось — и ты что, сразу готова опустить руки?

— В смысле?

— Попытаться один раз, с треском провалиться и больше уже не пытаться, — такой настрой совершенно не подходит человеку, который хочет добиться своей мечты, не находишь? Мы с тобой не сумели обуздать *сикигами*, это чистая правда, так может, стоит попытаться ещё и в следующий раз получится лучше?

— ...

Ну, в этом есть смысл.

Звучит очень уж оптимистично, но в целом...

Правда, какого светлого будущего можно добиться, если избегать дальнейших попыток делать что-то просто потому, что не получилось в первый раз? Тихонядэко постоянно пасовала перед трудностями — и вон в кого превратилась из-за этого недостатка и невмешательства со стороны родителей!

Так что я *обязана* преодолеть свои недостатки!

Наверно, это единственное полезное дело, которое под силу бесполезной мне...

Хотя оно принесёт пользу только в том случае, если я снова брошу себе вызов, чтобы получить хороший жизненный урок и обезопаситься от ошибок в будущем; но брать себя на слабо, не предусмотрев возможных опасностей, — полное безумие и ничего мужественного в этом нет.

В чём смысл бросаться в омут с головой в попытке исправить ошибки прошлого и переделать всё так, как задумывалось изначально, если тогда можно нагородить ещё больше ошибок, которые повлекут за собой ещё более тяжёлые последствия?

— Если ты так категорично настроена против этого плана, я настаивать не собираюсь. Есть и другой вариант... Но раз уж ты обмолвилась об изначальной задумке, я хочу тебя спросить — а то, может, ты забыла, — для чего мы изначально призывали *сикигами*, Сэнгоку Надэко?

— Изначально? — переспросила я. — Ну, чтобы организовать с ними ротацию и наработать 10 000 часов по одноимённому правилу, так?

— А ещё чтобы добиться признания от Гаэн-сан; чтобы она не сочла тебя угрозой, помнишь? Твоя жизнь висит на волоске — ты должна исправиться, доказав Гаэн-сан, что приносишь больше пользы, чем вреда.

А-а, вот ты о чём?

Ну конечно помню... Нам нельзя обращаться к другим специалистам за помощью в том числе и по этой причине, хотя ситуацию, в которую мы угодили, при всём желании не назвать простой.

Но, опять же, допустим, мы найдём выход из трудного положения своими силами (при условии, что существует другой план, который не включает в себя повторный призыв запечатанных *сикигами*, и мы пойдём именно по нему); если вдуматься, это наверняка гарантирует нам две вещи: во-первых, мне не присвоят опасный статус, каким обычно награждают те же странности, постоянно доставляющие неприятности и проблемы, а во-вторых, от Ононоки-тян не избавятся, как от вышедшей из под контроля *сикигами*; то есть отпадёт сама необходимость ужесточать наблюдение за мной, несмотря на то что один раз я уже наплодила буйных *сикигами* и они вырвались на волю.

Тем не менее безобидный статус, на который я рассчитываю, после такого мне тоже не присвоят... Честно говоря, надежда получить его станет, наоборот, ещё более призрачной!

Поэтому Ононоки-тян настаивает на повторном призыве, чтобы я доказала, что могу контролировать своих *сикигами*?

Я не понимала, как это важно, пока Ононоки-тян откровенно не разжевала все плюсы и минусы, — боже, какая я тупая!

А ведь правда...

Её план решит не только сегодняшнюю проблему...

Но и избавит от проблем в будущем!

Я уже ругалась на Тихонядэко этими словами, а теперь должна отругать себя: «Не губи своё будущее!»

Судя по тому, во что вылилась идея наработать 10 000 часов вместе с призванными *сикигами*, мне придётся отказаться от неё и сосредоточиться на единственно важной вещи: я должна заполнить безобидный статус во что бы то ни стало!

Нагло, согласна, но иначе мне не добиться ни светлого будущего, ни своей мечты...

— Хорошо... Я призову *сикигами*, Ононоки-тян... Ну, то есть... ты призови... Призови их, пожалуйста, — говорила я, потягивая лапшу из чашки. — А план Оги-сана... мы всерьёз не рассматриваем?... Это я просто так... чтобышний раз убедиться.

— Забудь о нём. Лучше тебе больше не писать автопортреты. Есть такое выражение: наступить на грабли, но кто сказал, что эти грабли должны быть теми же?... Разорвём цепь неудач. По методу проб, ошибок и ещё раз проб (обойдёмся без вторых ошибок). Когда ошибаешься, всегда надо делать выводы. Особенно если имеешь дело с Арааги Цукихи.

— ...

Мы в таком опасном положении, а Ононоки-тян всё сыплет жалобами на Цукихи-тян, — её недовольство не знает границ!

С другой стороны, общение с Ононоки-тян, я думаю, должно благотворно сказаться на моём эмоциональном развитии: она теперь напарница Цукихи-тян (которая, кстати, считает, будто Ононоки-тян — девочка-волшебница, вселившаяся в её куклу), а я такой трудный ребёнок и неуч, что их приключения мне как-то ближе⁶.

Хочу хоть разок послушать их перепалки вживую!

А также посмотреть на то, как Ононоки-тян притворяется девочкой-волшебницей!

Так, это всё отступления — вернёмся к главному: слава богу мне не придётся рисовать себя сто раз!.. Как бы сильно я ни стремилась стать мангакой, а нарисовать сто раз подряд одного и того же персонажа, чтобы все рисунки были как на подбор, выше моих сил!

Даже профи с этим не справится!

— Выводы из ошибок, говоришь... — рассуждала я вслух. — Имеешь в виду, что на этот раз я должна заставить наконец Надэкокетку и Анти-Надэко служить мне, то есть своей хозяйке, как все порядочные *сикигами*?

— Да. Они воспримут тебя иначе, чем утром: один раз ты уже сразилась с ними и — неважно как — вышла победителем, запечатав в бумагу. Изгнала из мира живых и показала тем самым, кто здесь хозяин, а кто слуга. Поэтому вероятность того, что они станут слушаться тебя, когда освободишь их из плена бумаги, достаточно высока.

«Я бы не предложил этот план, если бы не был уверен в его надёжности», — сказала Ононоки-тян, зачерпнув деревянной ложечкой мороженое из банки.

— Хотя, возможно, всё станет только хуже.

— Только хуже?.. — переспросила я.

— Если выпустить Надэкокетку и Анти-Надэко перед Богинядэко и Тихонядэко, первые могут примкнуть ко вторым, и тогда ты будешь сражаться не втроём против двух, а в одиночку против четырёх.

Да уж, хуже не бывает!

Эта четвёрка окружит меня и отметелит так, что мало не покажется!

— Ну, это в худшем случае, однако, если развить идею, возможен и оптимистичный вариант: Тихонядэко не захочет быть пешкой в руках Богинядэко, перейдёт на вашу сторону и вы будете сражаться вчетвером против одной, — продолжала рассуждать Ононоки-тян. — Да, мы не можем знать, как всё повернётся, но это не значит, что победа или поражение находятся во власти удачи. Исход по существу зависит от твёрдости твоего характера.

Твёрдости характера?

Такого про мой характер ещё никто не говорил.

И где же мне, бесхарактерной, набраться этой твёрдости?

В итоге всё упирается в силу воли, — уж лучше бы Ононоки-тян сказала, что от меня требуются какие-то экстрасенсорные или магические способности!

— Со своей стороны я, конечно, окажу поддержку по всем вопросам, где понадобятся какие-то специфические навыки и приёмы, — заверила Ононоки-тян. — Сейчас скажу одну вещь — прозвучит как банальная фраза из манги для подростков, — и всё же: пришла пора преодолеть прошлую себя и двигаться дальше, Сэнгоку Надэко.

Вот только почему эта пора пришла так внезапно и именно сегодня? Разве человек не должен сначала достичь хоть каких-то вершин, прежде чем двигаться дальше?

Так что я-то тут при чём? Я всё ещё ссорюсь с родителями, как маленький ребёнок.

— Хорош, достала уже, — монотонно ругалась на меня Ононоки-тян. — Кончай ныть, а не то я прямо сейчас раскрою, будто рассказчицей нашей истории всё это время была *сикигами*.

Думаю, даже если бы я на самом деле оказалась *сикигами*, читатель ни разу бы не удивился, но в любом случае не надо, пожалуйста, предвосхищать события!

— ...

Что ж, нельзя выбрать день, когда тебе самой захочется разобраться с призраками прошлого: они наступают неожиданно-негаданно и ставят перед фактом... Да и что-то припозднились эти призраки, честно говоря.

Тихонядэко с её боязнью смотреть прямо.

Надэкокетка с её лестью к каждому вокруг.

Анти-Надэко с её нетерпимостью ко всему и всем.

Богинядэко с её притворством святой и невинной овечкой.

Все они — я, и все мои прошлые «я» неразрывно связаны с моим настоящим.

Поэтому нынешняя я должна вобрать их в себя, прежде чем двигаться дальше.

Я не задумывалась об этом так глубоко во время схватки с Надэкокеткой или Анти-Надэко, да мне, признаться, и некогда было. До этого я шла на *сикигами*, позабыв о себе, безо всякой подготовки или даже идеи, изобретая что-то на ходу то в школе, лишь бы не допустить паники, то в доме Арараги, лишь бы увернуться от удара стамески. Но теперь всё будет иначе.

Я подкрепилась.

И объявляю войну.

Примечания

1. Родоначалником игр данного жанра считается *Rogue*, вышедшая в 1980 г. (отсюда название *roguelike* — «*Rogue*-подобные игры»). Одним из ключевых факторов *roguelike* является режим «одной жизни» (после гибели персонажа придётся начинать игру с начала), а также случайная генерация игровых уровней (каждое прохождение уникально). Сеттинг многих «рогаликов», как их называют по-простому, создавался под влиянием настольных ролевых игр вроде *Dungeons & Dragons* («Подземелья и драконы»), поэтому основной задачей игрока зачастую является исследование лабиринтов подземелий в поисках сокровищ. Если говорить о японских *roguelike* в сеттинге подземелий и с системой голода/кормления, то самой известной, пожалуй, окажется серия *Mystery Dungeon*.

2. Во многих отраслях промышленности, напрямую зависящих от моды (например в швейной, автомобильной или индустрии мобильных телефонов), руководствуются таким понятием, как планируемое стилевое устаревание, когда каждый год или два производитель делает (полный) рестайлинг модели — обновляет внешний вид товара. Делается это для того, чтобы владельцы старых моделей чувствовали себя «устаревшими» и побежали покупать новые. Этот подход обеспечивает постоянную и весомую прибыль компаниям-производителям при минимальных затратах на разработку и производство.

3. Стиль одежды, основными чертами которого являются практичность, удобство и простота. Гаэн Идзуко одевается слегка небрежно, сочетая широкие штаны и свободную футболку, — это очень похоже на разновидность «ол-аут-кэжуал» — непринуждённый повседневный стиль.

4. Разновидность мороженого, в котором массовая доля сухих веществ молока составляет всего 3% (в обычном мороженом — не менее 15%). «*Ракуто-айсу*», благодаря низкому содержанию молока, стоит дешевле других видов мороженого, зато является самым

калорийным из-за большого количества жиров и сахаров, добавляемых туда производителями для улучшения вкуса.

5. Сёги — японская настольная игра, похожая на шахматы. По правилам, когда фигура одного игрока «ест» фигуру противника, «съеденная» фигура отправляется в резерв ко взявшему её игроку. Во время партии можно не только передвигать фигуры по доске, но и делать так называемый сброс: выставлять одну из имеющихся в резерве фигур на (почти) любую пустую ячейку, — в таком случае бывшая фигура противника начинает играть на вашей стороне.

6. Надэко говорит о «дзёсо-кёику» — содействии развитию в человеке сложных эстетических переживаний. Японцы уделяют этому столько же внимания, сколько трудовому воспитанию, и работают над эмоциональным развитием детей с раннего возраста. Если говорить о школе, то этим занимаются, например, на уроках рисования, труда, музыки и некоторых других. Согласно эстетической теории И. Ф. Гербарта, откуда берёт своё начало термин «дзёсо-кёику», познание предметов искусства или явлений природы побуждает человека представлять себе понятия, которые вызывают одобрение или недовольство. В данном случае имеется в виду, что опыт работы с Цукихи, которым делится Ёцуги, быстрее вызывает у Надэко определённый — будь то позитивный или негативный — эмоциональный отклик, чем чтение книг, любование явлениями природы или картинами.

Местом решающей схватки стал книжный магазин.

Это был настоящий дом книги, единственный такой огромный на весь наш глухой уезд.

В этом магазине — естественно, его открыли у нас в городе, а не где-то в посёлке или селе: мы располагались в самом сердце уезда, — в этом магазине всегда предлагался широкий выбор литературы на любой вкус, и, в общем, когда мне нужна была книга, манга или ещё что, я покупала только здесь.

Правая кисть Ононоки-тян, которая была прилеплена к спине Богинядэко, передавала сигналы, словно радиопередатчик, так что, когда мы вышли из дома, Ононоки-тян сразу взяла курс на зов своей кисти и в конце концов привела нас к двухэтажному зданию книжного магазина.

— Фу-ух, ну и дела, — сетовала она. — Жаль, нельзя пользоваться *Unlimited Rulebook* («Безграничным сводом правил»): я б одним прыжком добрался досюда. А то так ухайдокался, что даже ног под собой не чувю. Скажи, вам, людишкам, всегда так адски трудно ползать по земле?

Мы не ползаем по земле — не надо грубить!

И что за внезапная перемена характера? Боюсь, как бы это не принесло проблем.

Кстати, я только сейчас вспомнила, что забыла ВМХ Оги-сана у ворот дома Арараги... Не удивительно: я бросилась бежать оттуда без памяти и даже не думала о том, как глупо или дико выглядела со стороны.

А про велосипед начисто забыла.

Хотя вряд ли мы с Ононоки-тян поехали бы на нём вдвоём, даже если бы он был в нашем распоряжении: ездить на ВМХе сложно и он, по-моему, совсем не дружелюбен к новичкам, которые только начали или вообще никогда не катались на велосипедах... К тому же прийти к дому Арараги мне теперь ещё труднее, чем раньше, так что прошу тебя, Цукихи-тян, побереги велосипед и верни его Оги-сану, если тот за ним придёт!

А мне остаётся только молиться, чтобы она не связала стоящий рядом с её домом ВМХ с раскученной дверью и не подумала потом, что это дело рук Оги-сана... Интересно, чем он сейчас занимается?

Наверно, уже устал искать и вернулся к себе домой?

Помимо этого меня интересовал ещё и другой момент: я сильно удивилась, узнав, что Богинядэко и Тихонядэко избрали штабом книжный магазин. По-моему, когда ищешь убежище, нужно выбирать место побезлюднее.

И всё же не скажу, что не подозревала, почему они осели здесь.

В моей жизни был страшный период, когда я пыталась снять насланное на меня проклятие, ради чего творила немыслимые, бесчеловечные вещи — расчленила змеек на куски в храме Северной Белой Змеи, — и знания, которые легли в основу того жестокого ритуала, я почерпнула именно в этом книжном магазине.

Помню, не раз забежала сюда, в секцию оккультной литературы, и читала большой том Полного собрания змеиных проклятий; статьи из той книги как раз и надоумили меня совершить массовое убийство змеек, которое привело к нынешним проблемам.

Сикигами, судя по всему, не столько ограничены сторонами моей повседневной жизни, сколько путешествуют по местам из моих воспоминаний.

Только ни одно из этих мест не навевает ничего приятного.

Сестрёнка Содати, кажется, говорила о ностальгии...

Может, следующим местом, куда пойдут *сикигами*, будет начальная школа, где мы с Цукихи-тян познакомились?.. Ну уж нет, я должна разобраться с ними здесь и сейчас, чтобы никакого следующего раза не было!

— Кстати, Ононоки-тян.

— Чегошеньки, Надэко-тян?

Как она резко сократила дистанцию между нами!

Опять подражает кому-то другому?

Надо быть начеку.

— Наверно, сейчас уже нет смысла спрашивать, раз мы всё решили и пришли сюда, но, ты говорила, есть другой вариант? В чём состоял план, по которому ты собиралась работать, если бы я отказалась от стратегии заставить своих *сикигами* служить мне?..

— Да, это ты верно подметила: сейчас смысла спрашивать нет, а так тот план был практически нашей последней надеждой, — призналась Ононоки-тян. — Теперь-то я могу сказать, что вряд ли стал бы работать по нему, да и намекнул о нём только затем, чтобы ты согласилась на вариант с повторным призывом.

— Теперь можешь? А раньше что? Так говоришь, будто что-то успело произойти, хотя и часа не прошло!

— Уповать на появление бывшей Киссшот Ацуролаорион Хартандерблейд, — вот в чём состоял тот план. Уповать на великодушие Королевы Странностей, официально признанной безобидной. На то, что железнокровная, теплокровная, хладнокровная вампирша снизойдёт до нас.

— ...

Одновременно железная, тёплая и холодная кровь — это что, ещё одна шутка-отсылка к *Kizumonogatari*?

Ононоки-тян, видимо, пыталась рассмешить меня, но я не то что не посмеялась, а даже не улыбнулась.

— Нет-нет, идея-то сама по себе очень даже неплоха, хотя и кажется утопией, — оправдывалась она. — Полагаться на специалистов, подчиняющихся Гаэн-сан, нельзя, а бога-гулёну, преемника Богинядэко, о помощи не попросишь — попробуй ещё найди его, — зато обратиться к бывшей Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд ничто не мешает. Мы с ней, конечно, не на короткой ноге, но это самое простое решение — затащить сюда странность с безобидным статусом, чтобы она «перекусила» двумя оставшимися *сикигами*.

— Но ведь Богинядэко далеко не один раз убивала бывшую Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, то есть Синобу-тян, разве нет?

Да и Ононоки-тян говорила, ещё когда лежала с оторванными головой, руками и ногами, что вампиру — странности с работающей кровеносной системой — не поздоровилось бы от змеино-го яда.

Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что это не Богинядэко много раз убивала Синобу-тян, а я собственной персоной.

— Да, ты. Вот именно. И это самое важное. Богинядэко не более чем *сикигами*. Бог из бумаги¹. Она не та, что прошлогодняя ты. И поле боя другое: книжный магазин — это тебе не святая земля храма Северной Белой Змеи.

— Но ведь...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, но не решаешься, — перебила меня Ононоки-тян, когда я попыталась возразить во второй раз. — Затащишь бывшую Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд — за ней неизбежно притащится *он*, — эта парочка неразлучна. А когда в игру вступает *он*, совершенно не знакомый с такими понятиями, как стратегия и планирование, никто не может предсказать, чем всё закончится. С *его* участием станет невозможно смоделировать ситуацию. Тем не менее, если не принимать во внимание твои интересы, меня устраивает и такой вариант, но я понимаю, что тебе, *Надэ-ко*, этот план не понравится и проглотить его будет трудно.

— ...Спасибо, что подумала обо мне.

Твоё «Надэ-ко», между прочим, тоже трудно проглотить.

Какой-то обрубок от «Надэко-тян²».

— Не за что. Как я говорил, план этот хоть и выигрышный, но едва ли осуществимый. И всё же я не посмотрю на то, нравится он тебе или нет, если станет ясно, что твоей жизни угрожает опасность, с которой нам вдвоём уже не справиться, — пообещала Ононоки-тян. — Когда дело дойдёт до крайности, я положу всё на то, чтобы добиться помощи от бывшей Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, или Гаэн-сан, или даже новоиспечённого бога.

Как чётко она обозначила границы, где заканчивается дружба и начинается работа, — настоящий профессионал!

Я не могла не волноваться по поводу того, чем в таком случае всё закончится для Ононоки-тян, если она подключит к решению проблемы кого-то со стороны: оставят её на службе или ей грозит ликвидация...

— А я как-нибудь справлюсь, — легко предупредила она мой вопрос, будто прочитала мысли. — Со своими делами сам разберусь.

После такого ответа развивать эту тему дальше было бессмысленно. Мне оставалось лишь каяться в собственной никчёмности: я даже со своими делами не могла разобраться сама!

— Не переживай. Ты меня тоже спасаешь, когда выслушиваешь жалобы на Арараги Цукихи, так что мы квиты.

Значит, вот какая роль мне отведена — жилетки, в которую можно поплакаться?

Ладно, это всё не важно: для меня сейчас главное — во что бы то ни стало осуществить первый план, на котором мы сошлись с Ононоки-тян, чтобы сохранить ей работу... Я хотела разобраться с *сикигами* по возможности тихо и мирно: перспектива сражаться в стенах книжного магазина мне не нравилась.

И нет, я не кривлю душой, — вы не подумайте!

Я сильно волновалась, когда переступала порог, потому что могла лишь гадать, почему Богинядэко и Тихонядэко избрали штабом именно книжный магазин, но, очутившись внутри и обратив внимание на планировку, решила, что скрываться здесь очень даже удобно.

Раньше я никогда не считала книжный магазин прекрасным местом для прятков, а ведь здесь хватало высоких стеллажей, которые тянулись друг за другом частоколом и сбоку напоминали пластины вертикальных жалюзи. Длинные ряды полок уходили в глубь магазина. Если двинешься между рядами и на тебя вдруг выпрыгнет кто при следующем повороте — даже сообразить не успеешь. Будь это место локацией в каком-нибудь шутере — вот раздолье так раздолье: можно укрыться от вражеского обстрела и спокойно перезарядиться.

Сикигами, впрочем, ничего не выигрывали от такой планировки... Преимущество на локации «Книжный магазин» было только у нас с Ононоки-тян: благодаря своей правой кисти она могла обнаружить Богинядэко везде, где бы та ни пряталась.

Казалось, что, разоблачив метким анализом, развитым за многие часы, проведённые в играх, все хорошие и плохие стороны стелса в книжном магазине, я решила проблему, но всё было не так просто.

Проблема заключалась не в том, можно ли здесь спрятаться, а в том, что вокруг не было ни души... Нет, это всё естественно, что в будни, тем более в дневное время, в книжном нет столпотворения, к тому же нам с Ононоки-тян, зачинщикам всей этой суматохи с *сикигами*, так даже лучше: невинные не пострадают. Однако в магазине почему-то не было не только покупателей, но и сотрудников.

Вокруг на самом деле не было ни души, — это не фигура речи.

Книжный магазин обезлюдел.

— ?

— Барьер, наверно. Хотя нет. Слишком уж топорная работа: барьер ведёт себя более избирательно и не отгоняет всех сразу. Скорее всего, способность одной из *сикигами*. Вероятно, Тихонядэко, — рассуждала вслух Ононоки-тян, пока я про себя недоумевала: «Куда подевались все люди?» — Тихонядэко, считай, сделала магазин таким, каким он ей всегда казался, — продолжала Ононоки-тян. — Здесь так безлюдно, потому что из-за длинной чёлки и вечно поникшей головы она не видела никого вокруг. И не арестовали Тихонядэко, при том что она бродила по улице в неприличном виде, должно быть, как раз из-за этой, скажем так, способности спроваживать от себя людей, усиленной страхом перед незнакомцами.

Хм.

Если Тихонядэко обладает такой способностью — хотя мне кажется, что Ононоки-тян коснулась только верхушки айсберга и вникнуть в природу силы моей *сикигами* можно гораздо глубже, — теперь понятно, почему было так много случайных свидетелей, но никто не мог сам найти её и поймать. Это не удалось не только нам с Оги-саном, но и Ононоки-тян, а она вообще-то профессионал и Тихонядэко даже специально привела её на гору.

Однако не стоит забывать, что мы добрались досюда только благодаря выпаду Ононоки-тян, которым она успела тогда ответить. Тихонядэко, с помощью своей «пассивной способности», которая, видимо, и обеспечивала ей безопасность всё это время, могла, по идее, вечно уходить от нашего преследования, как бы близко мы к ней ни подбирались, но правая кисть Ононоки-тян, прилепленная к спине Богинядэко, выдала нам их местоположение — и вот мы здесь, в книжном.

— Сюда, — указала Ононоки-тян и, чуть замедлив шаг, повела меня дальше в глубь магазина через густую рощу стеллажей.

Книжный магазин занимал всё двухэтажное здание: на первом располагались отделы художественной и узкоспециализированной литературы, периодической печати и учебных пособий, а на втором — комиксов и книг для детей, с иллюстрациями и без. Чаще всего я, разумеется, покупала или читала что-нибудь в отделах на втором этаже, но это не значит, что Богинядэко и Тихонядэко обязательно будут там... Поэтому я нервно озиралась по сторонам и, заранее вынув из кармана два сложенных пополам листа бумаги, держала их наготове по одному в каждой руке.

Но это были не чистые листы для поимки *сикигами*.

В левой руке я держала лист с изображением Анти-Надэко.

А в правой — Надэкокетки.

Чтобы иметь возможность «активировать» их в любой момент, если вдруг что.

— На всякий случай повторяю, Надэ-ко: что бы ни случилось, «активируй» только одну *сикигами* за раз, — не оборачиваясь и понизив голос, произнесла Ононоки-тян.

Да, точно.

Она уже читала эту лекцию перед тем, как мы вошли в книжный магазин, но я что-то разнервничалась и достала сразу два листа.

Активировать одновременно всех ни в коем случае нельзя прежде всего потому, что утром мы совершили точно такую же ошибку... Ононоки-тян сказала, что я не смогла обуздать четырёх *сикигами* и распоряжаться ими по своему усмотрению из-за того, что они были призваны все скопом.

Я особо не задумывалась об этом, пока она не обратила моё внимание.

До сегодняшнего дня я ещё никогда не призывала *сикигами*, даже когда была богом, поэтому, ясное дело, никак не могла заставить помогать мне одновременно четырёх, несмотря на то что все они — я.

Оги-сан говорил, что Ононоки-тян не ожидала такого исхода — у неё получилось призвать аж четырёх *сикигами* сразу, — и теперь я понимаю, почему она не ждала и не хотела этого.

И почему наказала активировать только одну за раз.

Одну за раз.

Поэтому, несмотря на численное преимущество — у нас три Сэнгоку Надэко, а там две, — сражаться стенка на стенку нежелательно.

Другими словами, нужно выцеплять противника по одному.

А потом брать в клещи с какой-нибудь из двух запечатанных Надэко-*сикигами* и... Да, то есть нас ждёт не одна схватка «три против двух», а две «две против одной».

В идеале так.

Конечно, идеально у меня ничего не выйдет, но Ононоки-тян всё равно строго-настрого запретила активировать сразу двух *сикигами*.

А то и правда получится, что я останусь одна против четырёх.

Так что использовать Надэкокетку и Анти-Надэко надо с умом, чтобы они сменяли друг друга, когда понадобится: у этих двух *сикигами* прямо противоположные характеры и каждая годится только для своего дела.

Надэкокетка — для переговоров, Анти-Надэко — для драки.

Нужно быть внимательнее, чтобы не ошибиться, когда какую активировать.

— М-м... Кажется, они наверху, — прошептала Ононоки-тян, указав пальцем правой кисти, слеplенной из грязи, в потолок.

Наверху... Хочешь сказать, на втором этаже?

Тихонядэко что, не смогла совладать с собой и зашла в отдел комиксов?.. Нет, мне кажется, даже она не стала бы в такой ситуации, зная, что за ней охотятся, беззаботно выбирать себе мангу.

После слов Ононоки-тян, то есть когда стало ясно, что на первом этаже, где мы сейчас бродили, Богинядэко нет, я слегка успокоилась.

А это нехорошо.

Успокоиться — значит потерять бдительность... Однако дело было не только в словах Ононоки-тян: эта девочка-без-руки ещё взяла на себя роль руководителя и вела меня за собой; наверно, забыла, как собиралась отойти на второй план.

Всё это позволило мне слегка расслабиться.

И в таком слегка расслабленном состоянии я плелась, стараясь поспевать за Ононоки-тян, к лестнице, ведущей на второй этаж.

Вообще, я хожу медленно.

А тут за утро успела уже и на велосипеде накататься, и на гору забраться, и город исходить в поисках *сикигами* — того часа, даже чуть меньше, который я провела дома, не хватило, чтобы отдохнуть и набраться сил: ноги так и отваливались.

Поэтому я, при всём желании идти бок о бок с Ононоки-тян, могла лишь тащиться сзади и не сбавлять темпа, хотя она уже оторвалась от меня на целый метр... Ох, если б я только заранее знала, в какую смертельную опасность попаду из-за того, что отстала на метр!

Мы шли на второй этаж, и всеми мыслями я была уже наверху, но вдруг, завернув за очередной стеллаж, краем глаза заметила вдали кое-что странное.

Мне было потом очень неловко перед Ононоки-тян: я заметила то, что она проглядела, но иначе быть просто не могло... Ононоки-тян полностью сосредоточилась на том, чтобы добраться до своей оторванной правой кисти, на что и ушли все силы, а я в свою очередь просто плелась хвостом за специалисткой и ничего полезного не делала, вот и не почувствовала никакой гордости, когда кое-что заметила первой.

К тому же там нечем было гордиться.

Печальное зрелище, достойное одного порицания.

Вдали, в противоположном конце зала, я увидела со спины Тихонядэко, — она стояла в школьном купальнике и читала какую-то книгу.

Ну разве можно испытывать гордость за такую себя?

Примечания

1. По-японски «бог» и «бумага» звучат одинаково — *ками*.
2. Ёцуги меняет иероглиф 子 (*ко*) в имени Надэко на почти сходный по звучанию 公 (*ко:*), который в данном случае играет роль фамильярного суффикса. Когда 公 присоединяют к *части* имени или профессии, это говорит о некотором подтрунивании со стороны говорящего. Степень грубости в каждом конкретном случае индивидуальна. В таком качестве 公 используют редко; в реальной жизни так могут делать разве что среднеклассники в общении с близкими друзьями, да и то практически никогда, — такой «подкол» в целом считается отстойным.

Если полуголой Тихонядэко в одних блумерсах дали прозвище Панталонадэко, то Тихонядэко в школьном купальном костюме будет Надэкостюмом?.. Вижу, она в пляжных вьетнамках на босу ногу, — это чтобы обувь соответствовала верху? Тихонядэко стояла далековато, к тому же отвернувшись к стеллажу, — я не была на сто процентов уверена, что это на самом деле она, но не думала, что кто-то ещё, кроме Сэнгоку Надэко, мог стоять в книжном магазине, откуда спровадили всех людей (или тут что другое произошло — кто знает?), в школьном купальнике и спокойно читать книгу.

Хотя стоп: даже я никогда не приходила в книжный магазин в купальнике!

Максимум в храм Северной Белой Змеи! Кому-то мой поступок может показаться богохульством, но в том, чтобы надеть тогда купальник, была своя логика, — так было легче следить за ходом освобождения от змеиного проклятия.

По одной лишь этой причине — потому, что я не позволяла себе появляться на улице в таком излишне откровенном виде (ну ладно, ещё потому, что прямо сейчас выглядела модно, подражая Цукихи-тян), — мне было больно смотреть на Тихонядэко.

Как бы то ни было, я наконец нашла Тихонядэко, за которой гонялась с самого утра. Надеюсь, они с Богинядэко не заметили нас?

Мы с Ононоки-тян предполагали, что эта парочка точно действует заодно, поэтому так неожиданно было видеть, что они разделились по этажам.

Ну надо же!

Я перестала ходить в этот магазин с тех пор, как начала вести замкнутый образ жизни, тем не менее хорошо помнила, где что лежит... Неужели Надэкостюм ищет что-то у полок с оккультными книгами?

У полок с книгами, одна из которых научила меня тому неправильному ритуалу по избавлению от проклятия... Нет, Осино Меме-сан вроде говорил, что сам по себе ритуал был правильным?

В тот раз я совершила столько ошибок! Даже не уверена, что сделала правильно, а что — нет.

— Оно... ноки-тян, — хотела было я позвать её, но вовремя осеклась, проглотив вторую часть фамилии.

В магазине сейчас никого нет. Фоновая музыка тоже не играет. Боюсь, если заговорить, голос раздастся эхом по всему залу и Тихонядэко нас обнаружит... Я подумала, нам выпал слишком хороший шанс, чтобы его упускать.

Тихонядэко предпочитает плыть по течению, вместо того чтобы сопротивляться, — если склонить её на нашу сторону и бросить вызов Богинядэко вчетвером, возможно, всё обойдётся без кровопролития... Мы потребуем от Богинядэко спуститься с небес на землю и отказаться от мечтаний занять моё место.

Спуститься с небес на землю...

Как будто речь идёт об очередном богоявлении.

С одной стороны, я не могла окликнуть Ононоки-тян (и вообще подать голос), а с другой — не понимала, как иначе задержать её; она ведь не узнает, что я остановилась, и продолжит торопливо красться вперёд... А что, если подбежать к ней и задержать за плечо? Нет, тогда Тихонядэко услышит топот шагов. Сандалии будут громко шлёпать по полу. Э-эх, ну почему я не переобулась в кроссовки, когда была дома?!

«Пойду!» — вдруг решила я, развернулась и поплелась прочь от Ононоки-тян в сторону Тихонядэко... Торопиться было незачем, поэтому я двигалась не спеша, на цыпочках, поджав губы, чтобы даже не пискнуть, и не спуская глаз с Надэкостюма, а точнее, с тонких лямок, слитых посередине в одну узкую полосу, её купальника, сильно оголявшего плечи и спину.

Зря я пошла.

Очень зря.

Ошибиться ещё сильнее было уже нельзя.

Но тогда я не видела другого варианта... Казалось, если подольститься к Тихонядэко, мы сможем разом покончить со всеми проблемами.

Я вбила себе это в голову.

Ещё свежи были воспоминания о том, что случилось в храме Северной Белой Змеи: образ расчленённой Ононоки-тян неотвязно всплывал перед глазами. Нельзя допустить, чтобы это повторилось!

Кто-то спросит: «А не всё ли равно, расчленят её или нет? Она же труп», но я такой аргумент не принимаю. С тем же успехом можно заявить, будто змеям тоже плевать на то, что их расчленяют.

Поэтому я и решила: раз уж мне выпал шанс прижать Тихонядэко к ногтю ещё до разборок с Богинядэко, его ни за что нельзя упускать!

Но это было ошибкой.

Ведь Ононоки-тян попала в затруднительное положение и оказалась без рук, ног и головы как раз потому, что Богинядэко заманила её в ловушку, воспользовавшись Тихонядэко в качестве приманки... Почему я не подумала, что эта Тихонядэко, беззаботно читающая книгу в дальнем конце зала, тоже может быть приманкой?

Мой внезапный порыв лишний раз доказал: я не учусь на ошибках и постоянно наступаю на одни и те же грабли... Нет ничего очевиднее и проще, считала я, чем договориться с Тихонядэко, — вот меня и потянуло к ней.

Однако я не только не понимала, что разрушила всю стратегию, отправившись на дело одна, но и не отдавала себе отчёт в том, насколько эгоистично поступила по отношению к Ононоки-тян.

Как видно, я совершенно не имею понятия о работе в команде.

Мысль о возможной схватке стенка на стенку против Богинядэко и Тихонядэко, а соответственно, и желание их разлучить сыграли со мной злую шутку.

Хотя мне ли жаловаться? Я сама только и умею, что играть, а не работать.

...А может, на меня давила ответственность за то чрезвычайное положение, в котором мы оказались, и оттого я вошла в такой раж? Опять решила вообразить себя героем манги?

Пренебречь реальностью в угоду фантазиям?

А заниматься разведкой типа что, выше моего достоинства и пускай это лежит на Ононоки-тян?

В свою защиту хочу сказать, что шла на Надэкостюм, придумав самый лучший план, какой только могла... Я медленно подбиралась к ней со спины, прекрасно помня, что держала в правой руке.

Там у меня был лист с запечатанной Надэкокеткой... Да, я не собиралась — будь то из самолюбия или дурацкой гордости — пытаться уговорить её с глазу на глаз, а то и вовсе, застав врасплох, загонять на чистую бумагу.

Лучше было уступить дорогу невероятно общительной Надэкокетке.

И встретить Надэкостюм вдвоём с ней.

Чтобы уговорить Богинядэко, нужен кто-то вроде Кайки-сана с его даром убеждения, а для Тихонядэко — она всегда плывёт по течению, — думаю, и Надэкокетка сойдёт.

Ещё бы ей не плыть, когда она в купальнике!.. То есть наоборот, Тихонядэко носила школьный купальник, а до этого ещё и блузерсы, именно из-за своей привычки плыть по течению — поступать так, как ей говорят.

Хотя виновата в этом не Тихонядэко: я сама когда-то была такой. Тем не менее она переделалась, отдала свои стамески — всё по приказу других *сикигами*.

Поэтому-у...

А?

Какое странное ощущение: будто что-то не так... Э-э, неужели... я что-то упустила из виду?

Нет, ну, когда я отделилась от Ононоки-тян, решив действовать самостоятельно, это, конечно, был чудовищный недосмотр с моей стороны, однако я говорю о другой, гораздо более судьбоносной ошибке...

Жаль, соображала я ещё медленнее, чем шла (при том что кралась на цыпочках, стараясь не издавать ни звука, а мои ноги, из-за избытка молочной кислоты в мышцах, были как вата), поэтому наверняка успела бы добраться до того места, откуда рукой могла достать до спины Надэкостюма, прежде, чем разобралась в природе своего странного ощущения.

Надэкостюм, как я и думала, стояла в секции оккультной литературы... и читала, должно быть, книгу о змеях.

Да.

В прошлом году меня заметили на этом же самом месте, — хотя одета я была не в школьный купальник, — когда я тоже стояла и читала книгу.

Заметили...

— ...

А если бы не заметили?.. Чем бы всё закончилось, если бы мы тогда разминулись всего на несколько минут или я бы пришла в книжный в другой день?

Наверно, проклятие убило бы меня.

Нет, на меня вышел бы специалист Осино Меме-сан, когда стал бы разбираться с той прогалиной, образовавшейся в храме Северной Белой Змеи, или я, после долгой разлуки, снова встретила бы с Карэн-сан и Цукихи-тян, Огненными Сёстрами Второй средней школы Цуганоки, когда те полезли бы разбираться с «заклинаниями», разошедшимися по школе № 701, — я бы не избежала спасения в любом случае.

...Не избежала спасения?

То есть я что, хотела бы умереть?

Тогда как должна радоваться тому, что осталась жива?..

И в этот самый момент — как будто кто-то специально ждал, когда у меня больно защемит в груди при мысли о смерти и я остановлюсь всего в паре шагов от голой спины Надэкостюма, — случилась беда.

Точнее, даже не случилась, а навалилась.

Прямо на меня совершенно неожиданно опрокинулся стеллаж...

Плотно заставленный узкоспециализированной литературой... Тонна книг в твёрдых переплётах погребла меня под собой и угрожала раздавить.

— Кх!..

Похоже, мой провал...

Был неизбежен так же, как когда-то моё спасение.